

ART ART

2
2022

ART

12+

Журнал «Арт»

ART ART

Акценты

Основная тема второго номера журнала – 650-летие коми письменности. В соответствующем разделе статья Павла Лимерова «Пермская письменность. Начало», в которой автор размышляет об азбуке (анбуре) Стефана Пермского, о гипотезах по поводу её происхождения, о судьбе стефановской письменности. В этом же разделе публикуется долгожданное продолжение исторического романа Людмилы Прошак «И посетителя посетила смерть» о биографе Стефана Пермского Епифании Премудром. Из статьи Бориса Морозова «О цифровой системе Стефана Пермского (XIV век)» можно узнать о том, что рунический стефановский алфавит содержал ещё и цифровой код.

В разделе «Литература сегоДНЯ» – окончание романа «Семья и мир», и читатель попрощается с героем Юрия Екишева, с его удивительными случаями на рыбалке, с его детством. Роман Алексея Мишарина «Из выlö из» продолжается, читатель вновь встретится с любимившимися персонажами. Поэтическая часть представлена стихотворениями известного коми поэта Александра Шебырева и русской поэтессы Марии Размысловой.

В разделе «Арт-факт» – знакомство с интереснейшим художником Александром Безумовым, после которого хочется оспорить критиков соцреализма. Статью о художнике представила Людмила Кочерган.

В журнале «b!» – новое имя. Это Полина Смородина в переводе Алёны Шомысовой.

СОДЕРЖАНИЕ

• Коми письменности – 650 лет

- П. Лимеров.** Пермская письменность. Начало..... 4
Л. Прошак. И посетителя посетила смерть. *Исторический роман*.....11
Б. Морозов. О цифровой системе Стефана Пермского (XIV век)60

• Литература сегодня

- А. Шебырев.** Чомкост. *Кывбуръяс*68
Ю. Екишев. Семья и мир. *Роман. Окончание*.....77
М. Размыслова. Память прошлой волны. *Стихи* 111
А. Мишарин. Из вылё из. *Роман* 120

• АРТ-ФАКТ

- Л. Кочерган.** Соцреализм и история повседневности
в творчестве А. Н. Безумова 153

• Ы

- П. Смородина.** Уна рёма гожём. *Висьтъяс* 177

Отчёт о результатах деятельности АУ РК, функции и полномочия
учредителя которого осуществляет Министерство цифрового развития,
связи и массовых коммуникаций Республики Коми, и об использовании
закреплённого за ним государственного имущества за 2021 год..... 182

Присоединяйтесь!

к мессенджерам и социальным сетям

[instagram.com/art.lad_rk](https://www.instagram.com/art.lad_rk)

vk.com/zhurnalart

t.me/komiart

ok.ru/art.artovich

artjournal.tumblr.com

ЧИТАЙТЕ ТАМ,
ГДЕ УДОБНО

АРТ ЛАД

Республиканский
литературно-публицистический,
историко-культурологический,
художественный журнал

Республикаса литература,
публицистика, история,
культурология да
художественной журнал

Издаётся с 1997 года четыре раза в год
на коми и русском языках.

Публикация социально значимых тем
осуществляется при государственной поддержке
Министерства цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций Республики Коми.

Учредители (соучредители):

Администрация Главы Республики Коми,
Министерство национальной политики
Республики Коми, МОД «Коми войтыр»,
АУ РК «Редакция журнала «Арт».

Руководитель редакции – Татьяна Логинова.

Главный редактор – Павел Лимеров.

Художественный редактор – Юрий Лисовский.

Технический редактор – Роман Пашнин.

Корректор – Алёна Старцева.

Главный бухгалтер – Татьяна Леончик.

Журнал «Арт»

Зарегистрировано Управлением
Роскомнадзора по Республике Коми.
Регистрационный номер и дата принятия
решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г.

Тираж: 1200 экземпляров.

© Журнал «Арт», № 2 (98) 2022 г.

Дата выхода в свет: 31.05.2022 г.

Руководитель редакции:

Логинова Т. И.

Главный редактор:

Лимеров П. Ф.

Цена свободная.

В оформлении обложки
и заставок использованы работы
(©) Ю. Лисовского.

Адрес редакции, издателя:

167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Карла Маркса, д. 229, каб. 136.
тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru,
www.artlad.ru

Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография»

с электронных носителей заказчика
в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов.
Подписано к печати по графику – 23.05.22.
Фактически – 23.05.22.
Формат: 70x100^{1/16}. Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,48. Заказ № 22-3372.
Адрес типографии: 167982, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Подписной индекс:

П4453 по каталогу «Почта России»

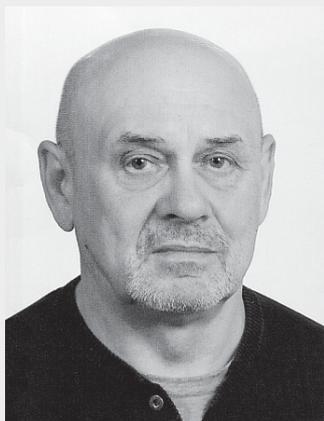
Все права на материалы, опубликованные в
номере, принадлежат журналу «Арт».
Перепечатка без разрешения редакции
запрещена. При использовании
материалов ссылка обязательна.

Материалы, не опубликованные в журнале,
редакция не рецензирует и не возвращает
авторам. Публикуя материал, редакция не
обязательно поддерживает точку зрения
автора.

www.artlad.ru

Коми
письменности –
650 лет

Павел
ЛИМЕРОВ

Павел Фёдорович Лимеров, главный редактор журнала «Арт-Лад», член СП России, ведущий научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, кандидат филологических наук. Область научных интересов: фольклористика, этнография, мифология, религиоведение, история литературы. Автор более 200 научных публикаций, в том числе девяти книг.

Пермская письменность. Начало

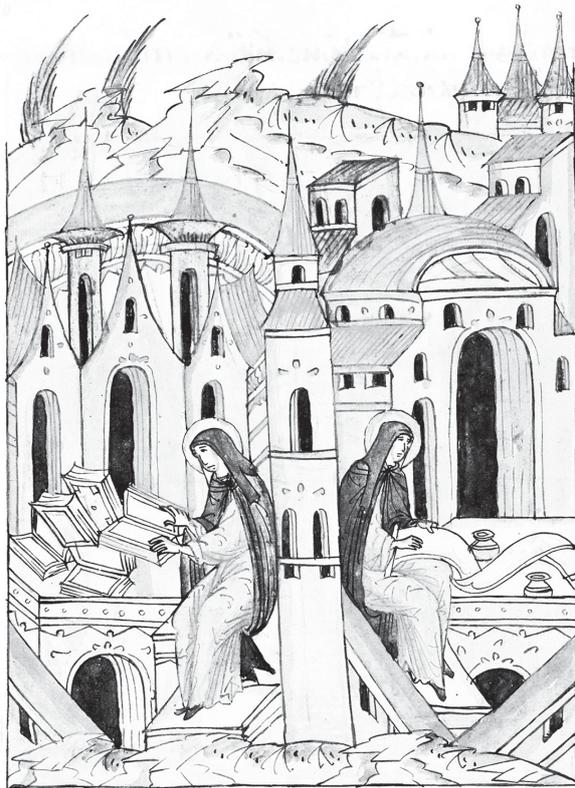
Идея распространения Евангелия на народных языках языческих племён изначально присуща христианству. Ещё первые апостолы использовали для проповеди слова Христа языки тех народов, на территории которых они находились в данный момент, а продолжившие апостольское дело раннехристианские миссионеры переводили на них книги Нового Завета, в том числе и на языки, не имевшие до этого письменности. Эпоха раннехристианского письма – алфавито-творчества продолжалась со II по VII век. В этот период появились сирийский, коптский, эфиопский, готский, армянский, грузинский, нубийский литературные языки, начало которым было положено созданием азбуки, соответствующей фонетическим особенностям народной речи, и переводом на эти языки книг Писания. Закат эпохи христианского письмотворчества совпадает с завершением святоотеческого периода, когда выработался корпус патристических сочинений, известный как христианское Св. Предание. С этого времени в церковном строительстве начинает ощущаться «нарастание консервативно-охранительных тенденций», выразившееся в том числе и в утверждении известной «доктрины триязычия», определявшей в качестве литургических языков только греческий, латинский и еврейский, связывая это с текстом из Евангелия от Луки о распятии Христа: «И была над Ним надпись, написанная словами Греческими, Римскими и Еврейскими: Сей есть Царь Иудейский» (Лк. 23, 38). Поэтому создание Константином Кириллом и Мефодием письменности и богослужения для входящего в христианский мир славянства вызвало негативную реакцию со стороны и западного, и восточного духовенства. Судьба славянской письменности решилась положительно только благодаря санкции римской курии, фактически разрешающей деятельность солунских братьев. Тем не менее сам процесс признания религиозного статуса славянского языка и славянской автономии в христианском мире был довольно длительным. Что касается пермской письменности, то хотя её становление и проходило по путям, освящённым и проторённым солунскими братьями, вопрос о её статусе и праве на существование стоял, по-видимому, довольно остро. Не случайно Епифаний Премудрый включил в главу «О пермской азбуке» Жития Стефана Пермского достаточно ёмкие цитаты и переложения основных идей

апологетического сочинения черноризца Храбра «О письменах», как бы призывая своих оппонентов вспомнить те времена, когда и сам славянский язык был на положении вступающего в христианский мир пермского языка.

«Не токмо бо святым крещением просвети а, но и грамоте сподобил, и книжный разум дарова им, и писанье предасть им, еже новую грамоту сложи, еже незнамую азбуку пермскую счини, и теми писменными словесы книги многи написав, предаст им, егоже до толе векъ свой не стяжася» – так характеризует Епифаний Премудрый просветительскую деятельность Стефана. «Незнаемая пермская азбука» была создана Стефаном в соответствии с «чином» греческого алфавита: она сохраняла линейный порядок греческих букв (ср. греч.: *альфа, бета, гамма...* и т. д., пермск.: *ан, бур, гай...* и т. д.), однако включала знаки, отражающие фонетические особенности пермского языка. Епифаний говорит о 24 знаках пермской азбуки, но называет 26 в следующем порядке: «а, бур, гаи, дои, е, жои, джои, зата, зита, и, коке, лей, мено, нено, во, пеи, реи, сии, таи, цю, черы, шуй, ы, е, ю, о». Как видим, Епифаний упоминает только названия (имена) знаков и не показывает их графического начертания. Впервые графические изображения знаков пермской азбуки были опубликованы в 1817 году Н. М. Карамзиным в «Истории государства Российского» в числе 24 букв. Всего на сегодняшний день известно 12 списков пермской азбуки, датируемых XV–XIX веками. В. И. Лыткин отмечает, что названия букв всех 12 списков азбуки единого происхождения и относятся не к стефановскому периоду, а к более позднему, к началу XVI века. В воспроизведении В. И. Лыткина стефановские имена букв выглядят в следующем виде:

Ϛ(а), ϕ (бур, бур), Ϛ(гай), Ϙ(дой), ϙ (э), ϙ(жой), ϙ (зой), ϙ (зата), ϙ (з'нта), ϙ (и), Ϙ (кокэ), ϙ (лэй), ϙ (мэнö), ϙ (нэнö), Ϙ (ö (вöй)), ϙ (пэй), ϙ (рэй), ϙ (сий), ϙ (тай), ϙ (у), Ϙ(вэр) ϙ (ч'эры), Ϙ (шöй), ϙ (ы, ыры), ϙ (о) [Лыткин, 1952, 21].

Стефан сохранил линейный порядок греческого алфавита и фонетические значения букв, то есть саму матрицу алфавита, заменив ненужные в коми языке обозначения звуков ц, ф, х на ж, дж, з'. Имена букв, как предполагает В. И. Лыткин, взяты Стефаном из древнепермской лексики и сохраняют своё смысловое значение даже сегодня. Как отмечает сам В. И. Лыткин, имена имеют только согласные буквы, тогда как гласные называются соответствующим им звуком. Однако в греко-славянской традиции гласные буквы также имеют названия. С другой стороны, в производной от греческой латинской алфавитной традиции названия гласных отсутствуют, а согласные называются сочетанием собственного звука с гласными э, е, а: Ве, Се, Де и др. Можно предположить, что Стефан учитывал и опыт латиницы: в этом случае не только гласные называются по своему произношению, но и имена согласных представляют собой сочетания собственного звука с гласными а, о, и, э с прибавлением йот, сонорных согласных и «т», видимо, в соответствии с требованиями произношения древнекоми языка. Надо заметить, что если пропустить начальные *а-бур-гай*, то имена согласных букв рифмуются и таким образом группируются по три знака: *дой-жой-джой*; *зата-зита-кокэ*; *лэй-мэнö-нэнö*; *пэй-рэй-сий*; *тай-чэры-шой*. Оставшаяся вне группы буква *вэр* во времена Стефана имела фонетическое значение у (ю), поэтому она как бы не входит в консонантную систему. С одной стороны, рифма способствовала быстрейшему заучиванию алфавита, а с другой стороны, такой глоссалический акростих безусловно имел некий сакральный смысл, требующий дополнительных усилий для дешифровки. Может быть, ключом для дешифровки являются имена букв *бур* «добро» и *шой* «труп, мёртвый человек» в начале и в конце алфавитного текста. Если рассматривать алфавит в целом как модель макрокосма, а отдельные знаки как элементы записи мира, то в этом контексте слова «добро» и «труп» выступают в качестве символов жизни и смерти, небес и мира мёртвых (ада). Поскольку Стефан создавал алфавит для целей, связанных с сугубо христианскими религиозными

Посей же и зочиса греческоу язъкоу
и грамотѣ . пѣже на оучиса прѣмь
скомоу язъкоу . и азъкоу кысложн
пермьскимъ язъкомъ . и книги те
рещедна пермьскій язъкъ . сѣя же
пермьскій грамоты ѿ ѿвѣкань бы
цалш

;

вается на частичном графическом совпадении стефановских букв с древнетюркскими знаками.

Сомнения современных учёных в том, что Стефан один сумел создать пермскую азбуку и перевести на пермский язык христианскую литературу, вполне обоснованы, поскольку задача составления азбуки, в точности учитывающей фонетическую специфику древнекоми языка, сама по себе требует колоссальных филологических усилий. Тем больше усилий требуется для перевода христианской литературы на язык, не имеющий соответствующего понятийного аппарата. Фактически – это создание с нуля целого литературного языка, способного передать тончайшие смысловые нюансы Нового Завета, также и других христианских вероисповедных книг. По современным меркам – это поле деятельности для целого института, однако биограф Стефана указывает, что рядом с ним в это время не было никого, кто помогал бы ему, подобно тому, как помогал некогда Мефодий Кириллу. Епифаний пишет, что Стефан начал свою переводческую деятельность ещё будучи иноком ростовского монастыря. Однако подобная деятельность даже при наличии филологической одарённости Стефана требовала заказа на эту деятельность, а также соответствующих канонических санкций со стороны церковной иерархии. По этому поводу вполне определённо высказался Е. Е. Голубинский: «Стефан не мог без дозволения Алексия переводить книги на зырянский язык, как не мог и отправиться к зырянам. Это дело большой

потребностями, то в свете христианской символики начальная и конечная буквы алфавита **ѦѰ** а-о соответствуют греческим **ΑΩ** *альфа* и *омега*, являющимся одним из имён Бога (Иисуса Христа) в Апокалипсисе Иоанна (Ин. 8). Таким образом, само название стефановского алфавита *а-бур* прочитывается как *Начало Добра* или *Бог Добра*, а изучение его имеет значение пути к Богу.

По поводу происхождения букв стефановского алфавита выдвинуто несколько гипотез. Уже первые исследователи отмечали сходство начертаний не с греко-славянской традицией, а с идеографическими знаками – пасами, распространёнными в коми народной среде. Последующие исследователи, как правило, ориентировались в сопоставлениях на греческий и славянский алфавиты, при этом полагая, что всё-таки большая часть букв создана св. Стефаном на основе древнезырянских рунических «пасов» – знаков рода, передающихся по наследству от отца к сыну и позволяющих отмечать принадлежность вещи, угоды тому или иному роду, семье. Не менее перспективной является гипотеза о существовании достефановского рунического алфавита, генетически связанного с руническими традициями Зауралья. Эта гипотеза поддерживается рядом отечественных и зарубежных исследователей и основыва-

государственной важности. Митрополит Алексей, несомненно, знал о трудах Стефана и помогал ему». Сомневаться в данном утверждении не приходится, если учесть то отношение к книжности и к религиозному вероучению, какое существовало в средневековой Руси. В Житии есть упоминание только о некоторых книгах из всех, переведённых Стефаном. Это Часослов, Восьмигласник и Псалтырь, по которым шло обучение грамоте. В другом месте Жития говорится, что «попы его на пермском языке служили обедню, заутреню и вечерню, по пермски пели, и канонархи его по пермским книгам канонаршили, и чтецы чтение читали пермской речью, певцы же всякое пение по пермски возглашали». Это значит, что Стефан перевёл на пермский язык полный Служебник, который содержит литургию (обедню), чинопоследования заутрени и вечерни, а также иерейские молитвы. Кроме того, чтобы совершать полный чин богослужения, Стефан должен был перевести на пермский язык апракосные Евангелия и Апостолы, Паремийник, Требник и Типикон (Устав). Это основной минимум богослужебной литературы, который полностью прочитывается в церкви в течение года. Однако ничего из всего перечисленного до настоящего времени не найдено.

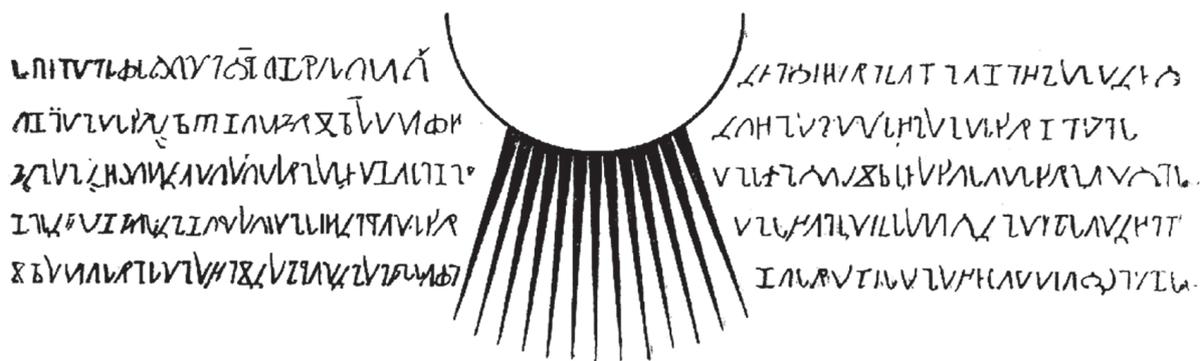
На сегодняшний день, кроме упоминавшихся списков азбук, известно четыре памятника, написанных стефановской азбукой. Это приписка коми книжника в Номоканоне, где после слов «а писал сию книгу Васюк Попов сын Гаврилов» он дописал стефановскими буквами *Мзэ Исс Ксэ Енлён Пии мылышты мэно крэка мортös Вашукös. Амин. Кылдашэу. «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий помилуй меня грешного человека Васюка. Аминь Кылдасев»* (перевод с древнепермского В. И. Лыткина). Кроме этой приписки «Васюка, сына Гаврилова» известны две записи в рукописной книге XV века «Григория Синаита сочинения», сделанные рукой возможного переписчика дьяка Гавриила (*кылдыш Гавриил*). Читается один из текстов так: *«Тайö небöгиш вэжö визышös (мун) и Прилук вылö нэблййö, кылдыш Гавриил, кодöрт вылö ас лолйа(с), игумен дырйö Микаил дырйö»* (этой книги почитатель ушёл на Прилук в затворники, дьяк Гавриил, на спасение души, при игумене Михаиле), а также надписи на иконах «Троицы» и «Сошествия Святого Духа». Надписи достаточно адекватно прочитаны и представляют собой тексты из книг Ветхого и Нового Заветов, использовавшиеся Стефаном или кем-то из его последователей в качестве пояснений к сюжетам икон. Из литературы известно о существовании в XIX веке ряда памятников, которые по тем или иным причинам были утеряны. Это надпись на иконе Богоматери в церкви с. Бондюг Чердынского уезда Пермской губернии, надпись на иконе, хранившейся в Казанской учительской семинарии, «Судебник зырянский», найденный в одной из церквей Усть-Выми.

Из древнепермских памятников, написанных кириллицей, известны три списка «Службы Божией пермским слогом. Обедни» в переводе XVII века со стефановской графики на кириллицу. Прделанный В. И. Лыткиным анализ лексики показывает, что эти списки восходят к разным оригиналам, написанным стефановскими буквами, которые, в свою очередь, восходят к единому оригиналу стефановской эпохи. Списки представляют собой часть перевода обедни, который состоит из следующих текстов: Аминь; Господи, помилуй; Тебе, Господи; Святой Боже; Апостол заупокой; «Послание апостола Павла селунянам» (*Деяния апост. IV, 13–17*); Аллилуйя; И духови Твоему; Заупокойное Евангелие (*Ин. V, 24–30*), Слава, Тебе, Господи, слава Тебе; Иже херувимы; Отца и Сына, и Святаго Духа; Символ веры; Милость мира, жертву хваления; Свят, свят, свят; Тебе поем, Тебе благословим; Достойно есть; И о всех, и за вся; И со Духом Твоим; Отче наш; Един свят, един Господь, тропарь на крещение Господне. Надо заметить, что весь текст службы начинается избранными чтениями фрагментов из «Послания апостола Павла солунянам» и «Евангелия от Иоанна», являющихся переменным компонентом богослужения и читающихся по апракосным Апостолу и Евангелиям. К постоянному компоненту службы следует отнести следующие за чтением из Иоанна молитвы и ектинии. Это значит, что чтения фрагментов из Нового Завета должны

меняться в соответствии со Служебником, притом молитвенная часть службы остаётся неизменной. Лепехинско-Евгеньевские тексты, равно как и найденный в начале XX века А. С. Сидоровым так называемый Сидоровско-Гамский текст, и даже четыре известных списка обедни XVIII века на коми языке на самом деле восходят к единственному, видимо, чудом уцелевшему древнепермскому экземпляру обедни с чтениями именно этих фрагментов из апракоса.

Причина исчезновения стефановской письменной традиции объясняется по-разному. По мнению Г. С. Лыткина, это произошло из-за отсутствия духовной преемственности национального плана: «преемники св. Стефана были русские люди и думали по-русски, русская грамота воцарилась в Стефановой школе; печатные славянские служебники довершили дело». П. И. Савваитов объяснял исчезновение стефановских книг тем, что Стефан ограничился переводом избранных частей литургии, некоторых псалмов, праздничных церковных песен и только. Все эти переводы он сам переписал «русскими письменами», понятными для певших и читавших, так как для подготовки священников были основаны училища при епископской кафедре, где им объяснялось и то, что оставалось непереверждённым, и то, что читается священнослужителями тайно, а не в слух народа. Последней по времени является точка зрения Г. М. Прохорова, согласно которой «после соединения в XVI веке Пермской епархии с Вологодскими эти книги (*на древнекоми языке – П. Л.*) отбирали и уничтожали, а тех, кто укрывал, преследовали, как это бывало со славянскими книгами в Болгарии, когда она оказывалась под властью Константинопольского патриарха». Эта гипотеза вполне обоснована, поскольку после включения в состав Пермской епархии Вологодских земель в конце XV века потеряла смысл сама идея национально-религиозной автономии Вычегодской Перми. Надо полагать, что для объединительной политики молодого Московского государства эта идея во многом стала казаться кощунственной даже на фоне той стабильной и традиционной лояльности по отношению к Москве со стороны Усть-Вымской епископии. В конце XV века успешные походы московских ратей навсегда решили проблемы самостоятельности автономий Великого Новгорода и Великой Перми. На этом фоне передача Иваном III вологодских приходов Усть-Вымской епископии выглядит, с одной стороны, как акция в русле политики ослабления новгородской епархии, а с другой – это является фактическим упразднением пермской епархии как самостоятельного административно-религиозного образования.

После перевода епископии в Вологду в 1564 году уже не могло быть и речи о развитии христианских религиозных институтов в Пермском крае. Надо полагать, что в течение XVI–XVII веков постепенно сокращалось качество христианского просвещения на территории Перми в первую очередь в связи с общим сокращением воспроизводства духовенства из числа местного населения. Монастыри, в своё время основанные Стефаном и его ближайшими преемниками, к концу XVI века уже влачили жалкое существование, т. к. почти не пополнялись коми-пермским иночеством. В пределах новой епархии вопрос о языке богослужения мог быть решён только в пользу церковнославянского языка. Видимо, была проведена ревизия богослужебных книг, и пермские книги постепенно изъяли из служебного обихода. Их, возможно, и не уничтожали специально, но, сконцентрированные в одном месте, они могли действительно погибнуть при пожаре в Усть-Выми. В обрусевших монастырях служба и не могла идти по полному чину на пермском языке, поэтому в чисто символических целях, отдавая дань памяти Стефану, один фрагмент обедни был переведён с пермской графики на кириллицу и исполнялся русскими монахами. И когда речь идёт о трёх списках Литургии на древнепермском языке, из которых два переписаны кириллическим алфавитом во второй половине XVII века с одного оригинала стефановского периода (Лепехинский и Евгеньевский списки), а третий (список Ундольского), датированный 1800 годом, является самостоятельным списком, а также о четырёх списках Литургии, переведённых с древнепермского языка на коми в XVIII веке, – то надо иметь в виду, что все они восходят к одному и тому же вышеуказанному фрагменту обедни. Неизвестно,

кафедре, видимо, не владевшими коми языком в той мере, в какой им владел Стефан. Тем не менее начало книжности на русском языке в пределах Вычегодской Перми (Коми края) было положено самим Стефаном Пермским. Как справедливо отмечает А. Н. Власов, без кириллических книг трудно представить функционирование первых основанных Стефаном монастырей – в Усть-Выми, Вотче и в Еренском городке. Кроме того, сам Стефан входил в круг наиболее образованных людей Руси своего времени, поэтому он обращался и к написанию произведений на славянском языке. На сегодняшний день известно два сочинения, возможно, принадлежащих перу Стефана. Это «Поучение против стригольников», написанное им по заказу новгородского архиепископа в 1386 году. Другим сочинением является «Стефана, Епископа Пермского от Божественного Писания поучительное послание к православному царю и великому князю Димитрию Иоанновичу, всея Руси самодержцу и Победоносцу, потому что победил он безбожного бесерменского царя Ордынского», опубликованное М. П. Погодиным в 1847 году в журнале «Москвитянин». Вопрос об авторстве Стефана вызывает некоторые сомнения у разных исследователей, и это требует дополнительных филологических разысканий.

По мнению Б. Н. Морозова и А. Н. Власова, наибольшее развитие книжная культура Усть-Выми получила при епископе Филофее Пермском. При его дворе был создан летописный свод, материалы которого легли в основу второй и третьей редакции Вологодско-Пермской летописи. В последнее время выявлены два исторических сборника XV–XVI веков, своим происхождением связанные с двором епископа Филофея. Как отмечает А. Н. Власов, в состав этих сборников входят такие важные для всей древнерусской книжной культуры тексты, как древнейший вариант «Жития Стефана Пермского», списки сочинений против новгородских еретиков, фрагмент Хождения Афанасия Никитина, летописные материалы, часть «Сказания о человецех незнаемых» и др. Надо добавить, что книжная деятельность упоминавшегося дьяка Гавриила также приходится на период правления епархией владыки Филофея. С именем Филофея связано, по-видимому, начало местного, Усть-Вымского, почитания Стефана Пермского. Как известно, мощи Стефана в то время лежали под спудом в великокняжеской усыпальнице в Москве, и есть основания полагать, что в XV веке Стефан почитался как «московский» святой. Однако Пермь являлась территорией, на которой совершались религиозные подвиги Стефана, а молодой Пермской епархии было важно иметь «своего» предстоятеля, имя которого признавалось бы и «на Москве». Поэтому в 1473 году владыка Филофей заказывает службу Стефану Пермскому известному книжнику Пахомию Сербу (Логофету). Помимо Службы и краткого Жития Пахомий составил и два канона Стефану Пермскому.

На сегодняшний день весь объём литературы, бытовавшей в пределах Пермской епархии, трудно представим, поскольку написанные здесь книги не отличались по сути от книжных памятников, созданных в других регионах, поэтому, вывезенные за пределы епархии, они вскоре были включены в другие книжные традиции и ассимилированы ими.

Людмила
ПРОШАК

Моя краткая биография сводится к четырём глаголам.

Первый: училась и учусь – в школе, университете, аспирантуре, докторантуре и везде, где только удастся.

Второй: работала и работаю – на работе (умудрялась на трёх одновременно) и сверх того.

Третий: писала и пишу – для себя, в газеты (от районки до АиФа), в журналы (экстрим и авто в приоритете), а последние 20 лет и книги.

Четвёртый: любила и люблю – семью, друзей, зверей, лес, зиму, библиотеки и музеи, дальние дороги. Всё перечисленное входит в моё понимание Родины.

Должности, звания, награды? Неинтересно, тем более что в конечном итоге на последней «аватарке» только фамилия, имя и отчество, да ещё прочерк между двумя датами.

Коронная фраза:
«Работайте! В работе счастье...»

© Ю. А. Спиридонов

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ БЕЛЫХСКОЙ ПОСЬАИ СПИРИДОНОВУ. Жанр определяется автором как роман-реконструкция. Начало публиковалось в журнале «Арт» (№ 1/2013). В ноябре 2018 года при поддержке Валерия Маркова вышел ограниченный тираж двухтомника, предназначенный для библиотек. Второе издание – сокращённое и одновременно дополненное, хотя и в одном томе, ждёт своего часа. Прорисовка посоха и другие иллюстрации – Екатерина Селивёрстова. Перед вами – журнальный вариант, в котором опущены комментарии и толкования, адаптировано летоисчисление и цитаты на церковнославянском языке.

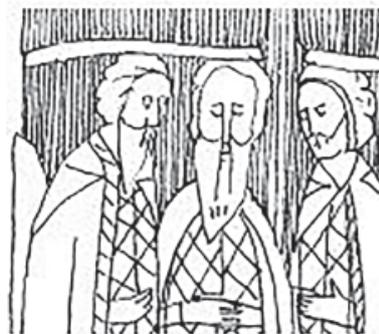
И посетителя посетила смерть

Исторический роман

Часть первая

Глава II

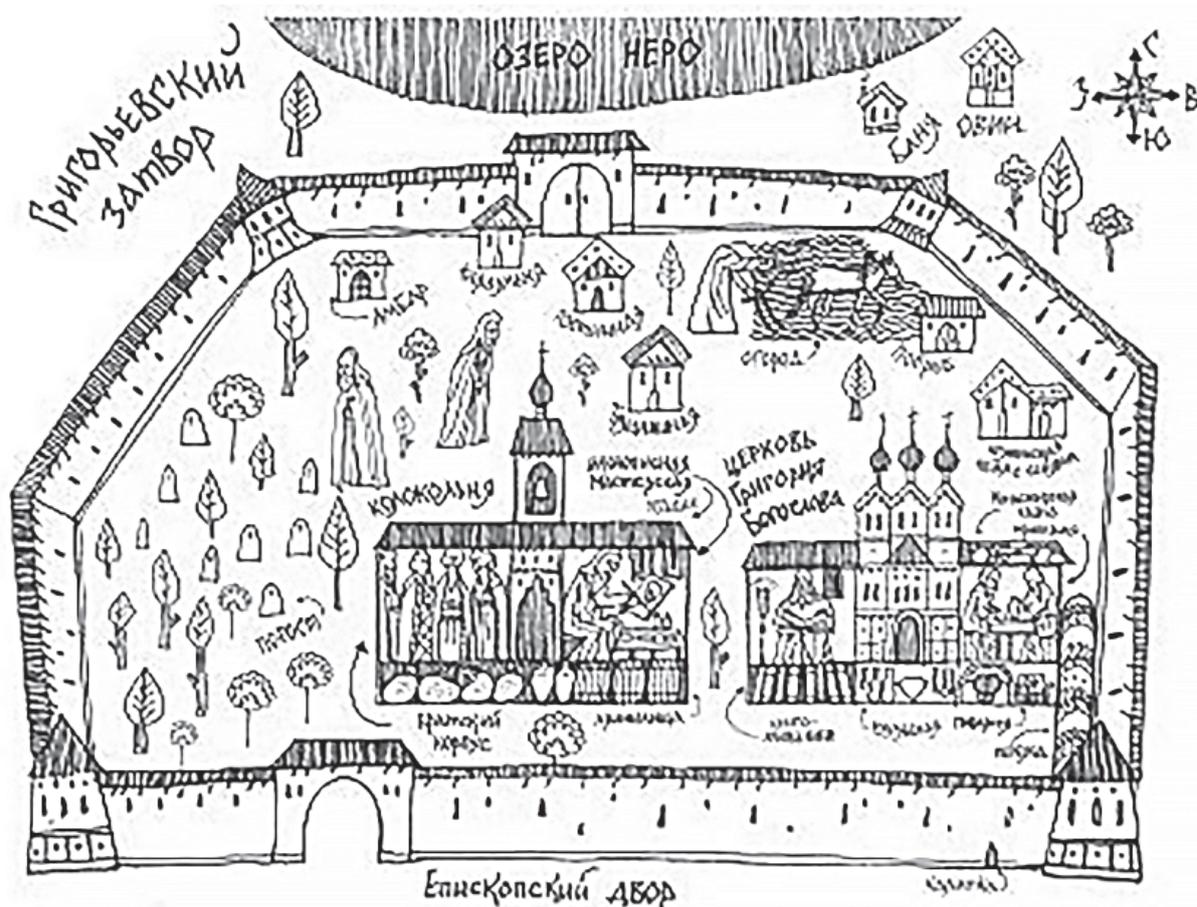
Григорьевский затвор

*Ростов Великий, Григорьевский затвор,
18 января 1410 года, повечерие*

В затворе приютили беглецов без лишних вопросов. Кирилла игумен поселил в пустовавшую труднишную, а Епифанию освободил ту самую келью, в которой тот жил ещё в отрочестве. Казалось, стоит смежить усталые веки – раздастся ломкий юношеский басок Стефана и его притворно строгий окрик: «Когда же ты перестанешь досаждать мне, Епифаний!»

Предметом его бдений была та самая книга, которую спас на пожаре Кирилл. Захватив её с собой, спустился с крыльца и свернул направо, к восточному приделу церкви. Дорогу в книгохранилище он нашёл бы и с завязанными глазами...

Громоздившиеся здесь на столах и стеллажах свитки, пергамены, огромные, тяжёлые изборожденные – всё здесь было словно настояно на веках... Епифаний не сразу заметил хранителя Алферия, который бесшумно вынырнул откуда-то из-за ларей с рукописями:

– А что у тебя за Служебник? Это не наш...

– А как нынешние затворники нарекут его: по-гречески Тетроевангелием или по-русски Четвероблаговестием?

– И ты заметил, что в затворе уже не то что прежде? Печаль не в том, что славянский язык вытесняет греческий, а в том, что на самой духовной традиции лежит тусклая печать запустения: Русь – под Ордой, Византия – под крестоносцами. Нынче вместо учёности – грамотность, да и то наполовину – читающих по-гречески осталось совсем мало. В такие мрачные годы самое место монастырскому книжному подвигу...

Епифаний с нежностью смотрел на Алферия. Когда они со Стефаном были послушниками, хранитель казался им старцем, и только теперь, спустя сорок лет, Епифаний понял, как молод был тогда хранитель.

– Дашь глянуть книгу? – выцветшие глаза надеялись.

Епифаний, смутившись, спросил, перебегая пальцами с корешка на корешок:

– За те годы, что меня тут не было, пополнилось хранилище?

– Какое там, многих книг лишились прошлым летом в пожаре. Огонь опустошил Великий Ростов. Затвору тоже досталось.

– Иным книгам, как и людям, плетутся венки мученические. А из Стефановых трудов уцелело? Из тех, что переписал или сочинил?

– Все претерпели немало, – последовал уклончивый ответ.

*Пояснительная записка
хранителя книг Григорьевского затвора Алферия
о событиях 25 марта 1936 года и о том, что им предшествовало*

Накануне того достопамятного и тревожного дня я, недостойный инок, с Божией помощью вернулся с Афона, куда ездил по благословию владыки для собрания книг и рукописей. Мне не терпелось соединить привезённые сочинения с нашими.

Увлёкшись, я и не заметил, что в хранилище кроме меня есть ещё некто. В том, что я увидел его не сразу, нет ничего удивительного. Если кто-нибудь не знает, я горбун. Мой нос всегда на одном уровне с книгой, на какой грядке она бы ни стояла, а брэнное тело – на приставной лесенке, с которой расстаюсь только тогда, когда сплю.

«Отец Алферий!» – голос не принадлежал никому из братии, но было в нём нечто такое, что не позволяло причислить к чужим.

Опустившись на четыре ступеньки вниз, я оказался вровень с бородой воззвавшего ко мне. Мне пришлось вернуться на одну ступеньку вверх. И тут времена сместились: да это же Стефан Храп! Поседевший, но всё же прежний, с тем же книжным разумом в карих глазах. Пожалуй, они за эти годы посветлели. Так яснее вода в роднике, когда её подёргивает первый прозрачный ледок. «Здравствуй, отец Алферий, – повторил он, – я к тебе на поклон приехал».

Для чего может понадобиться епископу Пермского края хранитель книг Григорьевского затвора? Но я не стал торопить его вопросами. Если человек сам выучился редчайшему языку и сочинил невиданную грамоту, то и сейчас ведаёт, для чего пришёл. «Ты ведь знаешь, отец Алферий, что труд, которым я занимался, – книгописание, – начал он. – Пермская грамота мне привычнее и... надёжнее эллинской и русской. Верись, я уж и думать по-пермски стал, кое-что из мыслей своих записал. Возьми и попытайся сохранить».

«А почему не отдашь Епифанию? Разве вы не духовные братья?» – «Потому у него первого искать и будут. Пусть мысли мои в книгохранилище своего часа ждут. А я, когда время моего ухода настанет, буду знать, что попытался сделать то, что сделал». – «О каком уходе ты говоришь?» – «Все на земле живущие умирают...»

Было время, когда я заблуждался, думая, что знаю Стефана Храпа как никто другой. По монастырскому правилу, вступивший в обитель инок вверялся старцу. Стефан был поручен мне, как книжник книжнику. Но однажды я вдруг заметил, что манускрипт, с которого он списывал, отодвинут в сторону, а он сверяется с Новым заветом, написанным по-гречески! Задохнувшись от возмущения, я взобрался едва ли не на самую верхнюю перекладину лестницы и спросил оттуда: «Ты помнишь, что обязан открывать помыслы своему наставнику на пути Божиим?» Он отложил перо: «Мной овладела одна мысль, которая может тебя огорчить. Чтобы идти в Пермскую землю, мне нужно постараться выучить пермский язык и создать пермскую письменность».

Лестница подо мной зашаталась... Ухватившись за плечо моего подопечного, я счёл необходимым спуститься на две ступеньки: «Предположим, тебе удастся стать самотворителем грамоты. Я даже не сомневаюсь, что тебе под силу изобрести невиданные буквы. Но как ты собираешься переводить языческими словами Святое писание?! Так и до ереси недалеко, упаси Бог...» – «Отче, Солунских братьев упрекали в том лишь потому, что, мол, если надпись на кресте, на котором распяли Христа, была только на иудейском, эллинском и латинском, то только на этих трёх языках и подобает воздавать хвалу Богу. Но те тёмные времена канули в лету. Разве есть у Бога нелюбимые народы?»

Сознавая свою неспособность к наставничеству, я помчался вприпрыжку к игумену

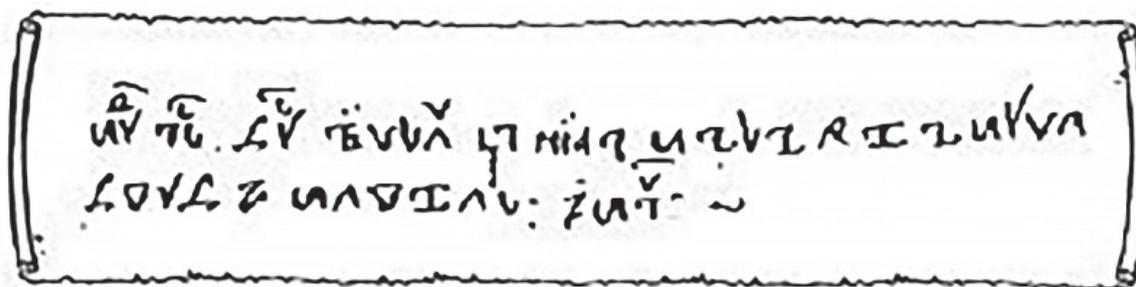
Максиму... Игумен, покашливая, разгладил усы: «От книжного хранилища его отлучи, поставь... на рубку дров».

Я исполнил всё в точности... Поленица дров, заготовленных Стефаном, подпирала стреху, когда мой взгляд упал на прислонённый к поленице высокий, с перехватами посох. Рукоять была лишь вчерне остругана – значит, свежая работа. «Чей посох, Епифаний?» – «Стефанов. Из карачая, ему сноса нет. Иное дерево, в воде побывав, гниёт, а это крепче железа становится. На века хватит!» «А ты ему помогаешь?» – кивнул я на стружки на его рясе. Юнец смутился: «Да я свой начал...» И беглого взгляда было достаточно: посох, который он делал, был точным подобием Стефанова. «Ага! И тебе архиерейский посох подавай, да?!» – «Да как можно...» – «Я стар, но не слеп: и владычий посох от обыкновенной поповской клюшки отличить ещё горазд!»

С мальчишки что взять. Важнее убедиться в том, что Стефан вечером исправно выполняет главную часть епитимии – тысячекратно читает молитву мытаря и кладёт поклоны. Я тихохонько приотворил дверь.

Мэзосо Јенмо! Мылышты мэно грэка мортос! Амин.

Слово «грэка» едва не отозвалось в моей душе музыкой, но радостная песнь умолкла, не родившись. Это был не греческий! Я ворвался в келью, требуя ответа. Храп был бледен, но твёрд. «Отче, я исполняю епитимию». – «Ты это называешь исполнением?! Если кто говорит на незнакомом языке, говорите двое, или много трое, и то порознь, а один изъясняй. Если же не будет истолкователя, то молчи в церкви, а говори себе и Богу...» – «Отче, я говорил с Богом. Это и есть молитва мытаря, которой ты обязал меня. Я только перевёл на пермский. Слово в слово». – Он протянул листок.

И тут я словно вырвался из дремотного плена: «Ты куда собрался?! Опомнись, в земле этой не ходили ногами и святые апостолы. Ты пропадёшь там, как овца среди волков!» – «А ты, отче, поспешествуй мне». – «Нет, не проси. Ты книжник, Стефан, милостью Божией, после меня хранителем книг в затворе будешь!» – «Отпусти меня, отче. Не дай уйти от тебя с тяжёлым сердцем».

Моё же сердце было готово вот-вот разорваться, но вслух я сказал иное: «Думаешь, не вижу, что рукоять архиерейскую себе строгаешь?!» – «Не об этом думал. Рукоять как буква Т. По-славянски – «Твёрдо», а по-пермски – «Тай», у них, отче, словцо такое есть, вроде нашего «является», вот я такую букву в азбуку пермскую и включил, да и дорога с той же буквы начинается – «Туй».

Мой путь лежал ближе – в келью к игумену. Чем дальше я ему рассказывал, тем больше недоумевал, читая в его глазах ликование. Размашисто перекрестившись, он провёл рукой по стене. Потайная дверца, щёлкнув, отворилась, и Мákсима достал кувшинчик, заткнутый пучком калины. «Здоровому и воздержанному довольно одной меры в день, болящему можно употребить две, а нам с тобой сегодня полагаются все три. Наливай!»

*Ростов Великий, Григорьевский затвор,
21 января 1410 года, утренняя*

Неспешные, тихие снега легли на землю чистыми свитками – пиши на них всё, что Бог на душу положит... Ударили в било. Иноки поспешили мимо Епифания в церковь. Он стоял, чувствуя, как набатом стучит в висках усталость. Вернулся в нижнее хранилище и не сразу там заметил Кирилла. Тот, завидев Епифания, оторвался от чтения. Конечно же, это было «Житие».

Напрасно пустили тебя на Москву, чтобы там ты почил...

– Сдаётся мне, ты хотел этим сказать больше, чем написал. Напрасная смерть – это внезапная гибель, да? – Кирилл возвысил голос:

Ибо знаем мы тех, кто кидал тебе прозвища, отколь некоторые Храпом тебя звали, не разумея силы и благодати Божией, бывавших в тебе и тобою...

– Ты сыщешь оказию назвать имена тех, кто прозвищами кидался?

– Где книгу взял?

– Там... Ты ж вчера примеривался, да и в келью с собой её не брал. Гляжу – певческие книги аккуратнее прежнего в стопках лежат...

– Следишь за мной?! – а про себя удивился: «А я ведь вроде как книжки и не выравнивал...»

*Ростов Великий, Григорьевский затвор,
21 января 1410 года, полунощница*

В набат ударили глубокой ночью. Чернецы заметались на снегу. Горело в восточном приделе – в окнах книгохранилища плясали тени.

– Воду не лить!

Накинув рясу на голову, игумен нырнул в пламень. За ним – и самые крепкие из братии. Хватали тлевшие книги, сбивали огненные языки подолами ряс, а то и просто голыми руками.

– Что поггло? – спросил игумен. – Где Алферий? Пусть вернее скажет...

И только тогда кинулись искать хранителя. Кирилл смекнул пройти вглубь... В глаза бросилась поваленная лестница. И только затем – вытянувшийся в струнку хранитель. Смерть распрямила его, от горба не осталось и следа. Руки крест-накрест покоятся на груди. «Не достаёт зажжённой свечи», – пронеслось в голове. Но почему правая рука сжата в кулак? Наклонился: в ладони покойного стиснут огарок...

Вышел на крыльцо, зажмурился от яркого света, а открыл глаза – взгляд упал на надпись, проступавшую на боку свечи.

*Ростов Великий, Григорьевский затвор,
24 января 1410 года, утренняя*

Высунув кончик языка, Кирилл старательно срисовывал буквы со свечи, разгадка которой целиком его захватила. Первая буква смахивала на недописанную латинскую (z – зета), но напоминала и кириллицу (S – земля). Вторая наводила на мысль о той же грамоте (P – рцы), хотя и в глаголице L есть почти такая же (тогда её следует читать как H – наш). Третья отдалённо сходствовала с эллинской (лямбда). Четвёртая имела нечто общее с греческой N и кириллической H, но тоже с большой натяжкой. Мысли не шли. Кирилл, захватив свой издававший виды туесок, отправился добывать мёд.

Епифаний, вернувшись из хранилища, раздосадованно положил книгу на стол. Он не смог там работать: смотрел на разлинованные листы, а видел перед собой Алферия. («С единственной просьбой ты обратился ко мне, и ту я оставил без внимания – не доверил тебе свою книгу. А теперь нигде никогда не смогу показать тебе плетение своих словес. Ни поговорить с тобой, ни окликнуть, как со Стефаном. И твоего обращения ко мне уже не дожждаться никогда...»)

Епифаний сел за стол, обхватил голову руками. Никогда не говори «никогда»: прямо на него смотрела Стефанова азбука. Он закрыл и открыл глаза: буквы не исчезли.

– Письмена не русские, да? И не эллинские? – раздался за спиной голос Кирилла. – Тайнопись?

– Я помню, что ты ремеслу этому обучен.

– Мы глаголицу пользовали, переставляя буквы особым порядком. А что тут – не пойму, не дались они мне.

– Это абур. Где взял?!

– У келаря вымолил... Что смотришь? Я за то послушание на себя принял – в трапезной прибираться...

– Откуда?! – Епифаний поднял листок над головой как стяг.

– Ладно, только ты сядь, Епифаний. Мы не на Куличках, и я не Мамай...

Закончив свой рассказ, Кирилл уже не сомневался в том, что слово предназначалось Епифанию и всё это похоже на завещание. Тут бы и помолчать, но пытливость не унять.

– А и бур – первые буквы, да? А всего сколько? Как в кириллице, тридцать шесть? Или как у греков, там двадцать четыре...

– Сначала столько же было, а потом стало двадцать шесть...

– Про греческую всем известно, а про твой абур, я думаю, не только мне неизвестно. – Кирилл тут же пожалел о сказанном.

– Чтобы с еврейского на греческий книги перевести, созвали семьдесят мудрецов. А сколько эллинских философов собирало греческую грамоту?! За многое время едва сложили! Пермскую же азбуку один чернец составил, один сочинил. Один! Единоновременно, а не за многие лета...

– Как Кирилл Философ? – примиряюще вставил трудник.

– Да, пожалуй. На Руси Кирилл, в Перми Стефан. Оба одинаково за равный подвиг взяли и его совершили... Но Кириллу Философу помогал его брат Мефодий, а Стефан один гадал, думал, один Господь Бог вразумлял его.

– Отче, а в нашем слове есть буквы «а» и «бур»? – Епифаний вздохнул («Ах вот как? В нашем?»). – Что сие значит?

– Сколько слов в мире, и нет ни одного незначимого...

Епифаний сидел, неподвижно глядя на слово, пока не сдался, подозвал кивком головы.

Кирилл просить себя дважды не заставил.

- Ну что, тайницкий смекалец, о ком речь?
- То есть Храп?! Стефан?! А о чём говорят титлы?
- Ты не усложняешь? Может, просто рука дрогнула?
- Непохоже. Их тут два, и они разные, могут быть наделены числовыми значениями.

Если буквы расположены в том порядке, в каком они в слове, то, возможно, это 1 и 3? А если нет, то либо это случайный выбор, либо надо знать, на каком месте стоят буквы, отмеченные титлами, в самой азбуке. Числа могут указывать на нечто! Может, номер грядки? Книги, стоящей на ней? Какие это могут быть числа?

– А, бур, гаи, дои, е, жои, джои, зата, зита, и, коке, – Епифаний, прикрыв глаза, представил Стефанову азбуку, – одиннадцатая по счёту.

– Одиннадцатая грядка, первая книга? Или наоборот? На месте бы осмотреться, – пробормотал Кирилл уже с порога...

Подkletь до самых сводов была уставлена сундуками, книжный лабиринт терялся в глубине... Кирилл поднял свечу: на верхней грядке среди чёрных корешков служебников рдела россыпь красных капель. Раздвинув книги, вытащил глиняную флягу, заткнутую пучком калины. Первыми выпали свёрнутые в узкую трубочку листки. Епифаний без труда узнал почерк хранителя...

– Прости, это не моя тайна, да и это не то, что мы ищем. – Епифаний потряс флягу, на дне что-то зашуршало. – Придётся разбить!

Черепки брызнули в разные стороны, из них выпали листки.

– Книжная опись, – бегло просмотрев, определил Епифаний. – Одиннадцать листов. Одиннадцатый последним лежит?

– Нет, вот! – Кирилл показал на отметку с краю листа из середины стопки. – В глаголице первая – И, вторая – А. Если говорить о числовом обозначении, И соответствует десяти, А – одному. Одиннадцать! Пустяковая задача, любой тайницкий дьяк справился бы.

– Не скромничай. – Епифаний взял листок. – Что получается?

Первыми на глаза попались хронографы. Как самые увесистые, они стояли в нижнем ряду. Наконец обнаружил «Хронику». Волнуясь, потянулся за ней, но передумал.

– Давай лучше ты, у тебя рука лёгкая.

Перекрестившись, Кирилл снял книгу, раскрыл – ничего. У Епифания вырвался стон разочарования. И тут на колени жёлтым осенним листом выпал пергамен со Стефановой грамотой. Перевернули страницу – ещё абур и ещё...

*Москва, митрополичий дом,
25 января 1410 года, шестой час*

Архиепископ Ростовский Григорий чувствовал себя так, словно оказался в одном из каменных мешков Спасо-Каменного монастыря, где прежде был игуменом. Ещё при Киприане. Увы, его, разрывавшегося между Литвой и Русью, уже нет. Есть Фотий, тоже грек. На Русь он до сих пор не прибыл. Зато в Москве Юстиниан, выполнявший щепетильные поручения и при старом митрополите...

– То, что я сейчас тебе скажу, должно остаться между нами. Пугать тебя Спасо-Каменным монастырём не буду, но всё же верь: есть места и пострашнее.

Архиепископ отвёл глаза, чтобы скрыть закипавший в душе гнев. («Всякий афонский монах горазд наставлять русского священнослужителя. Да кто ты такой!»)

– Я никто, – пожал сутулыми плечами Юстиниан. Григорий вздрогнул. («Неужели я сказал это вслух?») – Я вынужден это передоверить тебе, следовательно, ты тоже становишься воином Константинополя. Киприан племянника Григория Цамвлака позвал к себе незадолго до смерти. Весть о кончине дяди застала его на полпути к Москве, в Киеве. За три года, что Цамвлак там гостит, он стал угоден литовскому князю. Того и гляди на Руси станет два митрополита, как уже бывало. Мы в ту сторону санный поезд отрядим, а ты с этой оказией должен послать в Киев книжника, чтобы он смог Цамвлака убедить приехать с Киприановыми рукописями. Письменам тем нельзя в Литве оставаться...

*Ростов Великий, Григорьевский затвор,
27 января 1410 года, полунощница*

Ночь Кириллу предстояло в одиночестве терпеть в молитве в церкви Григория Богослова, чтобы наутро облачиться в рясофор (рясу и клобук, но без мантии) и стать рясофорным иноком.

– Вот ведь как всё устроилось, – обронил Епифаний, провожая его, – я унаследовал тайну Стефана, а обстоятельства вынуждают меня посвятить в неё и тебя, и теперь ты готовишься к постригу там, где приняли его до тебя мы с ним...

Кирилл с удивлением для себя обнаружил, что чувствует себя сейчас так, как в то туманное сентябрьское утро на Куличках, когда он только что надел кольчужную бармицу...

...Впереди грузно реял чёрный стяг – великокняжеское знамя с золотым образом Спаса. Кирилл стоял во втором ряду московского полка. Прискакал воевода Боброк. Что-то приказал, и передние, перестроясь, освободили место в шеренге для ещё одного ратника. Он встал как раз впереди Кирилла, тот опустил глаза и с изумлением обнаружил, что новичок обут в сапоги, расшитые красной ниткой...

Серая пелена завесила поле сражения. Тусклые, едва различимые тени сходились, расходились, падали... Кирилл даже не заметил, что на него во весь опор мчится закованный в латы всадник. Укрытый чалдаром конь оступился на груди мёртвых тел, и Кирилл, получив задними копытами удар в живот, со всего размаха вцепился в поваленную берёзу... Очнувшись, попробовал встать – рука наткнулась на чьё-то тело. Взгляду открылись сапоги – те самые, с узорами. Потянул лежавшего за ноги. Тот ответил глухим стоном. Отметив про себя, что сломанная берёза – отличная примета, побрёл на звук рога.

«Подсобите, там раненый...» Его не слушали, тогда он вернулся и кое-как вытащил берёзового затворника. Вгляделся – князь! Бармы сбились на бок, но на лице и руках ни

царапины, ни ссадины. Кирилл прислушался: неподалёку будто кого окликают. «Эй!» – решил подать голос и он. В сумерках показались двое. Тот, что был в броне, спросил: «Князя не видал?» Кирилл молча указал на лежавшего.

Броненосец прильнул ухом к груди: «Живой! Оглушило маленько, почувствуется, – и уже к Кириллу: – Это ты его отыскал?» Тот махнул рукой: «Просто рядом был...» – «Значит, мы его нашли! Ступай, сами управимся...»

Когда стихли и празднество, и тризна, его призвали к князю. Ударившись о притолоку, замер на пороге, глядя на расшитые сапоги князя. «В бою не горазд, – князь круто развернулся, голенища заскрипели. – В тайницкую службу его, пусть гусиным копьём машет!»

...Кирилл стряхнул с себя постыдные воспоминания. Его ждало новое сражение, и он хотел вступить в него налегке...

Глава III

Бес в ризах

*В 25 сажнях от Троицкого монастыря,
7 февраля 1410 года, третий час*

Лошади, взятые под уздцы, послушно встали, пользуясь неожиданным роздыхом. Епифаний, сбросив с себя тяжёлый кожух, соскочил с возка. Кирилл – следом.

– Странно как всё совпало... Сегодня день Григория Богослова, мы в затворе его особо чтим. А место... Знаешь, Стефан этой дорогой ездил. Однажды Сергей за трапезой вдруг встал: «Радуйся и ты, пастырю стада Христова...» А братии объяснил: Стефан-де проезжал. Один, усомнившись, бросился вдогонку и нагнал возок епископа Пермского.

– Действительно, духовные братья.

– Я переложил на тебя свой груз, брате...

– Я сам его принял? Бог даст, свидимся, брате...

Возок, елозя по накатанной колее, резво тронулся с места. Кирилл отступил в сугроб...

*Киев, Десятинная церковь, двор domestика,
9 марта 1410 года, шестой час*

Нотированное письмо знак за знаком выстраивалось на бумаге, как птицы на ветке. Впервые стихира будет распета не монодийно – на один глас, как учило византийское богослужение, а на восемь голосов. («Чудо как хорошо! Такое их расположение не встречается ни в одном осмогласнике!»)

– Отец Григорий, к тебе посланник из Московии.

– Отведи его в книгохранилище, – удивился Цамвлак. – Я приду, как освобожусь.

Уселись под стрельчатым оконцем, поглядывая друг на друга.

– Отец Григорий, справедливо ты, отче, вопрошаешь в похвальном слове: «Какой из народов, схожий с болгарским по языку, не принял рукописи, учение и труды патриарха Евфимия?». До Ростова дошёл список жития Патриарха Евфимия...

– До Ростова? А мне сказывали, ты из Москвы?

– Великий Ростов с Москвой не разделён, – развёл руками Кирилл. – Ростовский владыка Григорий передаёт тебе приглашение.

– Москве меня книжным червем сделать угодно?

– Но и дядя твой, покойный митрополит Киприан, пера и чернил не чурался, – заметил Кирилл и тут же пожалел об этом.

– А тебе что до письмён моего дяди? – Цамвлак подобрался как ворон, заметивший подкрадывающегося кота. («По всему видать, лучше нашего знает, о чём дядюшка беседы вёл».) – Не боишься?

– Так ведь я отбоюсь уже своё, отец Григорий...

Когда Кирилл вышел, а за ним и Цамвлак, от тесных рядов книжных полок отделилась чёрная фигура монаха. Подтянув узел на верёвке, служившей поясом, он бесшумно поспешил вослед Кириллу.

*Киев, Печерский монастырь,
10 марта 1410 года, после утрени*

Кирилл украдкой оглядел приютивших его вчера на ночлег черноризцев. Все трое сооружали новую книгу. Седобородый Лаврентий, разлиновав страницу, заполнял строчки полууставом. Фалалей – широкоплечий и грузный, тут же строил из дерева обложку. А Макарий – чернец, который и привёл Кирилла на постой в скрипторий, – процарапывал узоры на полукруглой медной застёжке в виде распластанного волка.

– Опять зверь лютый? – упрекнул седобородый.

– Так это чтобы всякий ужаснулся преисподней...

Кириллу смутно показалось, что где-то он уже видел похожего волка. Но где? Воспоминание, промелькнув, погасло...

Грузный монах остался безучастен. Кирилл присмотрелся – больно уж низко он сидит, и тут же понял, почему – ног нет, одно туловище.

– Где тебя так? – сочувственно спросил Кирилл.

– На Куличиках, – коротко ответил Фалалей.

– Так я тоже там был!

– Не там, – остудил пыл Кирилла Фалалей. – Я с Ягайло был.

– Ну ты и нашёл себе князя! – задохнулся Кирилл. – К битве вы не успели, зато сумели обозы с ранеными догнать. Тех самых, что с Куличек на телегах везли. Молчишь?! Так мне и без тебя ведомо – литовские ратники и рязанцы беззащитных грабили и добивали. Эх, а я ещё с тобой под одной крышей ночевал!

Кирилл, заложив посох за пояс, молча поклонился и закрыл за собой дверь. Надо кое-какие припасы сделать – да и в дорогу. Пошёл по торжищу, высматривая мёд. Избегая встречаться глазами с жёнками, пробрался к бородачу, восседавшему среди разноцветья трав.

– Здрав будь, добрый человек. Не подскажешь, где медку купить?

– Он же приторный, а у меня травы на все случаи. Вот девясил, я его на Ивана Купала

собирал. Смешаешь с ладаном, он у тебя всегда под рукой, девять дён у сердца поддержишь, а потом зашьёшь ей в сарафан тайком – и она перед тобой ни в жисть не устоит. Берёшь?

– Мне это ни к чему, мне бы медку на дорожку.

– На дорожку?! Так вот корень валерианы, сколько бы вёрст ни шёл, устали знать не будешь. А вот семисильник, на чужбине – надёжный оберег, только девясилу он не товарищ. Их силы могут прийти в противоречие, и кто знает, что тогда... А сам по себе семисильник – сила, с ним ты обязательно вернёшься домой.

– Да нет у меня дома!

– Совсем? – жалостливо округлил глаза травник. – Тогда, знаешь, возьми всё за так! Может, когда за раба Божиего Захара слово замолвишь, а за мёдом тебе вон туда, только ты сначала про травы-то дослушай...

– Кирилл! – Уж не ослышался ли? Оглянулся – иезуит! – Кир Григорий тебе велел грамотку передать. – Ничего не выражающие голубые глаза смотрели, не мигая. («Щёки такие бледные, будто бороду вчера сбрил. Где я его мог видеть?»)»

*Киев, церковь Спаса на Берестове,
11 марта 1410 года, после полунощницы*

Григорий посторонился, пропуская Кирилла... Под приделом оказалась палата, вместо окон – бойницы, заложенные кирпичом. В углублении одной из них примостилась оплывающая свеча.

– Что ты хочешь найти в бумагах Киприана? – скрестил руки на груди Цамвлак.

В ночной тишине зародился какой-то посторонний звук. («Наверное, показалось...»)

– Как мне убедить тебя? – Кирилл переложил из руки в руку посох. – Если хочешь видеть во мне корыстолюбца, значит, будешь.

С грохотом затворяясь, лязгнули засовы на двери.

– Ты привёл лазутчика?

– Мне иезуит записку передал. Будто бы от тебя.

– Мне тоже. Располагайся, мы тут надолго.

Кирилл запахнул потуже безрукавную поддёвку и положил подбородок на руки, обнявшие рукоять посоха...

– Да ты никак спишь? – Цамвлак услышал ровное посапывание.

– А?! Что?! – встрепенулся Кирилл.

– Да как ты можешь спать в такие минуты?

– Так ведь сказано: вечером водворится плач, а заутро радость.

– Ох, не знаю... А ты сам зачем здесь, что ищешь?

– Хочу понять, зачем ехал епископ Пермский Стефан к Киприану.

– Дяди не было в Москве. А что удивляться? Я и сам ехал в Москву, а попал в Киев. Они, по-моему, чаще встречались в Новгороде...

– Что ж тогда Стефан снова поехал, дорога неблизняя? Значит, нужда великая и срочная была?

– Дядя ведь восемнадцать месяцев в Литве пробыл. Как увиделись они в Новгороде в 1395 году, так дядя и съехал. А может, Стефан если и спешил к нему, то не в Москву, а в Киев? Только разве не знаешь, что случилось с князем Скиргайло? Чтобы узнать историю одного человека, надобно собрать сначала истории многих. Князь Скиргайло занемог зпосле пира в митрополичьем дворе где-то после Рождества...

Молчали, каждый о своём, пока Цамвлак вновь не подал голос:

– Ты вот не думал, что Стефан знал, что и Киприан уже не в Москве, и то, «что в последние дни наступят времена тяжкие...»?

– «Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, – продолжил Кирилл. – Таковых удаляйся».

– Чего ж тогда удивляешься, что он до Киприана не доехал? Когда коня хотят смирить, заворачивают ему храп кляпом.

– Так и ты знаешь, что его Храпом величали? Тебе дядя сказал?

– Да уж, – Цамвлак как и не слышал, – попал я с тобой в каменный мешок... А вообще, мню, для человека два самых надёжных кляпа – золото и смерть. Когда не помогает первое верное средство, прибегают ко второму.

Уже не первый час они сидели спина к спине. Первую половину ночи провели каждый на своём камне, пока Григорий не вспомнил, как, опёршись друг на друга, спали лучники, сопровождавшие его в пути из Константинополя. Поделив камень, поделили и меховую мантию.

– Верно, уже полунощница. Помолиться бы...

Встали, наугад выбрав восточный угол. Григорий начал: «Владыко, рабов Твоих сих Кирилла и Григория моления теплая приемля, благослови путь их и воздушное шествие...»

– Какое «воздушное шествие», нам бы ещё из-под земли выбраться, а ты уж напрямиком на небо собрался...

– Не мешай, иного пути у нас нет...

...Лаврентий тяжело дышал, повалившись на обледеневший наст. («Знал бы, что на шею посадить придётся, заставил бы тебя сорокадневный пост держать».)

– Отдыхай пока, – отстранил старца Фалалей и упёрся обрубками ног в землю и с протяжным «Ы-ы-ы!» потянул крышку люка на себя...

...Цамвлак сказал как о бесповоротно решённом:

– За мной придут, чтобы доказать Витовту, что я веду переговоры с Москвой. Ты, может, и уцелеешь. Тут тайник, здесь Киприановы рукописи. Вернёшься за ними, если будешь жив. А если никто не придёт и я умру первым, похоронишь меня в этой же яме. Обещаешь?

– А если я первый, то ты – меня, да?

Цамвлак не успел ответить. С потолка донёсся приглушённый скрежет. Мигающее пламя высветило парусиновую люльку...

– Помоги-ка. – Григорий принялся разрывать яму.

Вскоре наткнулись на окованный железом ларец. В этот самый миг за спиной что-то мягко шлёпнулось оземь. Оба, вздрогнув, оглянулись: люлька, приплясывая, звала в путь.

– На, возьми. – Цамвлак, взяв один из тугих свитков, сунул Кириллу. – Разделим для верности.

Кирилл, не споря, забрался в парусиновую зыбку, тяжело пошедшую вверх.

– За мной не присылай. Они сами отопрут. Одного, без тебя, им меня уличить не в чем. Из Киева исчезни. Я тебе не заступник.

– Посох! Я забыл посох! – Но Цамвлак уже повернулся к нему спиной. Кириллу же казалось, что его волокут по дымоходу. Больно ударившись сначала головой, потом плечом о железную скобу, увидел светлое пятно, всё более обретавшее сходство с человеческим лицом.

– Чего вытарацился? Про Куличики вспомнётся, назад сброшу!

*Вильно, личные покои епископа,
26 апреля 1410 года, первый час*

Его Преосвященство с проворством печника схватил кочергу. Вовремя! Желтоватый лист уже начал корчиться от жара.

– Mens agitat molem, – пробормотал, разворачивая горячий пергамен. («Весточка... с того света».) Пытливый иезуит взял верх над уstraшившимся человеком. Епископ продолжил чтение.

Донесение Его преосвященству

епископу Леонарду о событиях весной 1396 года

Некто столь был озабочен унией между католической и православной церковью, что не только приложил чрезвычайные усилия к тому, чтобы митрополит Киприан под предлогом посещения Киева срочно прибыл в Вильно, но и устранил того, кто мог препятствовать тайным переговорам с литовским князем. Можно было бы предположить, что этот некто – бес в ризах, если бы им не были вы, Ваше преосвященство. Ужель и впрямь сокровищницы Vjarmaland ценнее жизни того, кто «ни серебра, ни золота, ни одежды... ни от кого не пожелал...», а лишь расколу и раздору церковному препятствовал, как мог?

Инок Кирилл.

*Вильно, личные покои епископа,
26 апреля 1410 года, шестой час*

Законный гнев уступил место изумлению: как отважился этот человечишко поставить под этим свою подпись?! Срочно вызванный Сатана даже обиделся на вопрос о том, знает ли он, где «этот, как его... Кирилл»: «А как же, Ваше Преосвященство! Его к себе наместник Троицкого монастыря пустил...»

Послав гонца за Кириллом, Леонард сосредоточился на часах. Их, равно как и перстень на безымянном пальце, он получил в обмен на весьма щепетильную услугу, которую вынужден был оказать Ягайло и папскому престолу, желавшему унии с православной церковью...

Личный секретарь (он же толмач) тихо поскрёбся в двери.

– Ваше преосвященство, Кирилл из Московии.

Кирилл, по привычке ссутулившись, шагнул через порог. И тут же понял всю бесполезность своей предосторожности: дверной проём был в два человеческих роста. В резном кресле, похожем на трон, восседал тщедушный человек в красной сутане и, прищурившись, мерил взглядом вошедшего.

– Итак, брат Кирилл, ты всерьёз думаешь, что этот твой северный отшельник мог мешать унии двух церквей – римско-католической и православной? Ты бредишь, монах! («Если бы ты только знал, кто был в гостях у Витовта вместе с Киприаном и где именно состоялась эта встреча!...»)

– Но уния всё-таки не состоялась, – напомнил Кирилл.

– Её одобрил даже константинопольский патриарх, а отложили из-за войны против турок.

– Но Стефан спешил к Киприану и, не встретившись с ним, умер внезапно.

Его преосвященство, поднеся к губам перстень, погрузился в свои размышления. («Мне ничего не стоит его уничтожить, но с его дерзким упорством он запросто может найти то, что нам надо. Не направить ли его по нужному следу...»)

– И как, по-твоему, устранили его?

– Возможно, причиной смерти стал яд.

– Яд – не причина, а средство. Почему ты считаешь, что христовы воины Рима к нему прибегают охотнее, чем воинство Константинополя? Тебя интересует уния? А тебе известно, что тогда же был отравлен сын Ольгерда князь Скиригайло? Он слёг и умер в одночасье после пира на митрополичьем дворе у Святой Софии в Киеве. Его пригласил туда святогорец Фома, доверенный чернец Киприана, его наместник в Киеве...

– Меня не интересует гибель князя Скиригайло.

– У многих других было гораздо больше причин желать его смерти. Новгородские ушкунники – раз. Шаманы и знать в самой Vjarmaland – два. Православное священство – три. Кроме того, дань с приезжавших в Пермь купцов была предоставлена Пермскому владыке. Уния – это всего лишь политика, ибо от унии церкви до унии государств – лишь шаг. И если заговор существовал, – епископдохнул на перстень, – то его устроил не я. Возможно, бес в ризах, которого ты ищешь, – сам Сатана?..

Дверь за Кириллом закрылась. Удовлетворённая улыбка расплылась по лицу его пресвященства («Найдётся «жало в плоть» и для Кирилла». А пока даже и хорошо, что он такой же одержимый, как и Сатана. Лишь с той разницей, что решимость первого основывается на вере, а второго – на её отсутствии...»)

*Личные хроники епископа Вильненского Леонарда
о событиях, предшествующих несостоявшейся унии 1396 года*

Когда мой отец ушёл из жизни, оставив наследство, не располагавшее к беспечной праздности, я свою долю использовал для того, чтобы уехать учиться в Оксфорд. Главной мечтой моей было стать, подобно моему учителю Джону Виклифу, *doctor evangelicus*. Забросив пирушки и подружек, я с головой погрузился в изучение Библии. Профессор задумал перевести её на общедоступный английский язык, который я к тому времени постиг.

Но однажды в книгохранилище, где я по обыкновению работал, а то и частенько ночевал, ворвался соученик: «Виклифа лишили кафедры! Лоллардов хватают одного за другим! Бежим!» Франклина в двух днях пути ждал отчий кров. И кто осмелился бы обвинить сына лорда в ереси? Я – совсем другое дело. Моё отечество то исчезало, то появлялось на карте под разными именами.

Утром следующего дня я отправился домой к учителю. Моё воображение рисовало пепелище, на котором ветер ворошит обуглившиеся корешки книг... Дверь мне открыл сам Джон Виклиф. Несколько осунувшийся, но по-прежнему невозмутимый: «Леон? Я больше не преподаю». – «Знаю. Вы в порядке, сэр?» – «Меня не посмеют тронуть». – «А что делать мне, сэр?» Когда я так его спросил, то рассчитывал на помощь. Но Джон Виклиф молча пожал плечами.

Я направился в гавань с отчаянным намерением наняться гребцом на галеры. В пёстрой чередё пришвартованных кораблей моё внимание привлёк один: по его палубе прогуливался осанистый священнослужитель. Связав рукава своей рубашки в узел, я запихнул в неё пухлую папку – черновики сэра Виклифа и бросился в холодные воды Ла-Манша. Обритый наголо матрос с полубака выловил меня, приняв за ребёнка. «Как тебя звать?» – я намеревался запомнить имя своего спасителя. – «Отто!»

Спустя полгода, когда я уже был рукоположен, другой ганзейский корабль увозил меня в далёкую землю Хольмгард. Но и водная стихия, и опасный попутчик (в глаза его все звали Анджеем, а за глаза – Сатаной) – всё это было незначительным по сравнению

со вторым ударом, который мне нанёс московский монах, прибывший на ушкуе вслед за нашим кораблём.

Я приободрился тогда, увидев рядом с епископом Алексием митрополита Киприана. Он пользовался доверием литовских князей в той же степени, в какой – неприязнью московского. Но он безмолвствовал, наблюдая. И было на что посмотреть! Едва я преподнёс дары, как этот монах встрял с московской грамотой...

Не дождавшись ответа, мы не получили его и на следующий день. На всякий случай я запомнил, как звали монаха: Стефан Храп. Думал ли я тогда, что Провидение вновь столкнёт меня с ним?..

*Вильно, Троицкий монастырь,
26 апреля 1410 года, девятый час*

Кирилл в вечерней мгле спиной чувствовал провожающий, цепкий взгляд. («Почему епископ Леонард, распинаясь в собственной невинности, упомянул сатану? А ведь Зосима тоже кивал на сатану. Что же они оба, не сговариваясь, на диавола указывают?»)

До монастыря уже рукой подать, но он остановился снова, не умея размышлять на ходу. («А если это всего лишь прозвище?! А вдруг это один из тех монахов-всадников, да и спрашивали они у настоятеля об Епифании? Если он же сжёг пустыньку и забрал книги? Тогда и пожар в затворе – его рук дело? И там я видел кресало...»)

Кирилл с грохотом вскочил на ноги. («И это кресало с волками у Макария. Два одинаковых навершия вряд ли сыщутся, мастера не повторяются в своих работах. Тогда Макарий и есть Сатана? Стало быть, в подземелье с Цамвлаком меня запер он? Надо возвращаться в Киев. Тем более что там остался посох...»)

Глава IV

Искушение

*В 4 поприщах от Киева,
20 мая 1410 года, утренняя*

Прошлогодня хвоя и молодой мох скрадывали звуки шагов. («Яглы? Вот и свежее кушанье...») Кирилл раздвинул еловые лапы и замер: на поляне кособоко сидела жёлтка – белая, как кора берёзы, к которой она привалилась.

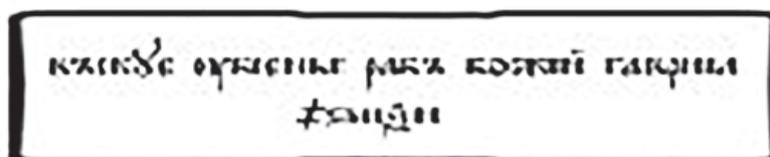
– Ты что это тут?

Она молча ткнула пальцем в человека, припавшего лицом к прошлогодней листве.

Вывернутые ладони в алых пятнах, словно он набрал в пригоршни ягод и, падая, раздавил. Рядом лежал, раскинув руки и ноги, ещё один. Поодаль валялась рогатина.

– Я их нагнала, а они дрались. У меня удар поставлен – либо в сердце, либо в шею. Зверя удерживать надо, чтобы дошёл, а человека...

...Крест над могилой получился не больно ладный, но всё же достойный. На перекладине Кирилл своим ножом вырезал:

– Слышь-ка, для кого ты пишешь: «вскуе»? Разве не всё равно, если он в чужой земле?

– «Грамотная!» – отметил про себя Кирилл, а вслух сказал строго: – Нет своей и чужой земли, вся она Божия, мы на ней странники. А «напрасно», чтобы знали – не своей смертью умер, убит вероломно.

– А почему крест?

– Что почему? Ты что же, язычница?

– Не знаю... Так-то я крещённая, но я про другое. Сам по себе крест – он что-нибудь значит?

– Ну-у-у... Святые отцы толкуют, что линия креста, идущая снизу вверх, напоминает о тяготении души человеческой от земли к Богу. А оно, это устремление, пересекается любовью к ближним, которая не даёт думать о возвышенном. Иногда, – вздохнул «наставник», – это сушая мука и крест для души человеческой.

– Слышь-ка, а как с моей душой быть? Это душегубство или нет?

– Если нехотя, то епитимья на полгода.

– А за ратника, на тебя шедшего?

– Ты что, ещё кого-нибудь убила?

– И не «нехотя», а с превеликим желанием, понял, поп?

– Я гляжу, пролитие крови – для тебя дело привычное, – оскорбился за «попа» Кирилл. («Как скорлупу ореховую выплюнула!»)

Кирилл шёл, не оглядываясь, размеренным широким шагом, которому научился в военных походах. («На таких, как ты, епитимью молчанием накладывать надо...»)

Острота потрясения от соприкосновения со смертью уже прошла, ухо уловило плеск воды. Где-то внизу бежал ручей, но до него ещё идти и идти. Каждая растёртая в кровь язва, освободившись от плена, ответила своей собственной болью – острой, ноющей, саднящей, пекущей. Кирилл вжал ладони в веки и громко застонал. Но вдруг все эти боли обожгло холодом.

– Где хворь, там и снадобье. Вот дорога, а вот подорожник. Твои ногам мягкая обувь нужна...

– Где ж её взять? А тебя как звать?

– Марпой кличут, если привычнее, зови Марфой.

– Нет, зачем... Марпа так Марпа. Тебе идёт.

Кирилл чувствовал странно обступившее его со всех сторон спокойное тепло. Оно исходило от сипевших на огне мокрых боков котелка, от расстеленного полотенца, на которое Марпа выложила вяленую рыбу. Кирилл добавил осьмину хлеба и тряпицу с солью.

– У меня ещё яглы есть. Хочешь?

– О-ко-ко! Оставь-ка себе на постный день...

*р. Клязьма, Троицкий монастырь,
21 мая 1410 года, первый час*

Епифаний положил перед собой Тетроевангелие – то самое, что спас на пожаре Кирилл. Расстегнул застёжки и едва ли не сразу добрался до Жития Стефана. Оно снова требовало доработки.

Ему было тяжело перечитывать написанное: *«Не сподобился я последнего твоего целования и прощального прощения, увы, потому что не было меня там. Увы мне! Какая помеха отторгла меня от лица твоего? И я скажу: «Отринут я от лица очей твоих!»*

Но что написать о том, как Стефан один на один боролся с врагом и в какие непростые дни его посетила смерть? Во многих странах известно было имя его – значит, следует перечислить правителей и архипастырей и дать некое толкование, которого для читателя, глядящего на строчки очами своего ума, будет достаточным, а для переписчика покажется безобидным. Указать на печальные качества (горе лютое – умереть человеку душевной смертью) некоторых из мужей можно, подчеркнув достоинства других!

А вот о Киприане нужно сказать главное, что прольёт свет на суть поездки Стефана, который поспешал к нему и ни к кому другому:

...при архиепископе Киприане, митрополите всея Руси, – а тогда, в те дни, он находился в Киеве...

Но не стоит излишне привлекать внимание. Следом надлежит перечислить достойных князей, не нуждающихся в особых замечаниях. А вот теперь время сказать об ином правителе:

...Литовской же землёй владел в те дни князь великий Витовт Кейстутьевич...

Вот так было в печально достопамятный 1396 год, когда обрела смерть Стефана. И в этом многомудром море множество сетей оказались в руках одного ловца. К Витовту уехал Киприан, чтобы заключить унию церквей. С Витовтом дипломатично согласился Константинопольский патриарх. У Витовта скрывался Тохтамыш, мечтавший вернуть с его помощью Орду, уступив права на Северо-Восточную Русь. Витовту не возразил московский князь Василий, когда литвины захватили Смоленск, начав войну с Рязанью, поддержавшей мятежных смолян. И теперь где-то у Витовта Кирилл. Выпутается ли?

*Киев, Печерский монастырь,
23 мая 1410 года, девятый час*

Шагалось легко и свободно: на ногах вместо сапог были поршни. И всё же никогда ему ещё не было так тяжело: он чувствовал, что потерял часть себя, ибо «будут одна плоть». И тут же оборвал себя. («Не смей, твоей женой была Глафира. Ради неё ты надел рясу, и Бог принял эту твою жертву, сохранив ей, матушке Параскеве, жизнь. А теперь ты – злоумышленник, преступивший заповеди...»)

Не постучавшись и не сотворив молитвы, Кирилл шагнул в скрипторий:

– Отцы, где Сата... Где Макарий?

– Давно не виделась, – Фалалей буркнул, – аж прямо соскучились и по тебе, и по нему. Ушёл он, а тебе что?

– Да ничего, прощайте!

– Эй, а посох? – подал голос Лаврентий. – Ты себя со стороны видел? Исхудал, глазищи блестят. Не был бы монахом, подумал бы, что влюбился. Останься, не зажигай свечу с обоих концов, брате...

Ушёл Кирилл на рассвете, опираясь на посох. На дне походной сумы лежали три дюжины костяных накладок, которыми его одарил Фалалей. («Я по каждой втиральником прошёлся, так что тебе осталось только сделать саму резьбу и на посох прикрепить. А то возвращайся, вместе завершим...») И всё же справляться придётся самому. («Как странно! И посох вернули. Как пить дать, Цамвлак под скрипторий подложил...»)

Кирилл решил идти в Новгород через Смоленск. Точнее, он просто знал, что не сможет пройти мимо города, в котором жила его Марпа, потому что пока он идёт по Смоленскому тракту, он идёт к ней.

Теперь он понимал, что в том, что произошло, не было ничьей вины. «Я возьму на себя грэк», – благодаря этому всё смягчающему «к», которое Марпа не произнесла, а выдохнула, и сам грех казался не таким уж и страшным. Но он всё равно испугался: «Что ты!.. Да я уж и забыл, когда с жёнкой был». – «Ты не думай, ты просто люби...» А потом глупые и грубые слова вырвались из него, изнемогшего: «Ну ты и мёртвого зажжёшь». Сказал и уснул. А когда проснулся, то на том месте, где спала она, лежали сыромятные поршни с заботливо вложенными внутрь поворозами...

*Великое княжество Литовское и Русское,
Смоленск, 4 июня 1410 года, девятый час*

Постучав в наличник оконца, затянутого бычьим пузырьём, Кирилл ждал... Он выбрал этот домишко, потому что знал: на постой пускают лишь те, кто преломит с тобой последний кусок хлеба.

Дверь открыл широкогрудый хозяин с боевым топором в свободно опущенной левой руке, вместо правой висел пустой рукав, заткнутый за ремень.

– Зря ты, батюшка, пришёл. У нас мор.

– Бог даст, ничего. Переночеватьпустишь?

Кирилл, согнувшись, шагнул в избу. С печи наблюдали четыре пары любопытных глаз. Кирилл улыбнулся, дотронувшись указательным пальцем до кончика носа. Ребятня захихикала и нырнула за занавеску, чтобы тут же выглянуть снова. Но улыбка на лице Кирилла уже померкла перед ударившим вспышкой воспоминанием: запрокинув лицо, Марпа шепчет: «Сыночка хочу, как ты, рыженького...»

– Гридя, давай за свежей водицей, – кивнул отец старшему сыну, и тот, запинаясь за тяжёлое деревянное ведро, помчался с ним к колодезю.

– Евдоха! Меланья!

Дочки горохом посыпались с печи, ссаживая за собой и самую младшую, едва научившуюся ходить. Кирилл – следом. Стоял и смотрел, как одна девочка, держа обеими руками потемневшие от употребления ножницы, режет изумрудные стрелки лука. Как вторая собирает их в пучки. Как самая маленькая, по-старушечьи кряхтя, расстилает платок. Как все трое заворачивают узел и, напевая, несут домой, нарочито вступая в лужицы расплескавшейся из ведра воды.

Отец по-мужски крупно и неровно накрошил лук, ссыпал в большую деревянную миску, залил колодезной водой и обильно посолил.

– Бескормица у нас, – положил на стол обгрызенные ложки.

– Помолимся? – предложил Кирилл. – «...Хлеб наш насущный даждь нам днесь...»

– «Хлеб... дай», – повторили дети.

– Подождите, – потянулся Кирилл за «подорожниками», которыми снабдили его в

Киеве: выложил полухлеб – ноздреватый и благоуханный и, помешкав, добавил туюсок с мёдом.

– Всё, – развёл руками, пытаюсь рассмеяться, – больше нет.

Хлебал солёную похлебку, а замершие вокруг стола дети сторожили каждое движение отца: вот он отрезал осьмушку, вот разделил на четыре ломтя, вот намазал их мёдом...

Оставшийся хлеб вместе с туюском Ждан придвинул гостю:

– Возьми, тебе самому в дорогу надо.

– Нет, – замотал головой Кирилл, – у меня пост. Лишнее отдаю.

– Спасибо, ежели так. А ну отвернитесь! – прикрикнул Ждан на детей, пряча сокровища за икону.

– Погреем кости? – предложил, когда дети, осоловевшие от непривычной сытости, уснули на печи. – Мы от хвори оберегаемся горячим теплом да омовеньем. Малых с утра, как баня слегка простынет, тоже купаю.

– А мать их где?

– Мор прибрал. Чудно жизнь устроена! Когда «чёрная смерть» косила, она уцелела, а тут... Болеть начали те, кого Витовтовы ратники, насильничав, в живых оставили. Жёнка к сестре бегала, когда та слегла. А потом от меня с детьми отлучилась, на сеновале хворала... Теперь вот страдаю помаленьку... На зверьё ставлю силки, на рыбу – сети.

И Кирилл понял, что «страдаю» на языке Ждана означает «тружусь».

– А такая... Марпа... в Смоленске жила?

– Неужто живая?! Ты её видел?! Она ж тут учинила кровопролитие. На её двор литовские ратники зашли, а она с дитём одна была...

– У неё дитя? – Кирилл закрыл лицо руками.

– Сынок. Муж её привез из какого-то дальнего похода, они недолго вместе пожили, он погиб. Ну вот... Они к ней зашли, а Марпа их с крыши смолой полила. Тут ещё набежали, дом с четырёх концов подпалили. Мы думали, сгорела с дитём вместе. А она, видишь ты, живая. Ты и мальчонку с ней видел?

Кирилл, отрицая, молча покачал головой.

– Заболтались мы, как бабы, – Ждан встал. – Париться пошли!

Банька, одним боком прилипшая к реке, изнывала от жара. Ждан, прижимая веник обрубком правой руки, исчез в сизо-молочной завесе. Кирилл растелешился и, нащупав нижний полок, распластался на горячем дереве, свесив голову.

– Ты б наверх поднялся, а то что ж за парильня без пара!

Пригибаясь, Кирилл выбрался из бани и кинулся в воду, обожжённой кожей чувствуя, как оживает под студёной водой... Трижды потушив банный жар в речке, утихомирился и Ждан. Дома братину наполнил, гостю придвинул.

– Как заново родился. – Кирилл, отхлебнув, придвинул ковш обратно к Ждану. – А я смотрю, ты одной рукой ловко управляешься.

– Так это у меня с тех пор, как Витовт в очередной раз наш Смоленск взял. Четырьмя-то годами раньше нам Олег Рязанский с войском на выручку пришёл. Ему белоризцы помогли.

– Белоризцы, говоришь?!

– С башен дозорные видели их – в белых одеждах, они стены укрепили и в бой первыми ринулись. Когда же мы превозмогать врага стали, то белоризцы сделались невидимыми. Остались только убиенные. Семеро. Мы их положили в один гроб и над ним воздвигли каменный крест. Как же мы им молились, когда Витовт снова на Смоленск двинулся...

– Ну и как, помогли белоризцы вам снова?

– Нет. Наверно, они только однажды на выручку приходят, больше не полагается... А несколькими годами раньше и того хлеще – Витовт сговор здесь устроил с вашим Московским князем Василием да митрополитом Киприаном. И что всех в Смоленск тянет?

Кирилл невольно вспомнил про Фалалея. Про него Лаврентий рассказал: «Зря ты его заподозрил, что он-де раненых, которых везли с Куличек, добивал и обирал. Он пытался препятствовать, а его с ног сбили, воз по нему и проехал...»

– Наш город мятежный, – повторил Ждан, выливая в братину остатки браги. – Эх, ба-тюшка!.. Если бы князья были вровень с простым человеком по храбрости и честности, не была бы Смоленская земля под Витовтом.

– А про какой сговор Московского князя и Киприана с Витовтом ты говоришь? – Кирилл досадовал на себя захмелевшего.

– Да я почём знаю, – дёрнул култей Ждан, – только все они в замке были: будто под Пасху в гости к Витовту приехали. Сначала митрополит. В открытую прикатил. Охраны было больше, чем святых отцов. А потом и Василий. Странно было: близ него – московские дружинники, а вокруг – литовские ратники. Митрополит – тот к народу выходил, благословлял. А Василий в замок прошмыгнул и затаился...

*В 8 днях пешего пути от Новгорода,
7 июня 1410 года, после утрени*

Тяжёлая туча, как севшая на мель ладья, дала течь. Крупные капли, не зная удержу, за-дубасили по спине, заставляя втянуть голову в плечи. Оскользнувшись в мягких поршнях, Кирилл огляделся в поисках убежища. Поодаль по пояс в землю сидел кряжистый дуб. Несколько раз зацепившись за сучковатые ветви, Кирилл забрался в тёмно-зелёный ша-тёр, пол которого был щедро устлан желудями.

И отступил шум дождя, и обступила со всех сторон усталость, мягкой лапой коснувшаяся век: «Спи... Ты дома...» И ему приснился дом – свежесрубленный, источающий терпкий смолистый запах. Он ходил и мерил его шагами: три сажени в ширину, а в длину... Он всё шагал и шагал, и не было тому конца. («Господи, Боже мой, сколько же я уже саже-ней отмерил за долгую эту дорогу!») Он взглянул вверх – увидел мачту и уразумел: «Мой дом – ладья». Но где же парус? Как без него плыть? Он посмотрел на мачту ещё раз и по-стиг: «Она как крест».

На берегу стояла Марпа. И он снова начал ей объяснять, как тогда в лесу. «Видишь, – волнуясь, повторял Кирилл во сне, – эта линия креста, что поперёк, – пересекает устрем-ление любовью к ближним. В том сущая мука и крест для души человеческой».

«Слушай, а как с моей душой быть?» – спросила она во сне, как тогда в лесу. Он хотел было в ответ сказать что-то очень важное, чего никогда никому не говорил, но ладья от-чалила, а Марпа осталась на берегу...

Кирилл проснулся. («Я заблудился в лабиринте правд. Этот крест выше моих челове-ческих сил. Я ничего не знаю, ничего не могу, ничего не умею. И у меня так сильно болят ноги, даже в поршнях. А того сильнее – душа. Она у меня есть, потому что так нестерпимо щемит. За что ты на меня возложил эту ношу, Боже? Ну почему обязательно я? Что ж ты молчишь... Я так устал... Пусть я умру под этим деревом, но я никуда больше не пойду... Делай со мной что хочешь...»)

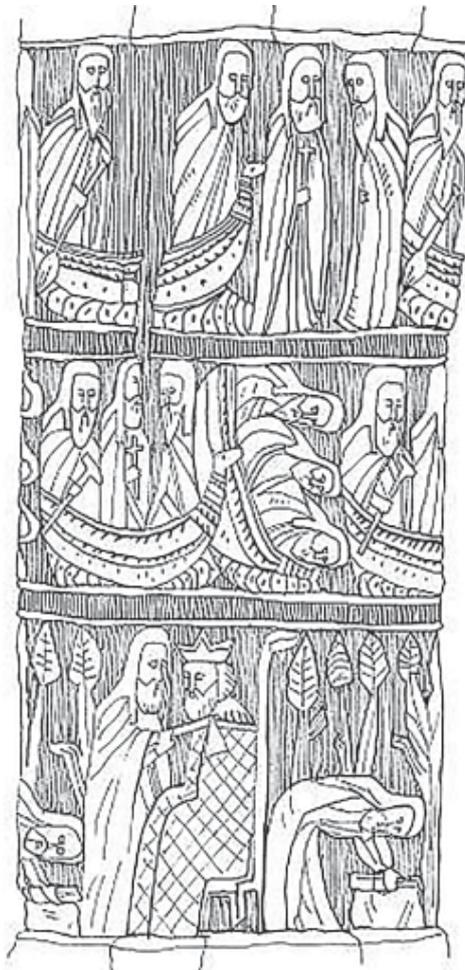
Свернувшись калачиком, он обнял себя за плечи и закрыл глаза. Тёплая слеза с про-тивной медлительностью стекала по щеке. Он досадливо смахнул её раз, другой... Поднёс

ладонь, чтобы стереть третий, но пальцы наткнулись на какую-то живую горошинку. Он извлёк её из бороды и поднёс к свету: божья коровка. «И ты заблудилась тоже?» – усмехнувшись, спросил и почувствовал, как на душе странно полегчало.

Осторожно раздвинув ветви, соорудил нечто вроде отворённой дверцы. Спустился к Двине искупаться и набрать воды в котелок, а заодно нарезал и охапку пахучего татарского сабельника. Постель получилась по-праздничному душистой и изумрудно-чистой. («А места хватило бы на двоих...»)

Полез в суму за костяными накладками – рука наткнулась на сухую траву. («Это ещё что?») На ладони лежал подарок киевского травника: причудливо изогнутый корешок валерианы и два пучка трав. Первый, ясное дело, семисильник. А второй?! Кирилл потрогал колючки – на пальцах остался белый пух. «Семисильник девясилу не товарищ, и кто знает, что из всего этого получится...» – Кирилл застонал. («Что ты мне, чудодей, подсунул! Смешаешь с ладаном... Девять дён у сердца поддержишь... Она перед той не устоит... Я же твой девясил не девять дён носил! Знал бы, избавился бы тут же. Я не её присушил, я себя приговорил! Эх, травник, что ж ты натворил, душа нераскаянная!..»)

Достал со дна сумы три костяных накладки из числа тех, что его одарил Фалалей, и с ожесточением взялся за резец. («Что же на них представить такое, чтобы была ясна суть того, что сам успел понять в своём пути из Ростова в Киев, из Киева в Вильно, из Вильно в Смоленск, из Смоленска в Новгород Великий... Впрочем, до него ещё надо дойти и настичь там Сатану, а потом, когда будут найдены ответы на все вопросы... А что потом? Да ничего! Назад, в келью!»)

Осерчав, он и не заметил, как рука дрогнула, прорезав предательски кривую линию. Обругав себя, Кирилл взялся за другую пластину. Вспомнив ладью из своего сна, он вырезал её без особого труда. А в ней – кормчий. Конечно же, Стефан.

А теперь он же, но с дорожным посохом в руках, стоит между двух собратьев. Кто из них кто? Это уж время изобличит. Священнику ризы служат не только украшением, но и защитой. А бесу они нужны, чтобы скрыть копыта и хвост. Отделив рисунок кромкой («Пусть будет такой широкой, чтобы потом можно было написать на ней то, что должно...»), он снова вырезал ладью: сначала плывущей по горизонтали («в глубину»), а потом – ещё раз, но уже по вертикали («в высоту»), словно крест. Ладья – это Церковь, плывущая по бурным волнам к тихому берегу, по «морю страстей» к «раю небесному». Но всякий корабль не ветром носится, а кормчим направляется. И вот нет его уже в ладье, на которую надвигается кораблекрушение...

Хлебнув из котелка остывшего варева и скривившись («Кисло!»), Кирилл сидел некоторое время в раздумье, как передать вся и всё: и Смоленский сговор, в котором он сам ещё до конца не разобрался; и унию, о которой так велеречиво распространялся епископ Леонард; и Сатану, сеющего смерть...

Конечно же, это бес в ризах пытается потопить ладью. Но и бес сам по себе не опасен, если им не управляет демон. Кирилл, закусив нижнюю губу, с сосредоточенной тщательностью вырезал трон, фигуру на нём в длиннополой одежде, скрывающей даже руки. Лицо? Лицо не важно, главное – трехая корона, чтобы любому было ясно: этот князь не православный, а неверный во всём. Стефан сокрушает этого демона, нанося ему удар топором и поджигая его остатки. Можно, конечно, подумать, что преподобный, приплыв по реке, воюет с пермскими идолами. Ну что ж, пусть так думает тот, кому хочется...

Завернув вырезанные пластины отдельно от остальных (прикреплять их на посох время ещё не настало), он бережно спрятал на дне сумы, потом снял поршни, аккуратно поставил их у входа и затворил зелёную «дверцу», предвкушая сладкий сон «пострадавшего» человека...

Часть вторая

Вспять по реке Времени

Хронотоп II

Шествие на осляти

*Москва, Кремль, Спас на Бору,
24 августа 1612 года, до утрени*

Ещё позавчера поляки предвкушали воссоединение с гетманом Ходкевичем, а сегодня уже ясно, что русские ополченцы скорее умрут, чем допустят его воссоединение с гарнизоном. Но если нельзя прорваться в Кремль, то, может, стоит попытаться выскользнуть из него ходами, один из которых из церкви Спаса на Бору вёл под Москвой-рекой к Земляному городу?

В трапезной Успенского собора уже остыли угли огромного костра, а Спас на Бору остался почти нетронутым, здесь не было манящего блеска золота. Игнатий, несостоявшийся патриарх, покосился на пустую усыпальницу и посох – то ли незамеченный, то ли всеми забытый. Примерил гнутую рукоять к руке: жезл хоть и не патриарший, но архиерейский. Жаль только, что узор испорчен местами. Провёл пальцем по тёмному жезлу. («А не похоже, что накладки сами отвалились, нарочно сковырнули. Может, ценные какие-то были? Ну да ладно, и такой сгодится, чтобы гетман уразумел, что перед ним не просто беглый грек...»)

*Речь Посполитая, Супрасльский Благовещенский монастырь,
27 августа 1612 года, третий час*

Лёгкая пороша подчеркнула строгость линий старейшего из храмов – деревянной церкви Иоанна Богослова, небесного покровителя Яна Ходкевича. Его седой внук, названный в честь деда, тяжело сошёл с коня, поспешно поднял посох вверх, как хоругвь. Острый наконечник чиркнул по сабле. Архимандрит Герасим деликатно отвёл глаза. («Сдал гетман... Впрочем, на днях его венчали с юной Анной-Алоизией Острожской. Сколько ей? Кажется, не больше двадцати...»)

– Пан гетман, у вас такое событие, а вы в пути?

– Оставьте, в моём возрасте это уже не событие.

Герасим осёкся, взглянув на изменившееся лицо своего благотворителя. Первый брак Яна Ходкевича основывался на любви. Со стороны выглядело так, словно ему нужна была только эта и никакая другая женщина, и он её дождался. Она была дочерью воеводы и вдовой князя...

После первого похода на Москву гетман вернулся домой, чтобы похоронить пятнадцатилетнего сына. После второго похода упокоилась и его мать. Юную Анну-Схластику он выдавал замуж уже один...

– Я еду на сейм. Ясновельможное панство наконец поняло, что напрасно дало себя втянуть в войну с Османской империей. Сейму только и остаётся, что отдать мне командование...

– Примите искренние поздравления.

– С чем?! После охоты на московский трон я разочаровался в высоком назначении государственных дел. Это так же мелочно и глупо, как и суета вокруг моего состояния. Всем, включая новобрачную, ещё предстоит узнать, что мои долги превышают годовой доход от поместий Ходкевичей.

На лице наместника отразилось замешательство. Гетман переложил из руки в руку посох, который продолжал держать на весу:

– А что ещё остаётся делать командующему? Армия, когда она воюет впроголодь, разбегается. Но о нуждах монастыря я помню. – Он кивнул гусару, тот достал ларец. – Это чтобы вам было легче нести ваш нелёгкий крест защиты Православия.

– Пока я жив, – Герасим прикоснулся к нагрудному кресту, – так оно и будет.

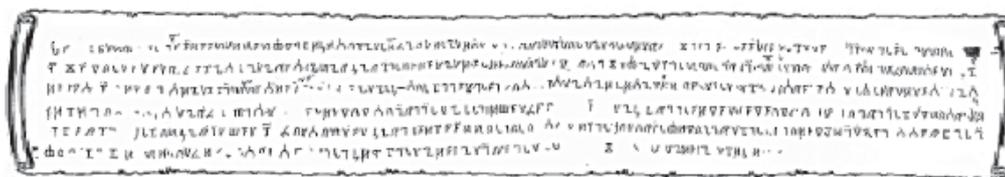
– И пока я жив... Если этот поход не станет для меня последним... Перед отъездом решил передать его вам, – гетман протянул посох. – Почему-то тяжело было с ним расстаться. А теперь, думаю, пора...

– Откуда он у вас, пан гетман?

– Мне его преподнёс монах-грек Игнатий за то, что я его взял с собой в Вильно. А может, просто решил, что ему не по чину: посох епископский, Стефана Пермского, а Игнатий в патриархи метил...

Глава V

Сорок сороков

*Новгородская земля,
Великий Новгород, Торговая сторона,
в год 6918 месяца червеня в 21-й день, шестой час*

Сатана стаскивал с себя пыльные сапоги, а Макарий молча наблюдал. Он его ждал и не ждал. Ждал – потому что тот сам велел, обосновавшись в Новгороде, разузнать о тех, кто промышляет в Перми, чтобы не потерять его из виду Кирилла. Не ждал – потому что питал смутную надежду, что Сатана запропаستится как младший из поделщиков, Зосима.

*Исповедальная записка беглого белоризца Макария
о событиях в Смоленске, предшествовавших 1396 году*

Когда в мой родной Нижний Новгород вошли московские послы в окружении татарского войска, я с досады отправился в монастырь. Там меня охотно приняли, узнав, что я ратник. В первое же утро я увидел спешащих монахов. Мелькали спины в белых рубахах, взлетали фонтанчики брызг из-под голых ног. Они бежали на другой берег... по воде.

«Что рот разинул? – Игумен на ходу облачился в белую рубаху. – Догоняй!» Я с размаху ступил в воду и провалился по пояс, ударившись о камень. А отец-настоятель бодро продвигался на другой берег, едва касаясь речной глади. Мне только и оставалось, что вплавь последовать за ним...

Утро следующего дня было как две капли воды похоже на все последующие. После службы я шёл к неглубокому пруду, раскладывал там камни и старался добежать по ним к противоположному берегу. Как-то раз я принял за камень зеркального карпа, дремавшего в иле...

И всё же спустя месяц я уже приноровился. Научился и молниеносному удару в колени, после которого человек даже если остаётся жив, то надолго забывает обо всём на свете, кроме боли. «Для победы в праведном бою все средства годятся, – любил повторять игумен. – Даже собственная смерть».

Однажды в церковный колокол ударили ночью. Я побежал за походным снаряжением, включавшим дюжину белых рубах («Зачем так много?» – давно недоумевал я, но всякий раз натыкался на молчание).

По земле распустился густой туман, пеленой окутав звуки. Игумен поднял руку, приказывая спешиться. Привязав коней, монахи молча стали облачаться в белые рубахи. Пожав плечами, я достал из сумы свою... Не успел натянуть её, как сосед справа толкнул в бок, указывая себе на пояс: там у него висела ещё одна рубаха, сложенная вчетверо («На смену, что ли?»). Пожав плечами, последовал его примеру.

«Делимся по парам, берём по бревну», – распорядился игумен. Замелькали белые рубахи, раздался приглушённый треск валежника. «Что стоишь? – окликнул меня игумен. – Берись с другой стороны». Сучковатый ствол больно давил на плечо. Я бежал, зажмурившись: ветки царапали щеку. Рядом раздавался мастеровой звук: белоризцы укрепляли брешь.

«Помолимся!» – распорядился игумен и с торжественной неспешностью поднял над головой крест... Бой вспыхнул вместе с первыми вскриками лагерных дозорных, так и не пришедших в себя от предсмертного видения: в белых рубахах, слегка раскачиваясь, неуклонно надвигаются на них ангелы смерти...

Стоя спиной к спине с игуменом, я отбивался от мечников. Сзади раздался треск рвущегося холста. Я почувствовал: вот-вот истекающий кровью игумен упадёт, и тогда я получу удар в спину. Поднырнув, ловко ушёл от лобового удара и, уже отползая, услышал предсмертный хрип...

Немногие уцелевшие белоризцы отступили, когда услышали победный клич подоспевшего на выручку смолянам войска Олега Рязанского. Отходя, я оглянулся: над игуменом склонился отец Савватий. Не найдя на груди смертельной раны, он перевернул убиенного окровавленной спиной вверх...

Удалившись вместе со всеми в монастырь, я не находил себе места. «Когда придёшь на исповедь?» – спросил меня новый настоятель. «Завтра, отец Савватий, завтра...» Но на следующий день меня, сидевшего на противоположном от обители берегу, нашёл

странствующий монах, под рясой которого угадывалась кольчуга. Ему, по крайней мере, не требовалась моя исповедь...

*Великий Новгород, Софийская сторона, Владычный двор в Кремле,
22 июня 1410 года, первый час*

Кирилл сжимал в руке подорожную грамоту Гаврилы, которую едва ли не силой вручил ему Иван Кочерин («Выручай, батюшка, я твой должник буду на всём пути в Пермь, куда скажешь, туда и поверну ушкой...»), выбирая, к кому бы подойти, чтобы узнать о владыке Иоанне.

– Отец Нифонт! – Седой монашек посеменил к высокому крыльцу. Владелец баса распорядился: – Ступай на строящуюся церковь. Владыка хочет её осмотреть, так ты убедись, что нечем огорчить его.

Оголённые до пояса кровельщики клали последние листы олова.

– Ну что вы набежали? Думаете, без вас не справимся?

– Сюда владыка направляется!

...Иоанн шествовал, выбрав долгий обходной путь вдоль Волхова. Расположенность к пешим прогулкам он приобрёл после трёх с лишком лет заточения, на которое его обрёл митрополит Киприан, призвав в Москву якобы для обсуждения святительских дел.

Ступив на горбатую доску, владыка пошатнулся и был подхвачен. Взглядом стряхнул с себя служек. Прищуренные глаза обследовали кладку каменных погребов, на которых построили церковь Иоанна Златоуста.

– Двери, владыко, с медью золочёною, – склонился отец Нифонт, толкая под ребро мастера. («Не стой пнём, докладывай, что да почём...»)

– А что народишко на лесах копошится?

Мастер замахал руками: кричать смысла нет – не услышат. Кирилл, воспользовавшись заминкой, приблизился.

– Позволь, владыко, вернуть тебе твою охранную грамоту?

Иоанн пробежал глазами подорожную и уставился на черноризца, смотревшего на него, владыку, сверху вниз.

– А сам Гаврила где?

– Царствие ему небесное. Тати убили и ограбили в четырёх поприщах от Киева. Я той дорогой шёл и нашёл его...

– Я с тобой позже поговорю, будь здесь!

Мастеровые тем временем одолели половину спуска. Уже стали различимы стянутые узлом на их поясах верёвки, переброшенные через четырёхскатное покрытие.

– В Москве часозвоню видел? – спросил мастера Иоанн.

– Недавнее что-то? Я ещё Димитрию Ивановичу строил, а сынку-то иноземцы по нраву.

– Да, монах из Сербии сделал хитроумное устройство, оно само, без звонаря, ударяет молотом в колокол.

– Чудно! – усомнился мастер. – Как оно там только всё держится?

И словно в подтверждение его слов раздался сокрушительный треск оловянной кровли. Последний из спускавшихся повис в сажени от земли.

Справа просвистела каменная глыба. Кирилл, выхватив из висевшего на поясе кошелья нож, в три прыжка одолел расстояние, но лезвие нехотя пилило толстую верёвку. («Вот у Марпы боевое оружие!») Слева, подняв столб пыли, вошёл в землю ещё один обломок.

Чихнув, Кирилл снова взялся за дело. Верёвка лопнула – мастеровой улепётывал на четвереньках внутрь церкви. Поймав его за ногу, Кирилл пятился, будто тащил к берегу сеть...

– Мастера – в монастырскую темницу! – Владыка развернулся, чтобы уйти, но путь ему преграждала людская стена.

– Пока сидит на кресте Софии голубь, стоять Господину Новгороду, а церковь заново отстроим. – Как корабль, рассекающий носом волну, Иоанн пошёл в толпу. – «Господь испытывает праведного»... («Да только праведен ли я сам, Господи?! Испытываешь ли Ты меня или наказываешь?..»)

Кирилл переминался с ноги на ноги... Иоанн кивнул неприметно, но повелительно: ты со мной.

*Великий Новгород, Торговая сторона, Загородский конец,
23 июня 1410 года, перед утреней*

Кирилл всё ещё чувствовал на себе цепкий взгляд тёмно-серых глаз, казавшихся под белым клубком чёрными.

– Итак, ты обыскал убиенного? – архиепископ скатал грамоту.

– Да, владыко. К чему хоронить безымянного...

Чем подробнее Иоанн спрашивал, тем односложней отвечал Кирилл, а память воскрешала сказанное в Вильне епископом Леонардом: «Новгородские ушкуйники лишились своей вотчины и доступа к сокровищницам Bjarmaland... Московский князь пожаловал ему особенные преимущества пред прочими владыками по управлению епархией и в делах судебных...» Кирилл посмотрел на Иоанна пристальнее («Но ведь это всё то, к чему стремится сам Новгородский владыка!»).

– Почему не пришёл его братец? – подозрительно спросил тот. – По долговой расписке ты платить будешь? – Иоанн открыл деревянный ларь и зашелестел грамотками, распознавая каждую едва ли не лёгким касанием. – Не то, не то... Вот!

Крестная грамота

*Ежели окажусь после той поездки в Литовские земли мёртв или увечен и не смогу расплатиться сам, то отвечу перед святым архиепископом тем, что осталось из рухляди, которую поручаю Софийскому собору. А недостающий долг в **три десятка гривен перекладываю на того, кому вверит сию грамоту мою собственноручную святой архиепископ новгородский**. Имейте веру сей грамоте и печати чисто по правде и по целованью. И оставайтесь здоровы.
Гаврила Кочерин.*

– Внимательно читал? Ты влип, чернец!

Кирилл вздохнул, переступив с ноги на ногу:

– Не знаю, где взять... В Перми разве что? Неужто ты, владыко, новгородцев на войну с Москвой благословил?

– Двинская земля, как и Пермь, много веков была данником. И не было это ни для кого тяжким бременем, ибо новгородцы не вмешивались во внутренние дела. А тиуны, доivotчики и приставники повели себя так, что породили ненависть ко всему московскому.

– А Стефан? Его тоже ненавидели?

– Ишь ты! – Иоанна как в грудь толкнули. – Кто ко мне прислал?!

- Никто, я сам, – и скупно рассказал о своём странствии.
- Ну и что ты мог там узнать об отношениях Киприана со Стефаном, если все их встречи происходили здесь?

*Личные хроники
архиепископа новгородского Иоанна
о событиях 19 сентября 1382 года*

Матрос не успел накинуть канат на бухту, как с носа прыгнул на берег ксёндз. Сутана при прыжке взметнулась, обнажив добротные воинские сапоги. «Хольмгард?»

Так называют Новгород скандинавы. Я оглянулся в поисках стражи. Ни души... «Брат Анджей! – Назвавший себя так говорил по-русски. – Со мной посол великого князя». – «У нас в Новгороде перед князьями шапку не больно-то ломают». – «Знаю, потому посол к епископу!»

Ворота сторожевой башни открылись, пропуская небольшой отряд. В десятнике, поигрывавшем саблей, я узнал Фрола Труфана. Разумеется, по его кудрявому чёрному чубу.

«Тут посольские!» – старался я перекричать ветер. На судёнышке вдруг раздался глухой печальный стук: так хлопает ставня в покинутом доме. Я оглянулся: Труфан с ратниками приближался. Двое прыгнули на палубу. Лезвие сабли подцепило закрытые створки дверцы размерами с оконце. «Что за скворечник?» Вскрик, шорох, кряхтение – и оттуда проворно выполз тщедушный человечек, укутанный в красную мантию, как лошадь в попону.

«Это отец Леонард, посол Великого князя Литовского к епископу Новгородскому с перемирной грамотой!» – Я вздрогнул: за моей спиной стоял брат Анджей. «Так мы вроде и не воюем?» – Труфан вопросительно посмотрел на меня. Я пожал плечами. «Порядок есть порядок, я обязан учинить досмотр судну». Вскоре на причале появились предметы, которые изобличали в приплывших любителей удобств. Затейливый бочонок и кубки окончательно отметали мысль о том, что в пути святой отец перебивался с хлеба на воду. Последними ратники выволокли пуховую перину и резное кресло.

Между тем к надсадно заскрипевшему причалу по-медвежьи привалился сосновый ушкуй. На палубе стояли, широко расставив ноги, кормчий Власий Острог и его подельник купец Иван Кочерин, а чуть особняком от них – незнакомый инок с посохом, в простой поддёвке, накинутой поверх рясы.

«Отче, будь моим путеводителем: я игумен Стефан из Перми, с оказией прибыл к владыке для размирья». («Сговорились, что ли?») Иезуиты – и красный, и чёрный – заволновались: «Багаж! Там презент для епископа!» Как тут отказаться: прихватили с собой. Позади уныло тащился обоз со скудной добычей ушкуйников, хмуρο топавших следом, – за одной гружёной телегой ехали две порожние (зря только с подворья прислали!).

На входе во владычи покои доверенный дьяк крестом раскинул руки: «У отца Алексия... митрополит Киприан!» – и пропал за дверью. Что тут возразишь?

По углам начали закрадываться сумерки, когда дьяк просочился на цыпочках в щель приоткрытой двери и зашептал: «Отец Иоанн, владыка твоих гостей зовёт!» («Моих? Значит, за всех ответ держать придётся...»)

Хотел было доложить, но иезуит в красном опередил меня. «Все процветающие города на большом водном пути стремятся упрочить торговые связи с Новгородом», – перевёл брат Анджей. Владыка сдержанно кивнул, белый клубок качнулся. «Его вотчины заходят далеко на север, в Биармленд». Клубок качнулся ещё благосклоннее.

Игумен из Перми на последнем слове сжал рукоять посоха так, что я пожалел о том, что позвал его вместе с остальными. Иезуит в красном, почтив полупоклоном Киприана, снова обратился к Алексию. Иезуит в чёрном перевёл: «Притязания Москвы на Новгород ставят новгородцев перед необходимостью искать защиты у литовских великих князей; а те, со своей стороны, готовы помогать Новгороду против Москвы, беря такие же откупы, что и Москва». Клобук качнулся вперёд (Алексий склонял голову лишь в двух случаях: когда молился и когда хотел скрыть гнев). Брат Анджей, как фокусник, достал из рукава грамоту и протянул её с поклоном владыке.

Но тут упал посох: звук был такой хлёткий, словно буря раскроила парус. Стефан шёл напрямик к Алексию. «Владыко, если ты принимаешь литовскую грамоту, то прими и московскую. Моя охранная грамота». – «И сильно она тебя охраняет?» – «Не меня, моих новокрещённых пермских людей». – «Это ты про идолопоклонников? Кумирницы их стережешь для Москвы?» – «Не стражник я, но сеятель». – «И много насеял?» – «Иное упало на камень, а иное при дороге, а третье в терние... А иное упало в добрую землю и дало плод. Ты бы заступился, владыко: ушкуйники в Перми балуют, хотя пермяне новгородцам добрые соседи». – «Так иди на вече! Там и жалуйся!» Стефан улыбнулся: «Прежде чем к прихожанам обратиться, я к их пастырю пришёл». – «Пермь испокон веку была данником Новгорода!» – «Вот, владыко, и всё вече... Пермь Москве платит дань. Новгороду же мы выгодную мену предлагаем: сорок соболей – за четыре зобницы ржи!» Белый клобук качнулся угрожающе: «Сорок сороков, чтобы я дерзость твою простил!» – «Объединять Русь надобно, а не ослаблять распрями междоусобными и расколами церковными... владыко!»

Стефан, поклонившись, поднял посох, но из-за того, что он сделал это сразу после поклона, было непонятно: был ли сам поклон.

Тишину потревожил митрополит Киприан, первым поднявшись со своего места: «Душно, пройдуся я...» Пришлось откланяться и ксендзам, хотя и с явной неохотой. Алексий, усмехнувшись, покачал головой: «Каков игумен-то! Откуда он взялся?» – «На нашем ушкуе приплыл». – «Что-о?» – клобук угрожающе качнулся.

В доме Власия тихохонько плакал ребёнок, безутешно мяукала кошка. У печи раскрасневшаяся молодка сдула с лица прядку волос: «Батя на берегу ладьи смолит!» Перевернутые килем вверх ушкуи походили на чёрные, выступающие друг из-за друга холмы. Весь мужской род Острогов был тут: мужики смолили, мальчишки подносили паклю, помешивали кипучую смолу, а Власий недовольно покрикивал...

«Прости меня бога ради, что отрываю», – извинился я. «Да, ладно, ты ж не просто так шёл мимо да зашёл». – «Да уж! – согласился я, присаживаясь на край лодки. – Почему полупустые вернулись?» Власий сосредоточенно тёр ветшкой руки: «Продвигались, тихохоньку промышляли и мехами, и серебром – всё как всегда...» – «И что же?» – «Да ничего... Куражу не стало! Ты не поверишь: Стефан эти кумирницы окаянные обухом покрушил, огнём пожёг, мы подошли, а он сидит, ждёт». – «Вас?» – «Кто ж его знает! Может, просто проверял, случится ли с ним что-нибудь за то, что он сотворил. Пермяне туда сбежались, с дрекольем. Вокруг него скачут, а он молится! Погоревали над головёшками и разошлись. Пальцем его не тронули! Болваны погорели, а серебро, золото, медь, олово – это же всё цело. А он не даёт взять. Дескать, нельзя пермян обирать... Я вот думаю, может, и вправду лучше мену вести: нам – пушнину, им – хлеб? По-христиански...»

Я только крикнул. Если уж потомственный ушкуйник усомнился, то чего ещё ждать с приходом этого Стефана?

*Великий Новгород, Торговая сторона,
церковь святого Иоанна Предтечи на Опоках,
23 июня 1410 года, после утрени*

Иоанн, неуловимо улыбаясь в бороду, наблюдал за подходившими. Первым по праву приложился к кресту Филат Фефилович. Тремя днями раньше богатейший из вощников был уличён в жульничестве на Готском дворе – в кругах воска Фефиловича обнаружались камни. И вот сейчас, приложившись к кресту, развёл руками и усмехнулся заговорщицки: мол, богу богово, а купцу...

В хвосте очереди шёл с измятым бледным лицом Иван Кочерин: переживает смерть Гаврилы, да и братский долг к земле гнёт. Сзади подпирал Ивана плечом бывший ушкуйник, нынешний купец Власий Острог. Ещё четыре лета назад плавал кормчим на Печору. Но однажды вдруг столько пушнины привёз, что стал вровень с самыми зажиточными людьми Новгорода.

Последним к кресту приблизился лоснящийся от счастья хлеботорговец Егуп Мясо, недавно избранный купеческим старостой. Доходы свои купчина поднял, словно на дрожжах, за одну весну. И сейчас, скользнув губами по кресту, сочно обчмокал руку Иоанна, бормоча: «Дозволь, благодетель, век не забуду...»

Храмовый праздник переместился на площадь за длинные столы братчины, которую охранял владычий полк, содержащийся за счёт «Ивановского ста». Статные девицы поплыли к столам с резными досками, гружёнными румяными пирогами. Самая махонькая несла в конце перепечи – горки запечённых шариков, липших друг к другу медовыми боками...

– Сладенькая моя, – прошептал седобородый Власий, пытаюсь коснуться руки смуглолицей молодежи.

В это самое время к уху архиепископа приник запыхавшийся монах. Не успел Иоанн встать, грозно опираясь на посох, как известие уже распространилось за столами.

– Меньшие люди «пошлого купца» бьют!

На Софийской стороне ударили в било, на Торговой – отозвались набатом. Посреди моста кипела, вихрясь, людская воронка. Поверх голов вынырнуло женское лицо с широко разинутым в вопле ртом. Наконец, толпа расступилась, с любопытством рассматривая свою добычу: в луже крови ничком лежал человек в багряной свите. Тут два простолюдина схватили лежащего за червлёные сапоги, подтащили к краю моста... Рыбак в утлом чёлне с беспокойством заёрзал, позабыв о неводе. Когда в очередной раз голова утопленника исчезла из виду, подналёг на вёсла и втащил безвольное тело на дно лодки.

– Данилка, Лукин сын! – узнал рыбака кто-то.

– У-у-у! – загудели с моста. – Айда Луку щучить!

Дюжина молодцев, топоча по мосту, помчались на Торговую сторону, а самые горячие двинулись вброд, на ходу стаскивая с себя рубахи. Кирилл, перекрестившись, двинулся за ними: промокшая ряса липла к ногам. Робея от сомкнувшейся вокруг его груди водной ряби, поднял над головой крест:

– Остановитесь, не губите свои ду... – Дно поменялось местами с небом.

Мужики оглянулись и увидели расходящиеся по воде круги...

– Уплыл? – Кирилл лежал на мокром песке, а из носа и ушей, из разбухших поршней в три ручья лилась вода.

– Да, – мрачно ответил, отвернувшийся спиной и выкручивавший порты, мужик, – пока мы тебя доставали.

– Ну и ладно, – Кирилл отплёвывался, – зато на вас греха нет.

- А на нём тоже?! – повернулся, забыв про срам, мужик. – Тебе из-за монастырских стен не видать, как опухшее с голоду дитя мрёт!
- Порты надень! Я не его защищаю, а вас. Он за своё перед Богом ответит.
- Больно долго ждать! – бросил спорщик, затягивая гашник.
- И ты с этой причины решил Господом побыть?

*Великий Новгород,
Торговая сторона, Великий мост через Волхов,
23 июня 1410 года, шестой час*

Над головами плыли крест и образ Богородицы. Иоанн, в крестчатых ризах и белом клобуке, пробирался туда, где Софийский край стоял – стенка на стенку – против Торгового. Посадник – голова белее клобука – вышел вперёд и, кладя руку на плечо то одному, то другому, добродушно уговаривал:

– Ну-ну, ребята, попроказничали и будет...

– Пусть владыка прикажет своей стороне разойтись, а мы здесь перескажем то же самое, – лукавили, чтобы уйти не сразу.

А на той стороне уже ходил в толпе тысяцкий...

– Батюшка! – зарёванный отрок ринулся к епископу Иоанну.

– Владыко! – строго поправил священник, перекладывая из одной руки в другую образ в тяжёлом окладе, как изнемогшая в няньках сиротка.

– Батянька помирает, – не слышал его Егупов сынок, – тебя зовёт!

Владыка разгладил бороду, это помогало привести мысли в порядок. («Умиравшему не отказывают. Правда, сребреники Иуды первосвященники отказались «положить... в сокровищницу церковную, потому что это цена крови». Но Егуп не Иуда, да и мы не в Египте».)

– Беда, владыко! – Переваливаясь как гусь, поспешал келарь. – На Чудинцевой улице толпа на Никольскую обитель пошла, в житницы купеческие.

– Пошли, – решительно повернулся владыка, – бесов изгонять.

– А батянька? Как же мой батянька? – заступил ему дорогу отрок.

– Где этот бродячий монах, что полез Егупа выручать? Ну!

Черноризцы брызнули в разные стороны и уже спустя миг подтащили к владыке недоумевающего Кирилла.

– Иди с мальцом, его отец исповеди просит. – Владыка взял за локоть Кирилла (хотел было за плечо, но не достал), влажно дохнул в ухо: – Уговоришь имущество церкви пожертвовать – полдолга Гаврилы спишу!

*Личные хроники
архиепископа новгородского Иоанна о событиях
с 1 июня по 7 августа 1385 года*

Павел Дуркуй, не дожидаясь, когда обоз подъедет к нему, двинулся навстречу: «Вот, милый батюшка, прими два свечных ящика. Готов отдать последнее, но, сам знаешь, купец с меня никакой?» – «Мы дружину собираем в боевой поход, а не на крестный ход. Порох да свинец надобны. На Готском дворе купим на твои пожертвования! Сколько дашь?» Мúка отразилась на лице купчины. «А скажи, милый батюшка, из «Ивановского ста» кто сколько дал?» – Тут я и зачитал ему самые щедрые из пожертвований...

Вот так, объезжая двор за двором, я с Торговой стороны на Софийскую привёл обоз и вошёл в собор: в глубине отливал золотом иконостас, у которого прохаживался владыка Алексей. «Восемь подвод и сорок пять слитков, владыко». – «Жадничали?» – «Не без того». – «Список скупердяев – мне!»

С площади донёсся нарастающий гул, словно Волхов вышел из берегов. Первой волной внесло в храм ушкуйников. Домчавшись до алтаря, они рухнули на колени. Подпиравшие их дружинники ткнулись им в спины. Следом в два ручья влились остальные прихожане. «Благослови, владыко, – объявил бородатый ушкуйник, в котором я с удивлением признал рассудительного Власия. – Хотим крест целовать, чтобы Москва нам ни в чём указом не была. Не хотим митрополичьего суда! Твоего с нас довольно!»

Алексий непроизвольно сжал в руке крест. Лишь сейчас, побывав в московском заточении, я понимаю по-настоящему, на что он шёл, подняв крест над коленопреклонёнными прихожанами: «Благословил вас воевать Пермь, благословляю и на крестное целование, чтобы не являться на суд Москвы».

На рассвете мы ушли на двадцати ушкуях. Мы – потому что владыка отправил меня с ватагой. Но каково же было моё удивление, когда на корме я заметил рыжую бороду. «Павел Васильевич, а ты здесь зачем?» – «Батюшка, я там, где новгородцы...» – «Там, где кумирницы», – поправил кто-то.

Я полагал, мы минуем Белоозерье, чтобы, преодолев Свирь и Онегу, выйти к Северной Двине, что в руках новгородцев. Этот путь обещал лёгкий доступ на Печору, но значительную часть его составляли реки и речушки, да и Вычегодский край остался бы в стороне. Посему ушкуйниками была выбрана дорога через Белоозеро к Сухоне. Но перевозить ли суда на конной тяге, рискуя столкнуться с ростовчанами и москвичами, или перетаскивать ушкуи болотистыми низинами, руслами высохших рек? Воеводы и кормчие избрали вторую дорогу, и не было ничего тяжелее её.

Преодолев очередной волок, мы спустили ушкуи в Прозорвицу – речку, выплеснувшую нас в Кубенское озеро. «Не море, а плавать по нему горе. – Власий стал похож на чёрную якорную лапу. – Сигнальте остальным, чтоб отстали, не хватало ещё друг друга протаранить!»

Когда последний натиск бури умчался вместе с клочьями предрассветного тумана, перед нами предстал, как в белой раме, Спасо-Каменный монастырь, вокруг которого теснились кельи на торчавших из воды брёвнах.

Воевода, мечтавший ступить на твёрдую почву, предположил: «Может, дозволят пристать ненадолго?» Власий покачал головой: «Это вряд ли! Не видел бы там черноризцев, подумал бы, что острог». Но чёлн спустили за борт, и мы погребли к острову. Там была только одна тихая заводь, где нас и поджидал инок в клобуке. «Вчерашняя буря стала для нас испытанием, брате, ты бы не мог испросить разрешения для нас передохнуть?» – «Я уже спросил. Отец настоятель велел передать: «Моряк, потерпевший на этом берегу кораблекрушение, просит вас поднять паруса».

Впереди нас ждали волок. Наконец, синей дорогой заблестела Северная Двина, огибавшая Устюг и бежавшая в Пермь. «Может, на этот раз отыщется Золотая баба?» – азартно потёр ладони Власий. «Батя сказывал, что ему его дед говорил, будто она неподалёку, – отозвался Бориско, самый молодой на ушкуе. – Только он её Юмалой называл. Так её викинги величали, которые дедушку провожатым взяли. А пермяне её Зарни Ань кличут...» – «Привиделось на старости лет твоему дедушке», – аккуратно захихикал Пашутка. – «Деда не трожь! – подхватился Бориско. – Он затёсы на деревьях оставил с метками особыми».

В тесное устье Чёрной речки наш ушкуй вошёл первым. Как срубленная, упала

мачта. Ливнем хлынули стрелы. Я растянулся на палубе, поднёс пальцы к глазам – кровь! Навалившись на вывернутое из уключины весло, свесил голову Бориско...

Устроившая засаду дружина гнала нас до самого устья Северной Двины, а отведя от Устюга, отстала. Тогда я и сотворил панихиду по убиенным.

Речная вода наскоро омыла их успокоившиеся лица и выбелила окровавленные рубашки. «Упокой, Господи, душу рабов твоих...» Ушкуйники разногласно подсказывали: «Жила, Олюша, Абаш, Федец, Нелюб, Бориско...» – «...И прости им прегрешения вольные и невольные! – подхватил я и остановился: «Бориско? Он же раненый был! Рано отпевать...» – «Так не его одного нет, и Пашутки тоже...»

*Великий Новгород, Торговая сторона, Загородский конец,
23 июня 1410 года, шестой час*

Отрок взбежал по ступенькам вверх. Кирилл, наступая на рясу, поспешал за ним. Они очутились в крестовой: на бело-голубом своде простирал сизые крылья над маковками церковью голубь. («Может, лучше было нарисовать его сидящим?») Противоположную стену занимала божница, скрытая полотнищем. Со скамьи свешивалась перина, в которой утопал Егуп. Кирилл присел на корточки у изголовья. («С закрытыми глазами человек лишён лица...»)

– Владыко! – слабо позвал Егуп.

– Он мне поручил, – откликнулся Кирилл, краснея. – Уж прости...

– Он тебя, батя, спасал, чуть не утоп, – пришёл на выручку отрок.

– Спасал, но не спас, – оборвал его Егуп. – А ежели я не хочу от тебя прощение получать?

– Да кто я такой, чтобы прощать? Я – лишь путеводитель. Не важно, я или кто другой. Ты переключиваешь на освободившего тебя от грехов долг свидетельствовать на Страшном суде за тебя.

– Раз так, – облизнул губы Егуп, – молись...

«...и удостой меня без осуждения причаститься Твоих пречистых Тайн для прощения грехов и получения жизни вечной...»

– Не бывать тому...

– Ты иди, чадо. – Кирилл посмотрел на застывшего в углу отрока. – Тебе здесь не место и не время.

Тот, плача, выбежал прочь. Егуп заговорил вновь:

– Лучше, чтобы владыка. Ты-то при чём...

– Ну что уж теперь... Начнём, пожалуй. Говори: «*Отец наш небесный, согрешил я...*», а когда закончишь, попросишь: «*Прости меня, Милосердный Господи*». – Устроив чашу и просфору, Кирилл опустил глаза.

– Согрешил я, монах...

– Ты не мне, ты Ему, – взмахнув рыжими ресницами, Кирилл снова потупился, тихо подсказывая: – Отец наш небесный...

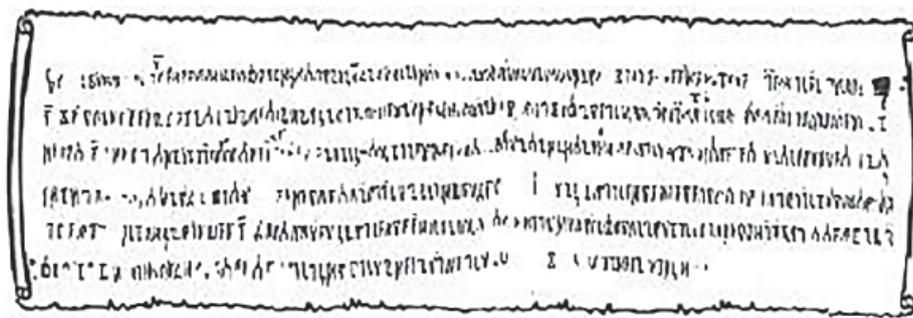
– Ну да... Отец наш небесный, согрешил я...

Егуп устало сомкнул веки. Кирилл не знал, как быть – окликнуть или не тревожить: это был первый его исповедальник. Решил ждать...

– Благовестку отдёрни! – попросил причастник, вырвавшись из небытия.

Кирилл охотно исполнил: он уже давно косился на занавешенную божницу. Поднял глаза на икону. Почему все три ангела как родные братья-близнецы? Почему на столе

изображены не яства, а только одна Чаша? Почему агнец, предназначенный в жертву, возлежит в середине лужайки? В самом низу иконы на снежно-белой полосе скорописью бежали точь-в-точь такие же буквы, какие он видел на листках, найденных в Григорьевском затворе. («И здесь абур?!»)

– В тот год Стефан приехал к владыке... Меня владыка к себе позвал: «Хлебный обоз снарядить возьмёшься?»... Я – в ноги, дабы он никому больше не поручил... Я, конечно, и так в убытках не был... Люд от бесхлебицы страдал... Приторговывал втрое дороже... Но это по зобнице, по четверику... А тут – обоз... На владычный двор свёз из урожая нового года... А Стефану...

Егуп смолк, и Кирилл уже решил, что Бог приберёт его, оставив без покаяния. Накрыв голову раненого епитрахилью, с усердием зашептал:

Ослаби, остави, прости, Боже, прегрешения наша, вольная и невольная...

– Четырьмя годами раньше в Перми был голод, – прервал его тот. – Мы по сговору скупили весь хлеб... Держали до высоких цен... А Стефан открыл житницы... Раздал десятки мержи и деньги... Мы – по миру... А тут он сам приехал... И владыка позвал меня... У меня излишки с прошлого лета попрели... Я зерно и смешал... И чувствовал себя хватом...

Кирилл приблизил к его губам крест – Егуп отвёл руку.

– Он зерно не проверил... Достал связку мехов... Я взял... Он тогда ещё и иконку... Это тебе, говорит, за то, что не ищешь прибыли себе... Я так и обмер... А куда деваться... Принял и образок...

«...помяни мя, Господи, во Царствии Твоем. Да не в суд или во осуждение будет мне причащение Святых Твоих Тайн, Господи, но в исцелении души и тела...»

– Какое ещё исцеление? Слушай, раз уж взялся... Стефан увёл обоз... Ночью случился ливень... У соседей житницы и амбары вода обошла, а у меня зерно вымыло на улицу... Бедняки вылавливали зерно из бегущих ручьёв... Иным хватило этих запасов до нового урожая... Я не удивлялся... Знал, за что мне это... И решил с оказией вернуть Стефану... Те самые сорок соболей... Поручил их Гаврилке Кочерину... А когда вернулся из Перми... Связку мою мне протягивает... Я вскинулся, мол, зачем не отдал... Он смеётся, говорит, ещё как отдал... Но не соболя, а меха поплоче, подкрашенные... Уловка известная, купецкая... Вот тогда я благовестку на божнице и задёрнул...

Кирилл, приблизив к губам Егупа крест, взял в руки Чашу и просфору.

«...причащается раб Божий Егуп Честного и Святаго Тела и Крове Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа...»

Раненый, готовясь принять Святые Дары, как птенец, широко разинул рот – вино потекло по подбородку.

– ...Во оставление грехов своих, – заспешил Кирилл, убирая ложку, – рот закрываем... и в жизнь вечную. Аминь.

Глава VI Стриги

*Великий Новгород, Софийская сторона, Владычный двор в Кремле,
24 июня 1410 года, после утрени*

В дверь поскрёбся доверенный дьяк, епископ кивнул, чтобы приблизился.

– Затруднение, владыко, пришёл старший сын Егупа, просит тебя отпеть отца в церкви Предтечи на Опоках.

– Передай ему моё благословение, – громко ответил Иоанн. – Что-нибудь ещё?

Дьяк благоговейно приник к уху Иоанна:

– Он спрашивает про имущество отцово, что в церкви хранилось...

– Покажи ненароком и издалека: мол, всё на месте. – Архиепископ понизил голос: – Но про Антониев монастырь – ни гу-гу!

Дьяк исчез. Иоанн, оглаживая бороду, предался размышлениям. («Зря поручил чужаку! Не уговорил Егупа. Ну, пусть и сам в должниках ходит. Тиунов, видишь ли, ищет, что не дали Стефану из Москвы в Пермь вернуться. А того не спрашивает, собирался ли он возвращаться?»)

*Личные хроники
архиепископа новгородского Иоанна
о событиях с 4 по 21 августа 1386 года*

На владычем дворе от дальней стены тянулся столб чёрного дыма. Вокруг костра сновали монахи: двое швыряли в огонь книги, остальные ворошили угли. Толстые пергаменные листы горели плохо. Пламя выедало их красно-чёрными плямами, но и сквозь них проступали обжигающие слова.

...попы и епископы не по Евангелию... сии учителя пьяницы суть... взимают злато и серебро... и порты от живых и мертвых...

В покоях владыки сидел иерей Роман, настоятель новопоставленного храма Власия на месте языческого святилища Волоса-Велеса, – взъерошенный, как воробей после купания в луже. «Ты чего здесь?» – «А, – взмахнул костлявой рукой, – отлучить хотят». – «Что ты натворил?»

Роман вздохнул: «Да, во время литургии запустил в ухожан своих кадилом...» – «В кого-кого?» – «Да я прихожан так зову. Приходят лишь бы на себя наябедничать». – «В чём

ты упрекаешь своих ухо... – прилипчивое словцо чуть не слетело с языка, – ...прихожан? В желании перечислить свои прегрешения, раскаяться в них, удостоиться прощения и получить доступ к причастию?»

Иерей посмотрел в угол: «Да брось, ты вопросник видел, по которому мы исповедовать должны? Человек ко мне приходит от греха очиститься, а я ему душу пачкаю». – «Это ты про соблюдение десяти заповедей так излагаешь?» – «Не про заповеди я, а про наводящие вопросы. О воровстве, о клятвопреступлении, об обращении к волхвам, о неуплате долгов. Передо мной нецелованная девица стоит, а я её спросить должен, не губила ли она младенцев в своей утробе, не сотворяла ли блуда с отцом, братом или скотом? Сам я кто после этого?..»

Будучи не в силах слушать дальше, я поманил его к окну и перешёл на шёпот: «Видишь этот костёр? Монахи жгут на нём книги стригольников. В них – слово в слово то, что ты мне сейчас сказал...»

Двери отворились: рука об руку с нашим владыкой Стефан – не игумен, но епископ Пермский (то нам было известно) – в дорожной рясе и ратных сапогах, в руках знакомый посох. Белый клобук Алексия возвышался над его непокрытой головой. «Иоанн, дай владыке Пермскому то, что он у тебя спросит, – и, скользнув взглядом по отцу Роману, усмехнулся: – Размирье сегодня у нас, прощаю и тебя, но в последний раз. Аминь». Степенно кивнув, вышел. «Книжки, грамоты с поучением стригольников есть?» – заставил меня вздрогнуть голос Стефана. «Всё собрали и сожгли», – истово ответил я. – «А зря!»

*Великий Новгород, святилище Волоса-Велеса,
в год 6918 месяца червеня в 24-й день, первый час*

Еле приметная тропинка, петляя, скрывалась в зарослях. Кирилл нырнул вглубь... Поляну со всех сторон теснила буйно разросшаяся зелень, среди которой примостилась церквушка. У открытых нараспашку дверей грелся на камне священник, худобу которого подчёркивала небрежно расстёгнутая на груди застиранная серая ряса.

– Зачем так ломиться? Обходной путь для сведущих есть.

– Так я, отче, как раз из тех, что ничего не ведает...

Кирилл шагнул в прохладный полумрак и оказался среди голых бревенчатых стен. Лишь в глубине алтаря выделялся красочный прямоугольник, очерченный алой лентой: Иоанн Златоуст и Василий Великий в облачениях диаконов держали в руках по свитку («Литургии для оглашенных и для верных», – догадался Кирилл). Святители были нарисованы перед столом, на котором стоял только потир. Точно такая же чаша находилась и на жертвеннике в самом алтаре.

– И ни намёка на покаяние? – спросил Кирилл. Он и не оборачиваясь чувствовал, что священник стоит в дверях. – Только готовность к принятию святых даров?

– Примерно так же сказал и Стефан...

*Мерило Праведное
в воспоминании настоятеля храма Власия
иерея Романа о годе 6894 месяце жнивене 14 дня*

Я служил в храме Власия, как на льдине, которую влечёт по Волхову мимо стоящего на берегу люда. В больших храмах прихожане стояли в очереди на исповедь с причастием. А ко мне если и заходили, то свечку поставить во здравие или за упокой. Между тем после

заката я нередко слышал потаённые голоса и вкрадчивые шаги, словно святилище пробуждалось от дневной дрёмы...

«Мать сыра земля, укрой от Огня и от Пламя...» Сухая ветка под моей ногой треснула, и я остановился. Скрипучий голос (я бы не взялся определить, женским он был или мужским) продолжал, убыстряясь: «...от Знобицы и от Трясовицы, от Стриги...» Голос после недолгого раздумья устало заключил: «...и от всех недугов».

Я повернулся, чтобы затвориться в малом приделе церкви, где жил в одиночестве (жёнка уже давно съехала от меня к родителям), но дорогу мне преградил незнакомец.

Было уже достаточно темно, в глаза бросился лишь рваный шрам, занимавший всю правую половину лица. «Мне тут не место, – ответил я как можно спокойнее, – вернусь к себе. Я настоятель храма Власия, он здесь, в тридцати шагах». – «И ты пойдёшь только туда?» – прежде чем произнести коротенькое «Да!», я успел подумать о многом, в том числе и о том, как новгородцы топили стригольников и жгли вещей жёнок. Незнакомец отступил.

На утренней литургии я вдруг заметил, что прихожан стало втрое больше. Закончив служить, сошёл с Престола, чтобы выслушать исповедальников. Как и в прошлые дни, четыре старицы исправно доложили мне обо всех своих прегрешениях за минувший многотрудный день.

Закончив, вернулся в алтарь. В больших церквях открываются Царские врата, диакон выносит Святую чашу и передаёт её священнику. У нас же я один. Поэтому, причастившись, взял чашу и провозгласил: «Со страхом Божиим и верой приступите!»

Причастницы сложили руки крестом. Я называл каждую из них по имени, подавая частицу Тела Христова, напоённую Его кровью. Вся четвёрка, как мыши в норку, метнулась к столику с просфорками.

Я уж собрался произнести заамвонную молитву, как вдруг все, кто был в храме, встали в очередь. Я растерялся... Они не исповедовались, а значит, и не допущены к причастию. Но в кои-то веки ко мне в храм пришёл кто-то, кроме четырёх божих одуванчиков... Я причастил всех, не слушая шипение стариц. (Подкрепившись просфорками, мои ухажанки отравились жаловаться владыке.)

Однажды, месяц спустя, я спустился с амвона погасить свечи. Это делали старицы, но не тогда, когда сюда являлись те, кого они называли стригами. А они как раз молча стояли тут: «Готов принять исповедь, отец Роман?»

И вот теперь, опёршись на рукоять посоха, Стефан смотрел на меня с неспешной внимательностью: «Если бы люди не видели, что чисто житьё стригольников, никто бы не веровал ереси их. Думаешь, не понимаю, что тебе стригольников жаль? Скажи, если я ошибся!» Я покачал головой: «Нет, владыко, не ошибся. Мыслимо ли всех несогласных – в Волхов?» Стефан усмехнулся: «Зачем же столь дерзко пренебрегать чужой жизнью? Я вот среди заблудшего народа живу. Пермь большая, а новокрещённых людей мало, зато неверных и недовольных множество». – «А как же тогда, – припомнил я строки из Евангелия, которые прочли над стригольниками, сбрасывая с моста, – «кто соблазнит... тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его?» – «Но есть и другие строки: «Вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпимы ко всем». В Священном писании каждый находит то, что ищет, – и вдруг спросил: «А почему ты в храме Власия служишь? Туда бы постарше да поискуснее...» – «Да он единственный был, куда для поставления настоятелем мзды не требовалось...» – сказал – и прикусил язык, увидев, как почернел лицом Стефан.

*Великий Новгород, святилище Волоса-Велеса,
в год 6918 месяца червеня в 24-й день, шестой час*

Каменотёс размеренно ударял молотом по зубилу. Кириллу бросились в глаза седые волосы, схваченные суровой ниткой, и рваный шрам, пересёкший высокий лоб и впалую щёку.

– Вот, Ставр, это Кирилл, – без обиняков приступил отец Роман, – расскажи ему, как я к тебе вот так же Стефана привёл.

– Мг, сейчас всё брошу.

– Давай подсоблю, – засопел Кирилл, косолапо подбираясь к каменотёсу.

– А мне не в тягость, но если приспичило – вгоняй клинья. – Мастер ткнул пальцем в первую выбитую на боку камня канавку.

Кирилл взял разбухшее от воды поленце и принялся лупить по нему деревянным молотком...

– Эй, – остановил его наконец Ставр, – у твоего полена уже как у гвоздя шляпка. Обрежь лишнее и глянь: если свободное место есть – вгоняй лучины помельче. Вымоченные клинья дождутся мороза. Он их закалит крепче булата, и они разорвут гранит. Тогда откроется глазу узор, какой ни один изограф не создаст. Природа обо всём сама позаботилась – и о рисунке, и о шлифовке. Наше дело – лишь увидеть...

*Мерило Праведное
в воспоминании стригольника Ставра
о годе 6894 месяце жнивене 14 дня*

Тарасик лежал на воде, вытянувшись в струнку. Я как был сиганул с мостков и потащил его к берегу. «Никогда так больше не делай! Ты понял меня?» Подул ветер – Тарасик поёжился и покрылся гусиной кожей. «Да, понял, дядя Ставр. А почему?» Не скажешь же мальцу, что я просто не выношу, если вдруг кто-то плывёт на спине. Самому же, если даже случается во сне на спину перевернуться, то тут же пробуждаюсь, как если бы меня ударили по лицу багром.

Он был чёрный, с заострённым проржавленным крюком. Парень, стоявший в лодке, до ужаса боялся утопленников. Сидевший на руле стражник злился: «Смотри, зараза, стригольник сейчас вывернется. Цепляй глубже!» Парень вскидывал багор и зажмурился. А я, затаив дыхание, качался на воде и ждал, когда ржавый крюк снова в меня вопьётся. Но он плюхнулся в воду. В лодке, хрипло ругаясь, ударили по вёслам и направились к берегу за новым багром. А я плыл под водой, пока не почувствовал, как сотни игл грозят разорвать моё нутро в клочки.

«Ты встань, восстань, красная девушка, возьми иглу линевою, зашей рану кровавую...» Сначала я подумал, что в моё лицо снова впился крюк, но со второго раза понял – нет, это иголка, которой сшивают моё лицо.

Аминь. Остриё кольнуло в висок.

Аминь. Суровая нитка стягивала кожу на лбу.

Аминь. Игла с натугой вылезала наружу, дырявя щеку, и я снова впал в забытьё.

Выздоровление шло тягуче медленно, но однажды я обнаружил у изголовья гостиницы. Это была книга, только без обложки, она была срезана, а корешок – должно быть, для

прочности – оставлен. Буквы сливались и походили на кромку зубчатого леса.

...Недостойны суть пресвитеры, по мзде поставляемы, недостойно от них причащаться, ни каятися, ни крещения от них приемати...

В ужасе я захлопнул книгу. Учение стригольников – тех самых, с которыми я был отправлен на дно! И всё же я осмелился...

Однажды Степанида протянула мне новую холщовую рубашку: «Сегодня ты, Ставр, становишься учителем и проповедником». – «О чём ты?!» – «Одевайся скорее, люди заждались», – старица махнула рукой в сторону суходола.

Десятки пар устремлённых на меня глаз... Я обвёл взглядом собравшихся. Все ждали. «Да, – сказал я, – если согрешил душой и телом, земле-матери следует кланяться. Она честнее тех, кто на словах чтит Святое Писание, а на деле торгует непродаваемой благодатью Всесвятого Духа».

Книга словно проросла во мне, и я заменил погибших учителей – Микиту и Карпа, не успев ни с одним из них перемолвиться и парой слов. Меня бросили к ним в поруб на расвете, накануне казни. Соседка, дочку которой я поджидал, застала меня ночью на своём хлебном поле. Увидев в моих руках колосья, решила, что я стригами вызываю на посевы ливень. Возможно, я бы и смог её переубедить, но тут хлынул дождь...

Валуны не казались мне больше мёртвым куском гранита, а учение стригольников из смертельно опасного превращалось в жизненно необходимое.

Единственное, что не давало примириться окончательно с новой моей сущностью, – храм, поставленный на святилище. Сначала я наблюдал издали за появившимся там молодым священником; затем – за утреней и вечерей, которые он служил для нескольких старушек, а иногда и в полном одиночестве... Отец Роман стал первым, кто выслушал мою исповедь. Но был в моей жизни ещё один исповедник...

Я трудился над гранитной глыбой, когда отец Роман привёл его. «Вот, Ставр, это отец Стефан, поговори с ним, как со мной», – и ушёл. Он казался чуть постарше Романа и чуть пошире в плечах. В запялённой рясе, ношенных сапогах, но с посохом («Значит, один из иерархов, по меньшей мере настоятель монастыря?»), хотя и без клобука.

Стефан рассматривал расколотый надвое валун. «Как это понимать, – наконец сказал он, – это ведь две половины одного и того же камня? Но в таком случае узоры на двух половинах должны отвечать друг другу, являя одно целое, а я этого не вижу. Почему?» – «Всё дело в способе раскола. При этом каждая из частей обретает свою собственную цельность и неповторимость». – «А если их сложить, они обретут новую сущность?» Я отрицательно покачал головой: «Раскол несовместим». – «Ты ведь сейчас сказал не только о камнях?» – грустно улыбнулся Стефан. «А ты разве о них спрашиваешь?»

В глубине души я ругал себя за то, что доверился отцу Роману. Похоже, эти мысли без особого труда можно было прочесть на моём лице, потому что Стефан сказал: «Ты считаешь отца Романа корыстным мздоимцем, торгующим исповеданными ему тайнами?» – «До сего дня я считал иначе, но он привёл тебя, лишнего здесь человека. И что я должен теперь думать?» – «Люди по большей части то, что мы о них мним». – «Выходит, если я скажу себе «Нет продажных!», их действительно не станет?»

«Нет, конечно. Но если ставленую пошлину каждый поп и епископ платит, то, значит, на всей земле уже нет ни одного истинного священника? Сильно отец Роман разжился?» – «Ну, отец Роман! К нему одни нищие за утешением собираются. Рад, что за кончик языка поймал?» – «Скорее скорблю». – «А кто ты сам есть?» – «Я в Пермской земле епископ...» Епископ?! Я подумал, что ослышался. Новгородского владыку я видел лишь однажды – белый клобук в окружении чёрных клобуков и золотых риз, – когда нас вели мимо, чтобы сбросить в Волхов.

Стефан, подняв с земли зубило: «Любой камень разгрызёт?» – «Если наискосок, с оттяжкой, то да». Стефан погладил гранитный срез: «Скажи, а ты бы не мог мне зубило подарить, а я тебе иконку?» – «Просто так бери, мне икона не нужна. Ты этих ангелов, как и я, не видел, значит, это человеческие измышления, а не учение книжное Его».

«Занятный ты человек, Ставр, – усмехнулся Стефан, не выпуская из рук зубила. – С одной стороны, считаешь, что учителем может быть каждый. С другой – готов с пренебрежением заградить уста тому, кто думает не так, как ты. Позволишь договорить?» Я кивнул. «У каждого учителя есть свой учитель. Твои наставники списали писание книжное на помощь себе, потому что иначе люди не веровали бы ереси их и не посмели бы посягнуть на священнодействие проповеди. Сам посуди: что праведного в том, чтобы мужики озорные на клиросе пели да паремью и апостола на амвоне чтители, ещё и в алтарь ходили?»

Передо мной снова был чёрный Волхов: «А почему попы и епископы должны стоять между Богом и этими озорными мужиками? Отпускать грехи может только Бог. Он и без попа услышит покаянные слова, идущие из глубины молящегося сердца». – «Ты многое претерпел, Ставр, и тобой завладел скорбный гнев. Но злопамятство малодушно. Если ты Божией благодатью оставлен невредимым, то разве для того, чтобы впал в заблуждение? Что общего у света со тьмой?»

Я избегал на него смотреть: «Это только слова!» – «Я, как и ты, черпаю их из Ветхого и Нового Заветов. Дай мне прочесть учение стригольников. Я положу его на одну чашу весов, а Святое Писание – на другую». – «Если это правдивые весы, то ни одна из чаш не перевесит». – «Пусть это будет Мерило Праведное. И если ты убеждён, что твоя вера истинная, ты не побоишься мне дать своё учение».

Я отдал Стефану список. «Как я узнаю, к чему ты пришёл? По новому костру на соборной площади?» – «Меня не опасайся. Ты Его, собирающего плевела среди пшеницы, бойся».

*Великий Новгород, святилище Волоса-Велеса,
в год 6918 месяца червеня в 24-й день, вечеря*

Гранитные осколки брызнули из-под зубила. Они здорово походили друг на друга: рассечённый надвое бело-серый валун и седой камнетёс со шрамом.

– Тебе, Кирилл, надеюсь, зубило дарить не придётся?

– Мне? Нет... Только вот... Можно я камень на память возьму?

– Бери любой, только назад мне его не возвращай, будь добр.

– А Стефан вернул?

– По весне один ушкуйник привёз из Перми поминок: каменную иконку вместе с «Мерилом Праведным».

– Ушкуйник небось Власий? – Ставр кивнул. – «Мерило» действительно было весами или всё же отповедью? Не дашь прочесть?

– Оно не к тебе, а к стригольникам обращено.

– Прости, – ссутулился Кирилл. – Я по следу Стефана странствую, будто вспять по реке времени. И, знаешь, каждый раз такое чувство, что вот-вот догоню и пойму. Добираюсь и вижу, что за этой излучиной – другая, и ещё, ещё...

– И нет берега, к которому можно пристать...

– У тебя тоже? – Кирилл взвесил на ладони гранитный осколок. – Скажи, а зачем Стефан зубило попросил?

– Да, я его тоже об этом спросил. «С зубилом, – говорит, – идолов пермских сокрушать

легче. Теперь, когда знаешь, отдать назад?»

– Ты забрал?

Отрицательно покачав головой, камнетёс зашагал к суходолу. Ставр остановился у плоского камня.

– Греха не побоишься? Стоит к этому камню прикоснуться, и он принесёт благодать.

– А Стефана ты к нему приводил? – Кирилл вытер потный лоб.

– С моим-то зубилом? – усмехнулся одной стороной лица.

– В церковь зайдём? – Кирилл снова перевёл взгляд на белый камень, подёрнутый изумрудными прожилками мха.

– А почему нет, я же наполовину христианин. Так дотронешься?

– А наполовину язычник, потому что идолам поклоняешься?

– Нет, – погладил изуродованную половину лица Ставр, – потому что не захотел подставить вторую щёку.

Кирилл положил на белый валун ладонь, чувствуя холодок не то из камня, не то из глубин самого себя. Отдёрнул руку и ускорил шаг...

Глава VII Боевая башня

*Великий Новгород, Торговая сторона,
немецкий двор Святого Петра,
25 июня 1410 года, шестой час*

Напротив торгового дома был питейный, где обмывали успешные сделки и заливали горе при неудачных. Хмель развязывал языки, но спутывал ноги – засиживались за полночь. В эту пору и подсел за столик к Острогу и Кочерину широкоплечий незнакомец с такими светлыми глазами, что они казались прозрачными.

– Йохан Клай, купец, – объявил он о себе на ломаном русском.

– Не может того быть, – трезво рассудил хмельной Власий, – купцы ни с Готского двора, ни с немецкого поодиночке не ходят в ночи.

– А я ломбардский купец, Ливонский ордер мне не указ.

– Врёшь, – откликнулся Иван, – сам по себе никто не бывает.

– Из-за Наровы я, плачу вперёд!..

...Перенеся сделку на завтра, Ганс Вреде направился к теплу очага в Birchalle. Хозяин поставил перед ним две пенистые кружки, не зажигая светильника (герр любил полумрак). Он не сразу поднял голову, когда к нему подсел бритоголовый моряк с будто просоленной бородой.

– Острог завтра обоз приводит, – сообщил Вреде, осторожно сдувая пену, – а товар у него по-прежнему из Биармии.

– Отнять? Или не дать уйти с выручкой?

– В Новгороде?! Grosser Got, ты моряк, Отто! Он продаст товар, пропьёт деньги и опять уйдёт в Биармию за добычей. Наймись на этот ушкуй! Сделаешь как надо – на будущее лето поведёшь туда корабли Ганзы. Великий магистр услуг не забывает.

*Великий Новгород, Торговая сторона,
25 июня 1410 года, девятый час*

Фрол Труфан взъерошил седой чуб. Ему решительно не нравилось поручение: найти зачинщицу нападения на пошлого купца в Иванов день. Поигрывая саблей (привычка, по которой каждый ратник определял, когда сотник не в духе), Трухан зашагал ко двору Власия. Вся большая семья Острогов вечеряла.

– Здоров, Фрол! Отужинаешь с нами?

– Благодарствую, но недосуг. Выйди, Власий, перемолвиться надо.

Двор четвёртой стороной упирался в Волхов.

– Где Анка? Просто скажи мне и всё. – Власий хмуро хмыкнул. – Ты губы не криви! Её владыка ищет. Сам понимаешь, ты свою семью под удар ставишь. Одурел на старости лет?

– Пойду, пожалуй, а то каша простынет.

*Исповедальная записка
сотника владычьего полка Фрола Труфана
о событиях в июне 1391 года*

На Торговой стороне, выстроившись друг другу в затылок, двигались мелкими шажками люди, время от времени замирая на месте. Дойдя до прилавка, человек протягивал кошелёк. Егуп брезгливо окунал в него указательный палец, чтобы перевернуть содержимое. Пошлѣпав сочными губами, отсыпал в спешно протягиваемый туесок ту меру, которую считал справедливой, и повелительно кивал: следующий.

Но стоявшая перед ним женщина продолжала тянуть к нему наполненный на треть туесок: «Надбавь чуточку, ребят у меня четверо». Житопродавец повелительно дёрнул подбородком: «Проходи!» Из-за чёрных кругов под глазами и ввалившихся щѣк я не сразу узнал в ней Меланью – жену нашего десятника и моего лучшего друга Вышаты, из-за которой мы дрались в кровь до дня их свадьбы. Расстегнув ворот, Меланья сняла с себя ожерелье. Бронзовые бубенчики, нанизанные вперемешку с бусинками, печально звякнули. Их звук я узнал бы из множества других: это ожерелье было моим свадебным подарком...

Лантух опустел. Вытряхивая приставшие ко дну мешка зѣрна, Егуп перестарался, и они полетели во все стороны, как семена. Упав на колени, люди принялись их собирать...

Архиерейский дьяк встретил меня на полпути к владычьим покоям, куда я направлялся с решимостью отчаяния. «Владыка велел привести к нему житопродавца Егупа Мясо».

Позвав с собой второго десятника Вышату и четырёх ратников постарше, я отправился выполнять поручение. На стук в ворота отозвался раскатистый рык, подхваченный лаем всей своры. «Ишь какой зверинец развёл». – Вышата, подняв саблю над головой, сиганул вниз. Раздался визг...

«Что творишь, душегубец?» – Егуп подбежал к собаке, под которой растекалась алая лужа. «Дай добыю, – Вышата поднял саблю, – какой из неё сторож на трёх лапах». Егуп его не слушал: «Гривна моя, бедная!» Я сразу подумал, что купчина убытки оплакивает. Но Егуп, стянув с себя рубаху, рвал её на полосы: «Потерпи, Гривна, я сейчас!» Остальные псы, сочувственно повизгивая, следили за его действиями.

Мы взяли житопродавца в «коробочку»: я спереди, ратники по бокам, а Вышата сзади шёл, пятясь. Чёрная людская воронка поглотила бы. Если бы не подоспевшая стража, которая втолкнула нас за ворота Кремля.

От владыки Егуп вышел едва не танцуя: «Десятник, ты со мной!» Задев, словно невзначай, его плечом, я прошёл во владычьи покои. «Я Егупу поручил снарядить хлебный обоз в Пермь». – «Да мы его едва довели до тебя, думали, народ в клочья разорвёт и нас вместе с ним». Иоанн ударил посохом: «Просветить решил?! У нас, почитай, каждый пошлый купец на крови да на слезах имение приобрёл. Так надобно, чтобы они десятину свою сполна отдавали! Ты же дальше своего носа не видишь, а туда же, владыке указывать!..»

И такая в последних словах была усталая горечь, что я дрогнул. Иоанн махнул рукой: «Ты за полк радеешь, а я – за епархию ответ перед Господом и людьми держу. Вот Киприан заявился, станет требовать суд по старине... А если ещё и Стефан пожалуется на ушкуйников... Дешевле отдать обоз с рожью. Пермь, лишённая подвозов, из года в год терпит нужду в хлебе. Позвав Егупа, я ему велел в Новгороде цену сбавить... Надо, чтобы Стефан уехал от нас беспрепятственно. Но ты должен повести себя так, чтобы владычий полк до нового урожая ни в чём нужды не знал. А как ты это сделаешь – я того знать не желаю!»

Я колебался недолго, решая, кому довериться: конечно же, Вышате. К нему и отправился. Вышата сидел за оструганным добела столом и, неуклюже прижимая к груди, баюкал орущее дитя. «В кормилицы наладился?» – «Меланья слегла. Бабе, когда грудью кормит, есть за двоих надо, а она...»

На печи, ворочаясь, засопела ребятня. «Пойдём на крыльцо, поговорить надо». «Фока!» – позвал Вышата. С печи медленно, как старик, слез старший из сыновей. «Сядь, а то уронишь». Отрок, кивнув, опустился с младенцем на лавку...

«Поутру хлебный обоз в Пермь Стефан уводит. Велено его охранять до границы Новгородской епархии. Там его вроде ростовские встречать должны». – «А владыке до нас совсем дела нет? – На лбу у Вышаты вздулась, пульсируя, синяя жила. – Пермским язычникам с голоду сдохнуть нельзя, а нашему люду – за ради бога, да?!» – «Не блажи! – разозлился я. – Иоанн вместе со всем людом анафему принял. Пермь ушкуйнички сосут, как телята мамку». Сказал – и пожалел. «А знаешь, мой младший уже не сосёт! Ни у мамки соков нет, ни у него, маленького, пустую титьку тянуть сил не осталось!» – «Знаю, потому к тебе и пришёл с предложением взять на душу грех – ограбить Стефана!»

Вышата сел там, где стоял: «Как это я? Я не умею...» – «Вместе придётся учиться, – хотелось сказать играючи, а прозвучало горько. – Ты возьмёшь брата (он тоже служил в полку) и выедешь из Новгорода скрытно ночью. Подстерегать обоз надо за перекрёстком. Нападёте в хвост. Я погоню попридержу. Загодя только выройте схрон, чтобы мешки с зерном свалить. Налегке уйдёте, а потом вернётесь за хлебушком. Конечно, поделиться с полковыми надобно, только не сразу со всеми и не помногу...» Вышата побрёл в сенцы. «Ты куда? Ничего не сказал...» – «А что говорить? Пошёл собираться...»

Я поспешил на Торговую сторону. Дворня Егупа уже на слух распознавала стук рукоятью сабли. Калитка распахнулась. «Где Егуп?» – Дворовые дружно ткнули пальцем в глухую подклеть, возле которой выстроились телеги. По тому, как вздрогнула спина купчины, понял, что я здесь ему ни к чему. «Долго ждать? На рассвете выходим!» – «Уже грузим! Ты ступай в терем, угостись, а мы тут и без тебя справимся». Предложение звучало так заманчиво, но... разило сыростью и гнилью. «Подмешиваешь?» – Я запустил руку в мешок – в горсти оказалось прелое зерно. Испуганно таращился работник, стоявший с лопатой наготове. Егуп зыркнул – тот выскочил как ошпаренный. «Послушай, десятник, я объясню, а потом тебя отблагодарю за то, что выслушал, хорошо? Я не богач, всё что имею, нажил своей мозолей. Смотри!» Он протянул мне шершавые, грубые ладони. «Сколько ты на этом выгадаешь?» – взялся я за саблю. – «Думал, телеги четыре, но и половины не успел...»

Перед моим взором как на карусели пронеслись: истощённая Меланья с туюском, ратники, уносящие в котелках кашу по домам... В общем, все, кроме этого самого Стефана – я и не видел его ни разу, да и любая власть сама о себе позаботится. «Житопродавец горячо зашептал мне на ухо: «Два мешка отборного зерна принесут тебе в дом!» – «Телегу, гружёную доверху! Сейчас же! В полк!» Егуп кинулся исполнять. А мне и стражу отрядить, и Вышату остановить надо. Как успеть? «Коня дай!» Я был у ворот, когда Егуп сорвался на крик: «Становись в цепочку!»

В доме Вышаты детский голос из-за двери сказал: «А батька уехал». – «Давно?» – «А почти сразу, как ты ушёл». – «Брат с ним?» – «Да, вдвоём они». Скакать вдогонку я не мог, перепоручить – тоже...

Обоз из двенадцати укрытых телег выстроился вдоль кремлёвской стены. Я подвёл взмыленное животное к Егупу: «Алтын, бедный мой...» Я притянул житопродавца к себе: «В скольких телегах не успел зерно смешать?» – «Да ты что!...» Не дав договорить, встряхнул. «В четырёх последних – ни зёрнышка...» – «А Стефан где?» – «Велел забрать его в храме Власия».

Выступившие на рассвете, мы въезжали в зарождающийся день. В деревянной церквушке шла служба. Старицы, сидевшие на лавке у стены, шикнули на меня. Десятка три молодых мужиков встревоженно оглянулись. В алтаре претворяли вино и хлеб в Тело и Кровь Христову два батюшки. Иоанн Златоуст и Василий Великий одобрительно взирали на них с иконы. Одного я знал – отец Роман появлялся во владычьих покоях для внушения. Второго видел впервые (подсказкой служил архиерейский посох). Завидев меня, он кивнул: «Вот и раб Божий Фрол привёл хлебный обоз». Фрол? Раб Божий? Я уже столько лет десятник, что ко мне иначе и не обращались...

«Как в древности Иосиф в Египте был раздатчиком пшеницы, напитавшим людей в дни голода, так и Фрол велит сейчас оставить в вашем приходе три мешка с зерном. Пермские христиане, которым предназначен этот обоз, будут счастливы преломить хлеб с вами, православные новгородцы. Помогите отцу Роману разделить по совести, не забыв нищих и немощных, которых, может, нет на службе». Я стал протискиваться к выходу. Но то, что я услышал далее, заставило меня остановиться: «Не забудьте об обездоленных, равно как и о том, что мало только тела кормить, надо ещё и души питать. Ведь не хлебом единым жив будет человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих. Ибо как Исайя сказал: «Слушайте, небеса, и внимай, земля!»

Стоявшие в храме встрепенулись. Стефан, переложив в левую руку посох, продолжил: «Потому, братья, никто да не прельстит вас пустыми словами, лживыми учениями и ересью». По храму гулким эхом прокатился вздох. «Но если кто впадёт в какое прегрешение, вы, духовные, исправляйте такового в духе кротости... Носите бремена друг друга и

таким образом исполните закон Христов!» И он шагнул из алтаря к людям. Они расступились. Стефан неспешно шёл, благословляя налево и направо, пока не поравнялся со мной: «Идём отдавать обещанное...»

Повиниться Стефану? Так, мол, и так, я – раб Божий Фрол, удумал тебя ограбить, а сейчас передумал?

На перекрёстке вопреки уговору никого не было. Помчался в конец обоза и увидел Вышату. Он с саблей наголо прикрывал старшего брата Стёпу, разворачивавшего за оглоблю лошадь, впряжённую в последнюю телегу. «Все назад! Не трогать!» Меня никто не слышал. И самый первый – Вышата. Перед ним оказался Стефан. Ратники застыли – так недолго задеть и епископа. А тот твёрдой рукой удерживал коня, не давая противоборствующим сойтись вплотную. Я вломился между Стефаном и своим лучшим другом.

Над моей головой блеснула сабля, я выхватил свою и опередил Вышату на чуть-чуть... Пришёл в себя уже тогда, когда стоял на коленях и держал голову друга, а тот смотрел на меня удивлённо. Вдруг его серые глаза поглубели, и небо в них остановилось.

*Великий Новгород,
Торговая сторона,
26 июня 1410 года, первый час*

Подслушанная у ганзейских моряков песня – «Мы пьём за море, поём о море...» – настолько нравилась Власию, что он, понявший из неё только эти слова, напевал их, поднимаясь на ушкуй, на носу которого он хотел смастерить что-то вроде того, что видел у мачт ганзейских судов...

– Guten Tag, Herr Seemann!

Перед кормчим стоял немец – один из тех, кто приплывает с одним генуэзским кораблём, а уплывает с другим, на котором больше платят.

– Du bist starksten Seemann. Ты есть сильный моряк. Хочу к тебе наняться. Но ты мне не будешь платить. Nein-nein, я заплачу тебе как за десять хороших моряков.

– Дорогу узнать хочешь? Так тебе это ничего не даст!

– Я не умею уговаривать Golden Frau¹, но я умею строить такой Kartenhaus². Bitte! Пожалуйста! – И он аккуратно положил на доски, сваленные на носу, тяжёлый кошель...

*Великий Новгород, Софийская сторона,
Владычный двор в Кремле,
в год 6918 месяца червеня в 26-й день, третий час*

Архиепископ отвёл взгляд от седого чуба сотника, напомнивший о том, что борода самого владыки вот-вот сольётся с белым клобуком.

– Егуп на том свете, а Анка на воле? Ты уже второй раз покрываешь зачинщиков смуты. Я Вышату тебе ещё не забыл! Думаешь, не знаю, что ты его вдову обхаживаешь? Несговорчивая баба, но хитрая, чертовка старая: за твой кошт детей на ноги поставила. – В глазах Иоанна вдруг промелькнула догадка: – Послушай, сотник, а ты её случайно на молодую не променял? Не поэтому ли прячешь?

1. Здесь: Золотая баба (нем.).

2. Карточный домик (нем.).

Фрол стиснул саблю:

– Нет, не променял я ни на кого Меланью. А в остальном ты прав: я по ней с молодых лет сохну, хоть и не прикоснулся ни разу. А тебе завидно, я вижу. Ты сам-то кого-нибудь кроме Бога и резов в жизни любил? Молчишь... Ну и Господь с тобой, не отвечай. Ты мне больше не владыка, а я тебе не сотник!

*Новгородская земля, Новгород Великий,
Торговая сторона, Загородский конец,
в год 6918 месяца червеня в 26-й день, шестой час*

Кириллу привиделся сон, будто бы он дремлет на лавке и из-под полузакрытых век подсматривает за тем, как рукодельничает в бабьем углу хозяйка. Не Глафира, не Марпа, а просто жёнка. Это был цветной неспешный сон, в котором проворные пальцы берут один лоскуток и стежок за стежком пришивают его к другому. В прошлой жизни у него было такое. И даже став трудником, он, жалея себя, укрывался им с головой. Но одеяло сгорело в лесной пустыни. И теперь он смотрел, как створяется новое одеяло и сетовал: «Мало ещё сшито, нескоро можно будет укрыться...»

«Орша» – был первый из лоскутков. Здесь началась охота на Епифания. Здесь погиб игумен Антоний. Кирилл обозначил крестиком первую смерть. «Волга» – сюда они бежали под защиту Параскевы. Сюда пришло известие о гибели Антония.

«Ростов» – здесь они с Епифанием навлекли пожар на книгохранилище Григорьевского затвора и смерть хранителя Алферия. Здесь пропал Пашутка. Кирилл мысленно нарисовал ещё один крест. Здесь исчезло кресало, которое показывал он накануне. Здесь Зосима указал имя убийцы – Сатана – и исчез. Здесь Кирилл принял два послушания: одно – от Епифания, другое – от игумена затвора.

«Киев» – тут он получил от Григория Цамвлака, племянника Киприана, свиток с зашифрованными посланиями. Здесь среди вещей Макария, зазвавшего его на постой, увидел кресало Пашутки. «Кременец» – этому лоскуту самое место между Киевом и Вильней. Здесь, в темнице, он услышал от князя Свидригайла об епископе Леонарде, восторгавшемся сокровищами Vjarmaland.

«Вильня» – здесь епископ Леонард навёл на новый след, указав на еретиков и алчных церковников, и назвал главного заговорщика – всё того же Сатану. И снова «Киев». Здесь Кирилл упустил Сатану (Макарий?), зато узнал, что тот направился в Новгород. А ещё «Смоленск», который можно было бы отнести к числу случайных, но здесь он узнал о сговоре Василия и Киприана с Витовтом. И вот теперь «Господине Великий Новгород». Лоскут правды, причём явно не из последних...

*Великий Новгород, Антониев монастырь,
27 июня 1410 года, полунощница*

Монастырская стена подпирала ночной свод неба. Сюда, в Антониев монастырь, за долгие годы службы Фрол привёл в потёмках не один десяток обозов. А чему удивляться, если Господин Великий Новгород стоит на богатстве как на краеугольном камне, от имени веча правят им триста «золотых поясов», первый из которых – владыка?

– А ты один? Без обоза? – Бдевший на воротах удивился.

– Надобно взять из Егупова имущества вещицу, она пустяшная, только для следственного дела и представляет ценность.

Фрол задумчиво оглядел знакомые стены. Пожалуй, больше он их не увидит. Прислушался к себе и обнаружил, что не испытывает сожаления оттого, что прежнюю дорогу словно размыл внезапно хлынувший ливень.

С железных балок стягами свисали ковры, одежды, ткани. Мрак скрывал ряды сундуков, выстроившихся вдоль стен. Повозившись с ключами, инок откинул выпуклую крышку. Фрол почувствовал себя внутри хоровода девиц, невест, мужних жён, вдовиц и стариц, лишившихся нехитрых безделушек, скрашивавших их жизнь. Сколько из них были отданы Егупу или кому-то такому же в обмен на кусок хлеба? Знакомые бусинки тоже были среди множества других – похожих, но не тех. Взял – колокольчики отозвались тихим перезвоном.

– И впрямь ничего особенного. – Монах захлопнул ларь.

...Пробуя голос, запели первые петухи. Фролу казалось, что только-только пришёл к дому Меланьи, а уже утро. Он встрепенулся, увидев её на крыльце. Она, прихватив коромысло с ведрами, направилась к колодцу. Сотник обрадовался: ему не хотелось разговаривать в доме, где их могли слышать дети (младший Тимка был вылитый Вышата).

– Вот... – протянул он ожерелье.

– Откуда? – подняла она изогнутую бровь.

– Неважно. – Он увидел белую паутину в её чёрных волосах.

– И вправду. – Закинув голые по локоть руки назад, она застегнула ожерелье.

– Ты простишь мне когда-нибудь то, что я пролил кровь Вышаты?

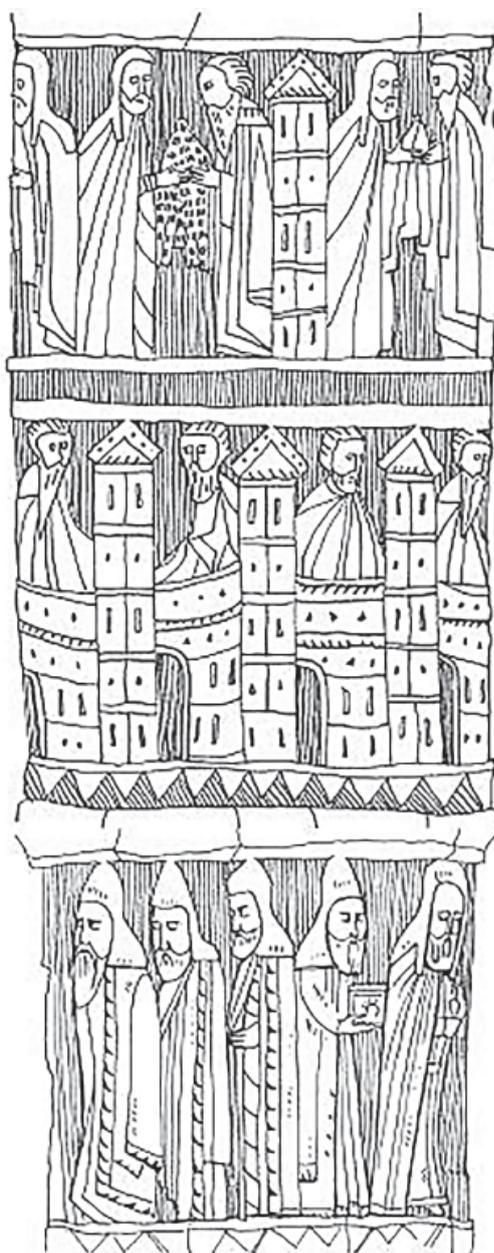
– Знаешь, я ведь девчонкой любила тебя, а вышла за него. Рядом с тобой у меня обмирало сердце, а около него было спокойно и тепло. Мы так и детей нажили – в тихой нежности. А когда я тебя где-нибудь встречала, у меня сердце вновь ёкало, и я бежала спасаться к Вышате. Он меня тогда заслонял от тебя, а уж теперь и говорить нечего...

– Я так и думал. Это прощальный подарок, ухожу из Новгорода.

Кошель с гривнами упал на дно ведра, Фрол размашисто зашагал прочь. Меланья, выронив коромысло, смотрела вслед...

*Новгород, Торговая сторона, Загородский конец,
25 июня 1410 года, утренняя*

На дворе Ивана Кочерина приготовления шли полным ходом. Для Кирилла же предстоящая дорога была очередным лоскутом в его одеяле правды. Кирилл взял новую заготовку и прошёлся по ней втиральником. Ушкуйники, язычники, стригольники, пошлые купцы, владычи служивые люди, иноземные гости – все они сейчас сошлись в воображении Кирилла. Внутренним зрением Кирилл выделил три события, которым явно место на посохе. Остальное – потом, возможно, после Перми.

Штрихами наметил первый рисунок: светское лицо передаёт духовному связку соборей. меховыми сороками отсчитывают дань в московскую казну, их же отправляют в подарок иноземным послам и их государям, они же служат пособием на ведение войн, их же отнимают в качестве добычи, ими же расплачиваются за хлеб и за долги. Значит, должен быть город с крепостной стеной и боевыми башнями.

Вырезая мирянина и монаха, Кирилл не стремился передать сходство, а всё же, когда закончил, подумал про себя, что что-то в первой фигурке есть от Егуа. Ну что ж, даже если и похож, то это не оскорбит правду.

Линия за линией – вот и еретик («Почему он так смахивает на отца Романа?»), ещё один («Если он будет похож на Ставра, то это будет справедливо...») и, наверное, язычник пермянин («Если бы их было мало, то не было бы столь велико подвижничество Стефана...»).

А теперь спор о вере... Супротив сплочённой толпы должно поставить Стефана? («Один против всех. Но это не обычное противостояние, хотя разве не Стефан сокрушал идолов? И всё же это совсем не то, что топить противников в водах Волхова...») Потому стригольники и отдали ему свой закон...

Обрадовались ли они его смерти? Вряд ли. А пермские язычники? Этого он пока не знает, но зато не сомневается в другом. И он изобразил веселие в городе, приметями которого стали стена с двумя ярусами бойниц и башней, по обеим сторонам которой въезды, привычно ждущие пополнения казны. Возможно, именно из такой крепости вышла рать, погружившаяся на ладьи для того, чтобы плыть за добычей в северный край, который для ушкуйников – Великая Пермь, а для ганзейских купцов – Биармия.

Продолжение следует...

Борис
МОРОЗОВ

Борис Николаевич Морозов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Археографической комиссии, работает в Институте славяноведения с 1984 года. Родился 9 сентября 1952 года в Москве. В 1975 году окончил МГИИ, в 1984 году защитил в Институте истории СССР кандидатскую диссертацию «Частные архивы XVII века». Историк, археограф, источниковед. Специалист по отечественной истории XVI–XVII вв., истории древнерусских частных архивов и библиотек, истории российского дворянства, генеалогии. Член-корреспондент Международной генеалогической академии. Член правления Историкородословного общества в Москве. Преподаёт в РГУ (Российском государственном университете).

О цифровой системе Стефана Пермского (XIV век)

Создатель пермской азбуки епископ Стефан Пермский (около 1340–1396 годов) с целью приобщения к православию коми-зырян перевёл (со славянского и, возможно, с греческого) на их язык основные богослужебные книги, в том числе, вероятно, Часослов, Псалтырь и Служебник. Ни одной из этих книг не сохранилось. Древнейшими считаются записи духовного содержания, написанные созданными им пермскими буквами на иконах: Святая Троица (сохранилась) и Сошествие Святого Духа (утрачена). Записи пермскими буквами, имеющиеся в славяно-русских рукописях, относятся к XV – началу XVI века, то есть написаны через столетие после кончины Пермского просветителя.

Априори можно предположить, что св. Стефан Пермский должен был использовать какую-то цифровую систему для выражения чисел в своих переводах богослужебных книг. История письма говорит о следующих возможностях: использовании Стефаном готовой нумерации, как это произошло в кириллице, где стала применяться преобразованная византийская цифровая система; созданию Стефаном оригинальной нумерации на базе пермского алфавита, как это было сделано свв. равноапостольными Кириллом и Мефодием для другого вида славянского письма – глаголицы.

Первым по времени источником настоящего исследования является пермская запись на иконе «Троица», по преданию внесённой Стефаном в церковь села Вожем в 1395–1396 годах на пути в Москву при его последнем посещении столицы. Икона хранится в Вологодском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике (инвентарный № 2780/6466 Д).

Известный историк древнерусской живописи Г. И. Вздорнов поддерживает датировку иконы концом XIV века. Он отмечает большую историческую ценность «Троицы», а не только имеющихся на ней пермских записей: «Собственно надписи и привлекали главное внимание учёных, обращавшихся к изучению иконы. Между тем она не менее интересна как произведение искусства, причём относящееся к эпохе, от которой до нас дошло мало памятников».

Записи на иконе «Троица» имеют библейское содержание. Только здесь из числа всех обнаруженных древнепермских духовных текстов используется пермская цифра. В тексте одна и та же пермская цифра 3 встречается дважды: в словах о явлении Господа Аврааму с *тремя* мужами и в обращении Авраама к Сарре об испечении пресного хлеба из *трёх* мер муки. В обоих случаях «три» передаётся третьим пермским знаком «гай» = 3 под титлом в виде горизонтальной чёрточки.

Несмотря на краткость цифровой информации, пермский текст на иконе «Троица» открывает использование пермских цифр непосредственно в записи духовного содержания на древнепермском языке. С учётом истории иконы «Троица», связывающей её напрямую со Стефаном Пермским, можно представить, что включение в библейский текст пермской цифры 3, а не слова «три» отражает стремление Пермского просветителя использовать возможности нового пермского письма как комплексной буквенно-цифровой системы.

Следует отметить, что, хотя в книге В. И. Лыткина «Древнепермский язык» (М., 1952) дана публикация пермской цифры 3 в контексте истории записи на иконе «Троица», ни одного слова о существовании пермских цифр в работе нет.

Массовым источником о пермских цифрах служат сделанные пермскими знаками числовые пометы, выявленные на листах тетрадей некоторых славяно-русских рукописных книг, переписанных в Коми крае начала XVI века. Назначение помет заключается в счёте тетрадей, из которых сшивались рукописные книги. Стандартный лист бумаги перегибался пополам, затем в четыре раза, далее – в 8, 16 раз или даже в 32 раза. Отсюда появились характеристики, выразившие размер книги: «в лист» (в большой или «александрыйский» лист), «в пол-листа» (зачастую также назывались «в лист»), «в четверть», «в осьмушку», «в 16 долю», «в 32 долю» (1°, 2°, 4°, 8°, 16°, 32°). Древнерусские книги первоначально имели только тетрадный счёт, а листовая нумерация (постраничная нумерация обычно не применялась) появилась в них преимущественно в XVII веке, а затем в XIX–XX веках благодаря труду библиотекарей и архивистов. Тетрадная нумерация сохранилась не во всех средневековых рукописях. Во-первых, она не всегда проставлялась. Во-вторых, её могли обрезать при заменах переплётных и реставрациях книги.

Данные о соответствующих пометах появились в печати в связи с изданием Мазуринской кормчей, подготовленном Е. В. Беляковой, К. Илиевской, О. А. Князевской, Е. И. Соколовой, И. П. Старостиной и Я. Н. Щаповым.

Тетрадные пометы здесь ставятся на нижнем поле листа справа, иногда ещё и сверху, что оговаривалось выше. Всего в тетрадных пометах (числах) рукописи Увар. 81-4° использована 81 пермская цифра. Следует отметить ещё одну (кроме титл) характерную особенность записи чисел пермскими цифрами: как и кириллические числа, они выделяются точками по краям, но непоследовательно – не всегда, редко двумя, а в основном одной, после числа.

Тетрадные пометы пермскими цифрами недавно были обнаружены ещё в рукописи № 5 собрания Архангельской семинарии в Библиотеке Российской Академии наук (сокращённо Арханг. С. 5). Это Сборник церковно-канонических статей 1511–1512 годов, близких к Мазуринской кормчей, переписанный в южных пределах Пермского края (Никольский погост на реке Лале). Текст книги славяно-русский без каких-либо фрагментов на древнепермском языке, при этом «пермские буквы использованы лишь для нумерации страниц» (точнее – для нумерации тетрадей).

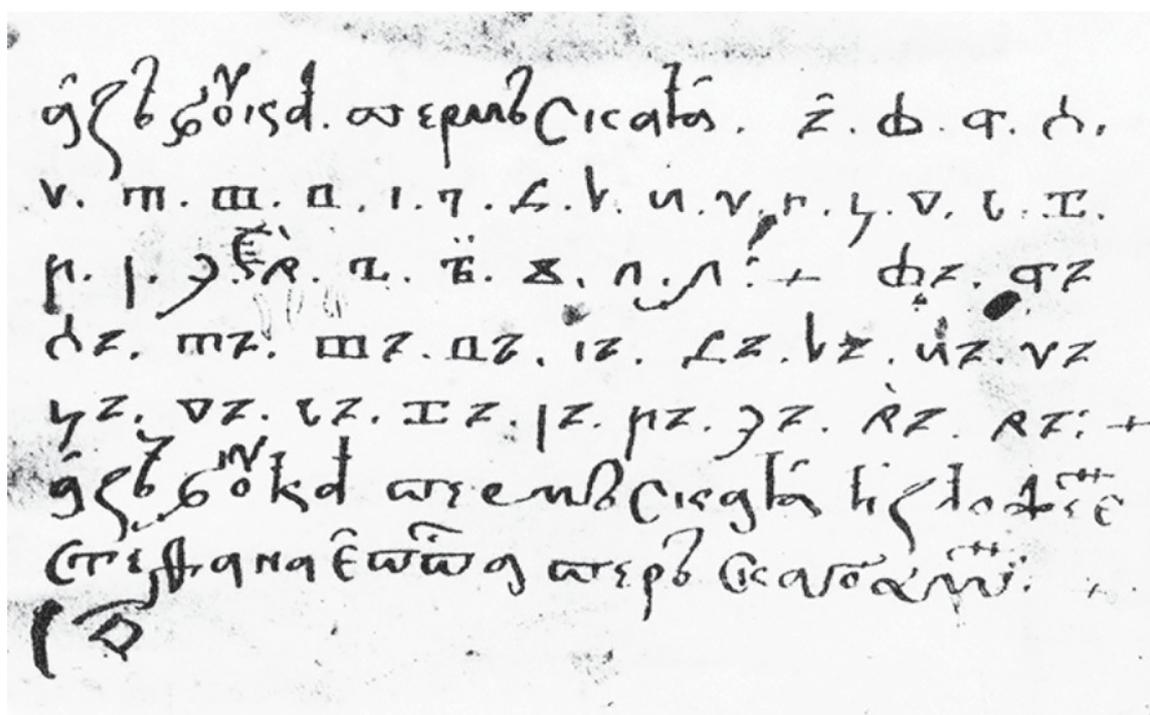
Пермские цифры в рукописном Сборнике церковно-канонических статей 1511–1512 годов сохранились не в начале рукописи, а со 158 листа. Однако, поскольку здесь также нумеруются 8-листные тетради, то по их счёту л. 158 должен иметь 20 или 21 номер.

В первом случае, вероятно, будет использоваться один знак, а во втором – два, как и представлено на л. 158 (рис. 6). Значит, скорее всего, здесь указано число 21. Поступая аналогичным образом, можно идентифицировать остальные числа, записанные пермскими цифрами: 22 (л. 166), 23 (л. 174), 24 (л. 182), 25 (л. 190) (рис. 10), 26 (л. 198). Тетрадные пометы в этой рукописи ставились в середине нижнего поля. Всего в рукописи Арханг. С. 5 сохранилось шесть тетрадных помет (чисел), для записи которых использовано 12 пермских цифр. Итого в двух рукописях Увар. 81-4° и Арханг. С. 5 имеется 93 пермских цифры (81+12), что позволяет заключить о массовости этого источника.

Парадоксально выглядит источниковедческий статус этих тетрадных помет. Ведь очевидно, что св. Стефан не замыслил свою цифровую систему специально для них, которые стали результатом дополнительного, вспомогательного использования пермских цифр. Но однако же именно тетрадный счёт дал массовый материал для выявления особенностей их графики. В указанной связи подтверждается участие Стефана Пермского в переписке книг, а не только в переводе духовных текстов. Так, на его деятельность по переписке книг указывается, например, Г. М. Прохоровым: «В монастыре С[тефан] стал также опытным книгописцем...»; А. В. Чернецовым, отмечавшим, что он был «опытным переписчиком книг».

Возможно, Стефан Пермский также переписывал и книги, переведённые им на древнепермский язык, при этом используя пермские цифры для счёта тетрадей. В таком случае соответствующая стефановская традиция, представленная в творчестве Гаврилы и Васюка, надо думать, не была переоткрыта указанными книгописцами Пермской земли конца XV – начала XVI века, а успешно продолжена ими. Следовательно, древнепермская книжность не исчезла с лица земли, как считается, она частично сохранилась в виде помет тетрадного книжного счёта на основе пермских цифр.

Ещё одним источником является «Азбука пермская» – неоднократно публиковавшийся перечень пермских знаков.

«Азбука пермская», ГИМ. Увар. 81-4°. Л. 244.

Она содержится в Уваровском списке 1510 года Мазуринской кормчей. Е. В. Белякова характеризует его так: «На л. 244 запись *азбука перьмскаіа* (и даны 28 букв пермской азбуки и 20 слогов с первой буквой пермского алфавита) *азбука перьмскаіа. изложе(н)е стефана еп(с)па перьскаго. ам(н)* (см. фото на вклейке). Записи сделаны вычурными буквами, с подражанием греческому минускулу, с лигатурами... Рассматриваемая рукопись имеет исключительную ценность благодаря содержащейся в ней пермской азбуке. Запись пермской азбуки была воспроизведена в описании собрания графа Уварова архимандритом Леонидом и неоднократно повторялась в работах П. И. Савваитова, П. Д. Шестакова, Г. С. Лыткина, В. И. Лыткина, М. Н. Сперанского. Как показало специальное исследование пермской письменности В. И. Лыткиным, это – древнейший список пермской азбуки, а приписка писца – единственный датированный памятник пермского языка».

Имеется в виду приписка пермскими буквами с именованием *Кылдас'эв*, которым писец Уваровского списка 1510 года сопровождал своё имя: Васюк Попов сын Гаврилов. Теперь установлено, что более древним памятником, причём на четверть века, является хранящийся в Санкт-Петербургском Институте истории РАН (собрание Н. П. Лихачёва, № 360) Сборник поучений Исаака Сирина со стефановскими письменами, имеющий точную дату написания – 1486 год.

Помимо «Азбуки пермской» имеется ещё свыше десятка полных списков пермских знаков (включая – с названиями) и фрагментов таковых в славяно-русских памятниках. Их обзор даёт В. И. Лыткиным. Точно датированным является только один из них – «Азбука пермская» по Уваровскому списку 1510 года. Кроме того «Азбука пермская» – источник, сочетающий в себе качества азбуки и «цифрового алфавита».

По данным обеих рукописей, свидетельством того, что писец в начале XVI века воспринимал тетрадные пометы в качестве чисел (не букв), являются стоящие над пометами титла. Они в тетрадных пометах имеют следующий вид: волнистый, дугообразный и украшенный посередине точкой. Над пометами титла ставились не всегда. По-видимому, для писца было привычным делать числовые пометы, в том числе пермскими цифрами: он не задумывался о форме титл, иногда забывая их ставить. Кстати, единственное (дугообразное) титло стоит над первым знаком «Азбуки пермской» (Уваровский список 1510 года). Как отмечалось, в пермской записи, приводящейся на иконе «Троица», титло над пермской цифрой 3 имеет форму горизонтальной чёрточки (два случая).

Итак, в тетрадных пометах Уваровского списка 1510 года Мазуринской кормчей использовались следующие пермские цифры: 1 (четыре случая), 2 (пять случаев), 3 (шесть случаев, учитывая вариант написания, схожий с буквой «ф»), 4 (пять случаев), 5 (пять случаев), 6 (пять случаев), 7 (пять случаев), 8 (пять случаев), 9 (шесть случаев), 10 (двадцать один случай), 20 (четырнадцать случаев), 30 (один случай). В Сборнике 1511–1512 годов содержится информация о следующих пермских цифрах: 1 (один случай), 2 (один случай), 3 (один случай), 4 (один случай), 5 (один случай), 6 (один случай), 20 (шесть случаев) (рис. 14).

Таким образом, имеются две серии пермских цифр, объединённые «Азбукой пермской».

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Единицы	7	Ф	Г	Л	У	М	Ш	Ц	І
Десятки	7	А	У						
Сотни									

Рис. 15. Пермские цифры. Уваровский сп. 1510 г. Мазуринской кормчей

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Единицы	7	Ф	Г	Л	У	М			
Десятки		А							
Сотни									

Рис. 16. Пермские цифры. Сборник 1511/1512 гг.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Единицы	7	Ф	Г	Л	У	М	Ш	Ц	І
Десятки	7	А	У	И	У	Г	Л	У	Л
Сотни	Ш	Г	І	У	Л	Ц	Ф	У	Л

Рис. 17. Цифровая система «Азбуки пермской»

По времени источники совпадают, относятся к началу XVI века, они также имеют общее происхождение. Было осуществлено кодикологическое изучение обеих рукописей (1510 и 1511–1512 годов). Оказалось, что они вышли из-под пера одного человека – Васюка Попова сына Гаврилова-Кылдашева (Кылдас’эва – Дьяконова). Васюк, очевидно, был сыном чёрного попа (иеромонаха) Гаврила сына Лукина, который в 1486 году, будучи ещё дьяконом, переписал Сборник поучений Исаака Сирина, включив в него фрагменты со стефановскими письменами. Их родство подтверждается записью в ещё одной рукописи Васюка – Псалтыри 1517 года, написанной им на Вычегодском погосте Лена, но пермских букв и цифр в ней нет.

Поскольку, по-видимому, Гаврила и Васюк образовывали династию книгописцев, работавших на территории Коми края в конце XV – начале XVI века, то можно предположить, что на протяжении свыше столетия после Стефана Пермского традиции древнепермской письменности, включая знания о пермских цифрах, сохранялись в среде местных

интеллектуалов, в том числе и путём их передачи от отца к сыну.

Сравнение выявленных данных о начертании пермской цифры 3 в записи на иконе «Троица» и тетрадного счёта в указанных двух рукописях начала XVI века с «Азбукой пермской» показывает совпадение последовательности её знаков с пермскими цифрами. Это может значить, что по замыслу Стефана Пермского его азбука (по мнению некоторых учёных, как, например, и глаголица) имела нумерационный смысл. В её составе было 27 основных букв-цифр, которые образовывали три разрядные девятки: первая выражала цифры-единицы, вторая – цифры-десятки, третья – цифры-сотни.

Но в «Азбуке пермской» приводится не 27, а 28 знаков. Последний 28-й знак выглядит как предыдущий (27-й – сходен по начертанию с кириллической «л»), дополненный слева «хвостиком» с утолщением в виде «точки»:

Р. А. Симонов, первым из учёных обративший внимание на эту особенность «Азбуки пермской» и исследовавший этот вопрос, отмечал:

«Аналогичный «хвостик» был заимствован славянами у византийцев вместе с цифровой системой: он служил для обозначения больших чисел порядка нескольких тысяч. «Хвостик» претерпел несколько модификаций. Так, в славяно-русской практике тысячный «хвостик» с одним перечёркиванием представлен в записи «цифрового алфавита» на деревянной основе церы Новгородской псалтыри первой четверти XI века. Но и в XII–XIII веках знак тысяч такой формы ещё являлся редкостью. В XIV веке тысячный знак без перечёркивания употреблялся в сочетании с перечёркнутым «хвостиком» или с утолщением в виде точки. Например, в «цифровом алфавите» Служебника второй половины XIV века перечёркивания «хвостика» столь малы, что могут быть приняты за «точку» (кстати, здесь встречается форма титл с точкой посередине). В Мериле праведном по списку XIV века на одном и том же листе 283 используется тысячный знак без перечёркивания и с «точкой». В XV веке тысячный «хвостик» стал практически повсеместно перечёркиваться одной чёрточкой, а в XVI веке – двумя (в таком виде он попал в печатные книги и с тех пор не меняет начертания)».

Если «хвостик» с «точкой» в «Азбуке пермской» при 28-м знаке предназначается для записи тысяч, то он может служить важной хронологической приметой XIV века, так как тысячный знак с «точкой» позже этого времени не встречается. А это в свою очередь означает, что подлинник «Азбуки пермской», представленный записью Уваровского списка 1510 года Мазуринской кормчей, действительно восходит ко времени Стефана Пермского и, возможно, был составлен им самим, а не позднейшими комментаторами (например, писцами Гаврилой или Васюком).

Поскольку 27-м знаком пермской азбуки «л» могло передаваться число 900, то «л» с тысячным «хвостиком» (28-й знак) передавало 900 000. Значит, 28-й знак указывал, что возможности цифровой системы «Азбуки пермской» простираются до записи чисел порядка 900 000.

Стефану Пермскому приходилось думать о построении рациональной числовой системы в средневековых условиях. Он мог видеть отсутствие сочетаемости между буквами и

«буквенными цифрами» в греческом письме и кириллице. Греческая классическая азбука содержала 24 буквы, для нумерации требовалось 27. Три недостающих знака (эписемы) были добавлены к 24, получилась полная система цифр для обозначения чисел.

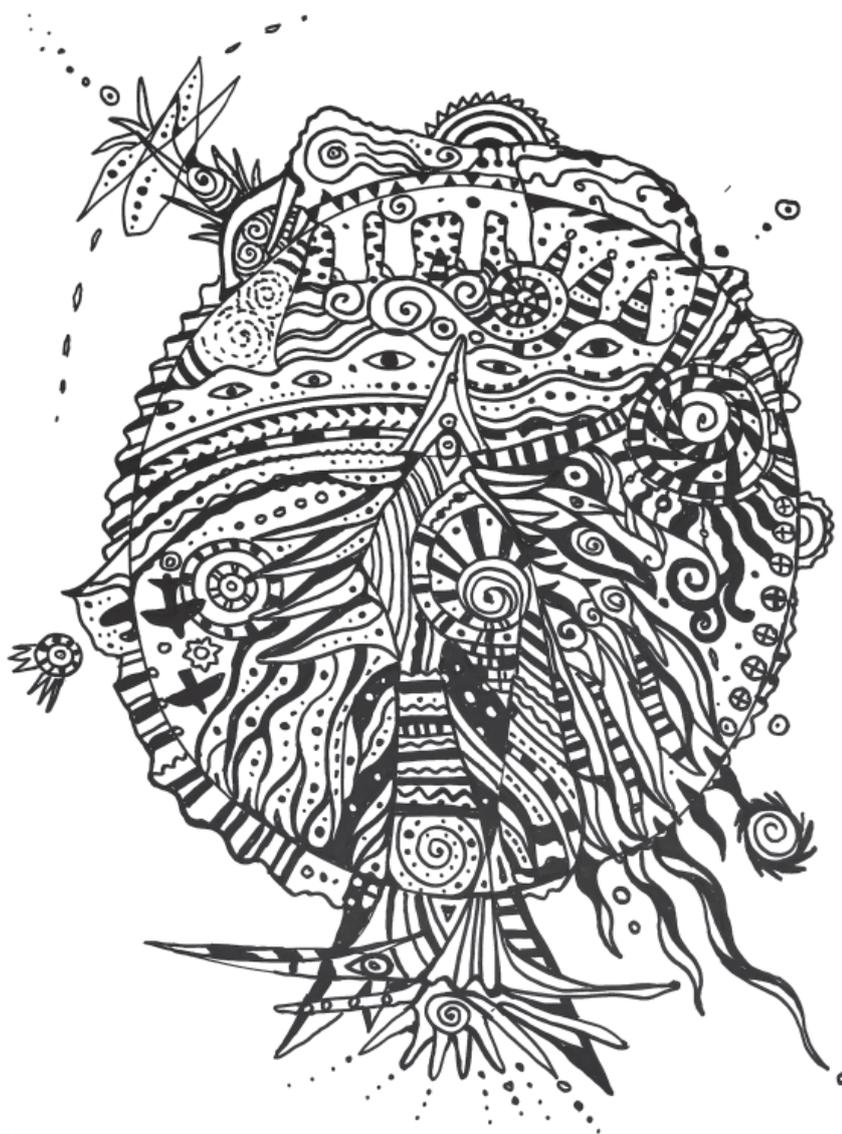
Р. А. Симонов подчёркивал, что «прорыв, которого достиг Стефан Пермский, базировался на математическом осмыслении проблемы: он разработал новую буквенную систему на нумерационном принципе. То есть Стефан Пермский осуществил тот подход, который приписывается гипотезой Трубецкого-Дурново славянским первоучителям в построении глаголицы. Только во времена Стефана Пермского соответствующей гипотезы ещё не существовало и в помине. Идея нумерационного построения новой письменной системы является целиком и полностью заслугой Пермского просветителя».

Новые источники (пермская цифра 3 в записи на иконе «Троица», тетрадные пометы пермскими цифрами) обнаружили неизвестную ранее грань творчества Стефана Пермского по созданию оригинальной цифровой системы. Вместе с тем углубляется представление о хорошо известном и важном для изучения наследия Стефана Пермского произведении – «Азбуке пермской». Это произведение не является типичной буквенной азбукой. Хотя имеет признаки таковой: 1) знаки для записи текстов на древнепермском языке и 2) дидактическое средство обучения посредством слогов. «Азбука пермская» не является и типичным «цифровым алфавитом» (хотя бы потому, что включает слога). Однако она имеет признаки такового: 1) содержит 27 основных знаков, складывающихся в три группы по девять графем (единицы, десятки, сотни); 2) включает особый 28-й знак, показывающий предел нумерационных возможностей цифровой системы (до чисел порядка 900 000).

Как автор уникальной цифровой системы, созданной свыше 600 лет назад, Стефан Пермский заслуживает высокого места в мировой науке.

Литература сегоДНЯ

Александр
ШЕБЫРЕВ

Александр Васильевич Шебырев чужис 1960
вося май 28 лунö
Кулөмдін районса
Пожөг сиктын.
Помалис Сыктивкарса
государственной
университетын эконо-
номика факультет.
Уджалис «Ленин туйөд»
газетын корреспон-
дентсянь редакторöс
вежысьөдз. Öни веськөдлө
Помөсдін школаса
краеведческой музейөн,
«Росток» литературной
котырөн.
Гижөдъясыс петöны
өтувъя сборникъясын,
«Войвыв кодзув», «Арт»,
«Чушканзі» журналъ-
ясын. Лэдзöма «Олөм
туйти» (2001), «Фараон»
(2019) небөгъяс. СССР-са,
Россияса журналист
котырö (1991), Россияса
гижысь котырö (2010)
пырысь.
Олө Помөсдінын.

Чомкост

кывбуръяс

Сан

Менам сиралөм пур,
Алькөс берегас сувт.
Катшыс, чеччыштан – бур!
Мун да вөр-васö увт.
А ме пукышта тан...
Меным бипур оз ков.
Волю, матыстчыв, сан*,
Менсьым ыркөдышт лов.
Волю висьталышт мен,
Кыз-мый олөмыс тан?
Көні лөнь, көні вен,
Коді Ыджыдыс, сан?
Мыйла ошкысь он пов?
Мыйла лимзалө пон?
Кымын уньсалін лов,
Кутшөм ловъялөн дон?
...Коркө мыччысис сан:
– Тэныд абу ме ёрт...
Медся ковтөмыс тан
Важөн – пищала морт!
Сылы лолыс – гыж дон.
Сылөн сьөлөмыс –кын.
Орччөн тьявөдчө пон:
Кылө мортыслысь вын.
Меным уна оз ков...
Öти лун – öти лов...
Кынөм сямалан дой
Олө лун, олө вой...
Мый тан шегъясян, морт?
Кодлы вөчин тэ бур?
...Тэнö виччысьö горт.
Тэнö виччысьö пур.

*Сан – санка, росомаха.

Лов

Чöла пель увті малыштіс төв*...
 Еджыд юрсиöс меліа летіс.
 Менам сьöлөмöй – Ывлаыс. Чöv...
 Кадыс кольöма... Гымыс тай петіс.
 Ачым чуймала: чардыс оз ков?!
 Öнөдз помнита: йöлöга сьыліс!
 ...Сöмын том дырйи кыпавлö лов.
 (Кытчö вильышöй воштысис, сьыліс?)

**Пель увті мавтыштыны (фраз.) – дэльöдны.*

Гожся вөр

Ваыс сөдз...
 Но сійöс ме ог ю:
 Чибльöгсö тай пыркөдöма кадыс.
 Курччö лөдз...
 Ме – чöv ола. Ог шу...
 Сылөн скöрыс – тайö сылөн радыс.
 Гожся вөр.
 Быд ловъя ловлөн поз.
 Сибöдан на бурөн, кор ме кежа...
 Төдса вөр.
 Ме гарта корöсь гоз.
 Водзö муна,
 Чибльöгöс кор вежа.

Чужас

Рытья лөнныс...
 Кыдзкö шуштöма лөнис.
 Пельöй дубалис... Чун ...
 Дзикөдз дышөдін... Мун ...
 Чолөм, аския лун!
 Меным некор он вун,
 Сэки югыдысь петас... Тун.
 Важөн төдса нин Тун.
 ...Лунся вемöс,
 Кöсьян, юрбит да кевмы!
 Тэ кöть шерав, кöть зэрмы...
 Сöмын Тунöс он вермы.
 ...Тэ кöть сизимысь сун.
 Чужас Тун.
 Воас Тун.

Чомкост

Олём чомкостыд тыри*...
Тэ жуймөдчин ноп мешөк дорө.
Мед кө эбөсыд быри.
На аскиыс корө на, корө!
Сөмын төрытыс – орт.
Тэнө отарө-мөдарө жмитө:
«Вайлы китө, бур морт,
Вайлы кабыра, вит чуня китө!»
Сетан китө. Тэ – слаб.
Тэнө төрытыс нюмсорөн нуас.
– Чолём, вильшасьысь раб,
Волы, мичмөдышт лосьөдөм гуөс!
Тэнад сьөлөмыд – сыв.
Кылө: аскиыс лимзөмөн бөрдө.
Тэныд бөрдсьө кө – сьыв!..
Сөмын сьыв, бара сьыв, и эн гөрдөд!
Синва сьылөмсө кыв,
Нюжөд аскилы турдалөм китө.
Сылөн восьтөма сыв.
Сідзкө, абу на орөма йитөд.

**Чомкостой тыри (фраз.) – туй вылас уси.*

Шыч ни рач

Оліс-выліс чөв-лөнь.
Шыч ни, рач ни, төв...
Кортөм гөсьтөн воис
Йөрө пырысь вөв*.
Шай-паймуніс муыс:
Чуналөма пель.
Йөлөгаөн муніс
Чөлыс разі-пель...
Гыма-гамыс оліс –
Радлуныс эз вөв.
Мыйла бокысь воліс
Йөрө пырысь вөв?
Оліс, оліс, оліс...
Шудлуныс эз вөв.
...Йөзыслы тай коліс
Шыч ни рач, ни төв.

**Йөрө пырысь вөв (фраз.) – яндысьтөм морт.*

Чери

Ме төдлі мамөс, төдлі батыс,
 И... челядырся вугыр шатыс.
 Ме помнита, кыз коркө нери:
 – Вай шед ли мый ли, зарни чери!
 О, мый ме вөчи... Мый ме кери?
 Сэк збыльысь шедліс зарни чери!
 Көть асыя руөн овли-вывли,
 Но потөм вор йывсыс ме кывли.
 Да, пыди лолөй ёна вензис,
 Но ваас лэдзи. Чери шензис:
 – Морт олөм мунө еджыд-рудөн...
 Тэ менө лэдзин... Али – шуда?
 – Ме төда: дарөвөйыд – крука...
 Оз ков мен олөмас старука!
 Ме весиг гөтрасьны ог көсйы.
 И ассыд милөсьтө эн вөзйы!
 Вай мун да көдзыд ваад уяв
 И радлы олөмас, эн жуяв!
 ...Мый вөлі – вөлі. Сідз тай кери.
 Тэ өні көні, зарни чери?
 Став лолөй бөрдө. Синмөй курдө.
 Тэ, чери, чойөс менсьым бурдөд!
 Ми, тэа-меа, важөн төдса...
 Мый мойдын позьө, тані – пөдса?
 ...Ме өні ачымөс нин нери.
 И юрсө мыччис зарни чери.
 – Мый вөлі – вөлі... Кадыс муніс.
 Ме пөрысьми, и ставыс вуніс.
 Став югыдыс тай – сөмын мойдын...
 Прөстит, мый вочакывйөн дойді.
 Ме – пөрысь выжив! Пөкъя чери.
 Мед кыйин сэк да менө керин.

Л.

Лайкан кодъ мортыс*...
Лөз синъясас өзъялө би.
Лөсталө гортыс,
Лаз нопйысь оз петавлы ки.
Лад вылө сөліс*,
Лёк туй вылө некор эз пет.
Лачаыс вөліс:
Лов ышөдысь* кежны оз сет.
Лаш падъян мөдыс* –
Лэч пиньясыс азымось зэв.
Лөз гөна рөдыс*,
Лун-асылын чунь костын – пев.
Лабичө пуксяс –
Лыс чукөрөн тыдыштө юр.
Лэбулыс – усяс.
Лэч пуктөма. Виччысьö ур.

**Лайкан кодъ (фраз.) – кузь тушаа морт.*

**Лад вылө сөліс (фраз.) – ладмис, бурмис.*

**Лов ышөдысь – гөтыр.*

**Лаш падъян (фраз.) – ичөт тушаа морт.*

**Лөз гөн оз төдчы (фраз.) – нинөм оз вежсьы.*

К.-лы

Сьөлөм пөртйыс пуис, пуис...
Пузьөм лолыс ойдіс, туис.
Енколаыс дзескыд лои,
Мыйла Му вылас и воис?
Мыйла тайө муас чужис,
Кыдзи вермис, кыдзи кужис?
Коді корис, коді вайис,
Коді шуліс, мый тан – райыс?
Пуис, пуис, пуис, пуис...
Сөмын ловсө бокө нуис*.
Чөдлач тусьөн тыри туис.
– Аддзысьлытөдз, – сөмын шуис.
«Аддзысьлытөдз...» Кутшөм кывъяс...
Оз нин вомөнасьны сывъяс.
Синва сорөн татысь мунін.
Мунін, мунін... Вунін, вунін...

**Ловсө бокө нуис (фраз.) – бокын мөдарьюгыдас муніс.*

Төвру

Төвруыс, вильышыс,
Кималас
юрсиös
корсьö...
Шыльöдö-мольöдö.
Буралö...
Буракö...
Корсянь?

Тöрыт на гымалис.
Скöраліс,
төв нырөн
воліс.
Сöмын эг гөгөрво,
Мый сылы,
тэрыблы,
коліс?
Мыйкө тай вежсьöма...
Мыйыськө
кыптöма
лолыс.
Долыд и меным,
мый бара на
төвруыс воліс!

Мед сійö, вильышыс,
Кималас
юрсиös
корсьö.
Бур вылö! Бур вылö...
Буракö...
Мед жö ог сорсьы.

Асывлы – асыв...

Коді шуис, мый енажыс
воддза кодь лөз либө руд?
Коді шуис, мый асывлы – асыв,
а рытыслы – рыт?
Талун рытивсянь шондіыс петіс.
Эз юась, эз дуд.
Увланьюрасис муыс. Став Муыс...
Кыт висьмөма, кыт?..
Коді бергөдас мөдарө
муыслысь песовтчөм юр?
Коді асылө асывсө ваяс...
и шондісө бөр?
Рытъя унмөн* ме ола,
и, колөкө, тайө и бур...
Меным асылыс колө!
Оз номсөдлы рытыслөн көр.
Банйөм чужөма шондіыс
петас и нюмъөвтас мен:
– Борда лэбачөн лои*,
да бара на бергөді Му!
Меным важөн нин дышөдіс
асыв да рытыслөн вен.
Кызди шуа – сідз лоө.
И некод мем паньд оз шу.

**Рытъя унмөн олысь (фраз.) – рытын водз водысь,
асылын водз чеччысь.*

**Борда лэбачөн лоис (фраз.) – мыніс.*

Сэні коли

Вэтэсалён* лунъя баныс,
 Анна косьтлөн* серамбаныс...
 Некорыс оз вун!
 Сэні коли нормём сьёлём.
 Кутшём сөстём важыс вёлём!
 Төрытас он мун.
 Вэтэсаын – менам шудой,
 Менам дзоридзьяса лудой...
 Казьтылан ли он?
 Анна косьтын – эзысь комыс,
 Вугыр шатя ачым, томыс...
 Вашъялысь на зон.
 Кывтёма тай лунъя баныс,
 Сылёма тай серамбаныс...
 Ставлён – аслас дон.
 Вэтэсаыс баддьён тыри,
 Анна косьтысь комыс быри.
 ...Көні нө тэ, зон?

**Вэтэса, Анна косьт – Пожөг ю пёлёнса местаяс.*

Эг пөдлась...

Менам сьёлөмын иган ни томан*...
 Эг пөдлась – и бур.
 Сера заворөд воськовті томөн
 Да лэби – гур-гур...
 Розя тшайподён талялі олём,
 Но лолөй эз шед.
 Олём колөмсө пановтіс полём,
 Мый лоёма – мед.
 Шоныд гожөмө унаысь волі –
 Сэк кыпавліс лов.
 Зарни арыслы коркө да колі –
 Көть өні ог ков.
 Вурун кепысьөс төлыслы сеті –
 Мед турдалас ки.
 Югыд тулысын олөмас петі –
 Пузчужөм на пи.
 Бур, мый абу ни иган, ни томан.
 Эг пөдлась, и – бур.
 Еджыд юрсиа... коля на томөн.
 Виль тшайпод көть вур.

**Иган ни томан (фраз.) – ставыс восьса.*

Куим пратя гез

Öтуввез...
Черань вез.
Кыйис эз?
Эз на, эз...
Олім-вылім,
куим пратя гез*!
Олім ми.
Қутім би.
Қуим пи.
Ки на ки.
Енмыс мыйкө
сынөдас эз рез!
Қуим лов.
Қуим морт.
Нянь да сов.
Ёрта-ёрт.
Еджыд юрси.
Нинөмысь эн пов!

Синмө – син.
Кывйө – кыв.
Öти ин.
Сьөлөм – сыв.
Öтуввезйыс
миянлы оз ков.

**Куим пратя гез (фраз.) – куим өткодь.*

Юрий
ЕКИШЕВ

Юрий Анатольевич Екишев – русский коми писатель, драматург и сценарист, математик, политический и религиозный деятель. Родился 6 апреля 1964 года в Сыктывкаре. Занимается литературным творчеством с 1989 года. Сферой его деятельности до середины 1990-х годов были переводы и подготовка к изданию православной литературы на коми языке. Публикуется в журнале «Арт», «Континент» (Париж), «Таллинн» (Эстония), «Наш современник». Член Союза писателей г. Москвы (2002). Автор книг «О любви от третьего лица» (2002), «Россия в неволе» (2008).

Семья и мир

Роман

(Окончание. Начало в № 4 2021 года)

Отпусти мечту

Эта желтуха случилась со мной буквально на границе детского сада и школы – я уже был серьёзным, насколько мог, человеком, – как маме рассказывали продавщицы из соседнего кафе. Мама иногда оставляла денег на обед, когда не успевала готовить, и я шёл туда. И вот эти круглотелые женщины (других я не помню) рассказывали, как я, шкет, едва достающий до перил, по которым надо везти поднос, совершенно серьёзно ставлю их в курс: жареное нельзя, острое тоже, и копчёное – всё было по-настоящему, как доктор прописал.

Вообще, это общение со взрослыми – носило отчасти семейный характер – воспитательница в детсаде, Валентина Петровна, тоже полнотелая, от которой веяло неким материнским теплом, и симпатичная – на наш, тот, взгляд – тоже говорила маме, что я слишком уж «золотой» – дело было в другом:

– Захожу в зал, а там они двое стоят, – говорит Валентина Петровна, – тот, что постарше, прямо впился зубами в лоб... А он стоит – не отвечает, – так что вы отметину зелёной дома помажьте.

После этого мне разрешили давать сдачи, и вся эпопея закончилась мигом. Кусаться уже больше никто не смел – закончилась демонстрация всех местных альфа-самцов, своего превосходства... Разошлись...

Любить – мы любили как-то даже без прикосновений – ту же Валентину Петровну... Это перешло и в школу, где первая учительница – Лидия Ивановна – скорее была вместо бабушки – постарше, но так же обволакивала нас семейностью. Впрочем, как мы начинали, так и должно было случиться. Уж потом, после младших классов, учителя стали сначала дядями-тётями, чуть не ровней, а потом... уже не успевали за нами...

А в младших классах – можно было влюбиться даже в какую-то миловидную ведущую в телевизоре, в «Кабачке тринадцать стульев», ожидая, когда-когда промелькнёт лицо, милое, скрываемое в сердце от всех.

Вообще, годы, полные забот – их, взрослых, и нашей беззаботности – во дворе, на улице – практически не

прерывались до самого взросления, – конечно, с некоторыми особенностями в деревне. Скажем, редко, но попадешь к кому в гости – и сразу ноздри настороже: чужие запахи, чужие вкусы и звуки, и быт... Грибы ешь с опаской (ведь ещё в саду учили про страшную болезнь – бутулизм – и что от неё можно умереть). Так ли они посолены? Нет ли там притаившейся смерти? Шанежка – чужая, не бабушкой обласканная... Кусаешь с осторожностью – вот она, детская подозрительность и мнительность, а взрослые даже не знают, какие кругом опасности.

В лесу, конечно, были свои страхи: заблудиться, встретиться с медведем или ещё с кем. Вот мы вновь на своём месте... На реке, на боне... Приехал в гости дядя Толя Цветков вместе со своей семьёй – моей тёткой и детьми Ленкой и Гришкой.

Мы, мужики, – на рыбалке. Женщины – дома. И надо же, июль, жара, и рыба клюёт, как сумасшедшая, но у нас кончается соль, да и хлеб тоже – надо кому-то идти домой... Кому? Гостям? Не, всё равно нужно тому, кто дорогу знает... Выходит, папке или мне... Но папкино время – бесконечно ценнее, дороже моего. Да и с этими ивановскими жди чего-нибудь. Гришка ухнул между плотинками бон – едва удержавшись руками – хорошо, рядом мужики были – вытащили, а так бы поплыл – а плавать-то не умеет...

Короче, надо идти мне домой и обратно – одному! В первый раз в жизни... Заодно улов отнести.

Папка провожает до того места, где дорога уходит от реки в лес, на деревню – дальше одному... Всё те же четыре четверти пути, как делил я дорогу. Первая – самая тяжёлая – по болотинке, кругом – кусты, комарья прорва, они все здесь. На реке-то жарко, ветерок... А тут – им воля. Хотя я уже знаю, что кусаются только самки для продолжения рода – только половина. Но от этого не легче...

– Ну, Юралик, аккуратней. Дорогу знаешь. – Папка целует на дорогу, но я как-то всегда стесняюсь этих знаков внимания. Папкин небритый чмок в щеку невольно разлагается мной на составляющие: табак, супчик, который дядя Толя приправлял присказкой: «Сур – ыр татуй. Две картофелины, а посередине...» Я не знал, что посередине, но избитую Толину присказку воспринимал настороженно. Чего веселиться-то на ровном месте? Все эти пошлости не для нас.

Ух, пошёл бодро, но дальше – одному-то обратно тоже. Тут уж не до грибов, не до ягод. Все антикомарины из магазина «Спорттовары» я перепробовал – и на мой взгляд, от них вреда было больше, чем от комаров, – эти «Дэты», «Дэты-2» – веяли настоящим ядом. Разъедали кожу на жаре, смешивались с потом и превращались в нечто противное. Да ещё наверняка и рыбе не нравится этот запах. Так что – без них обойдёмся.

Что мне нравилось – на рыбалке папка терпеть не мог выпивку, считал, с ней на рыбалке делать нечего, и я иногда специально принохивался – не несёт ли этим зельем. Конечно, как приехал дядя Толя, так бабушка достала из шкафчика, из глубины – «резерв», – который она умудрялась купить к особому случаю, выкроить из своей пенсии на чекушку...

Но сегодня всё было чисто – правда, закончились и хлеб, и соль... И меня не сплавляли куда-то, чтоб разгуляться... Зная, что водку я просто не выношу, – в застольях могу задеть стакан, разбить, разлить, да и просто спрятать... Ведя свою партизанскую войну.

Так, пройдя самое тяжёлое – с ощущением страха, боясь озираться – а вдруг там кто-то сзади... – и постоянно озираясь, – вышел на сухое место, где две дороги идут параллельно.

Ручей... Борик, вот уже луга... Вот и деревня вдаль, вернее, мелькнул изгиб церкви – всё, считай, дома. И не так уж это сложно... Но как же дома хорошо. Женщины, угощение – весь мир будто белый, уютный.

– Что, сразу побежишь? Или завтрак?

– Завтрак... – Я хоть и люблю рыбалку, но и немного ленюсь, нежничая – хорошо прийти домой после комаров. Вывалить улов, как это делает папка! Поймать все охи-ахи, удивления.

Вот так я пропустил самый рекордный день за нашу рыбалку...

Иду обратно – на следующий день... С хлебом, с солью... Уже почти, ну чуть-чуть совсем, и вот уже издалека – дымок костра... Да не... Два дымка... Оказывается, пока я ходил, столько рыбы привалило, что устроили на берегу дымоход, навалили ветки, сделали решётку из прутьев и коптят рыбу. Вот откуда второй дымок. Эх... Пропустил я самое-самое главное, когда клёв как сумасшедший, когда мужики мечутся по боне, – то там клюнет, то там... Думал, рай там – дома, где уют, комаров нет, – а он вот здесь!

Гришка стоит возле этой коптилки – ему на бону только со взрослыми, как и мне раньше, – а он и рад: тут, у дыма, комаров меньше. Как же так... На боне всё занято взрослыми, осталась только бона ниже по течению – угловая... Беру у папки оставшуюся пару продольников, самых убогеньких, латаных-перелатаных. Пойду хоть там закину снасти – раз тут у них такая страда. Я-то уж большой, умею удержаться, даже когда будет волна от катера. Что мной двигало – ревность, охота? Ну, что-то такое...

Не взял с собой кашу, а к костру идти лень – заряжаю продольники просто уж навскидку – червячками, да самыми простыми, красными, – которые мелочь обдирает за секунду...

И иду к своим. Слушать их восторженные рассказы. Клевало! Ну просто беда – не успевали поднимать.

Ох-х-х... Утро... Мужики на боне – и я тоже поплёлся к своей – безнадёжной, корявенькой, где снасти-то закинута, я знаю, лишь на всякий случай.

Ещё зябко, брёвна скользкие. Я просто так иду, в душе даже не надеюсь... Крючки вынуть голые и убедиться, что всё склёвано...

И у первой же закидушки – поднимаю и – тяжесть. Будто из мглы – поднимается сквозь коричневатую мглу – огромная большеглазая рыбина, – удивлённо глядя на меня... И – дух перехватывает! Лещ огромный стоит в воде, видимо, намотавшись за ночь...

Опомнившись, кричу:

– Подсак!

Нет реакции...

– Па, подсак! – и вижу, что папка подскочил и бежит по боне, как спортсмен – бегун с препятствиями, работая коленями, сверкая пятками, – ему ж надо добежать до начала боны, а потом по берегу – до меня...

Жду... Вот уже папка недалеко шуршит в кустах... Скоро спустится.

И тут этот лещ легко мотнул головой – и сорвался с крючка! И ещё постоял, а потом ушёл в воду...

Папка, запыхавшись, прибегает – ну что, где? А я, даже и не переживая, спокойно как-то:

– Вот тут лещ был, огромный... На червя...

– Ох, ну видать вечером клюнул, уже еле держался... Ну ничего, не переживай! Клюнет ещё.

Но в ту рыбалку уже не клюнуло у меня так...

Ведь он был особенный, огромный. Пришёл и унёс обратно какую-то тайну.

Запоминается не пойманная, а упущенная. А говорят, она растёт в руках. Но этот и правда был огромный.

Я не расстроился так-то, внутренне – наоборот, значит есть оно, моё счастье... Где-то. Просто надо быть готовым, одному, самому. Рыбы-то хватает. А это было что-то другое.

Надежда, удача – где-то они рядом. Только надо посерьёзней, повзрослей.

Не жадничая... Не отвлекаясь, не боясь. Как шаг во взрослую жизнь, который увидел кто-то из глубины.

По кра-юра-дному!..

Дядя Толя уехал обратно, и я больше его не видел. Вообще, переживал такие приезды как некое бедствие, стихийный тайфун. Помню, нам с бабушкой иногда оставляли, мелких совсем, будто барахтающихся белых букашек, моих малюсеньких двоюродно-троюродных братьев-сестёр. Да ещё и укоряли, что я как-то не так помогаю бабушке их обхаживать – орущих, ползающих, беспомощных... Когда за забором ждала дорога к реке, где тишина, одиночество, мягкий покой. Детский эгоизм боролся с некоторой, выросшей уже, ответственностью за близких... Надо было ходить в магазин. В городе – стоять в очереди за квасом, с бидоном... Придя с хоккея в мокрющих штанах, ещё и стирать их... Когда же это кончится! Весь этот подневольный труд... Когда же вырасту-то!

В школе – первые классов пять всё было легко, просто легкотня невероятная! Хоба! – и за секунду сделаны задания, ни мгновения лишнего – скоро по телику что-то... да что угодно. Надо поставить на стол борщ. Сметанки... И ещё книжечку для чтения – и другим глазом – в телик – что там? А-а-а, ерунда. Лермонтов, «Маскарад» – какой-то непонятный чёрно-белый хоровод лиц. Ладно, сойдёт и это, под мамкин красный борщ... Остаётся минут пятнадцать до уроков, а ещё сочинение нужно написать! Тяп-ляп – и так сойдёт. И сочинение готово.

В школе – быстро привыкнув друг к другу – мы стали вроде как такими же двоюродно-троюродными, только не беспомощными... Хотя сразу определились и «двоечники», но это были «наши двоечники» – добрые, весёлые. Мы ценили доброту, в которой все эти годы как бы растворились, оставшись лишь на фотках, из которых мы скоро вырастем, милovidными отпечатками, где ещё только угадываются в наших девчонках будущие красавицы: Юлия, Настя, Наташа, Галя... Всё это, как спрессованная пружина, сжатая, выстрелившая в старших классах, когда мы дали жару... Мы только разбирались тогда – кому что... Кто-то любит стихи, кто-то математику... Мы с моим другом прочитали в одном журнале, что можно взять и поехать в биологический интернат в Питер, – решили – это наше. Даже заявили об этом и взрослым, и учителям... И директор еле нас отговорил, какими-то, уж не знаю какими, доводами. Так для страны и народа пропали два друга-биолога...

Своих друзей я, конечно, хотел видеть не только здесь, в играх и на днях рождения, – а там, в другом мире, в деревне, в дикой природе, – но самостоятельно путешествовать мы пока не могли. Нас водили в походы за вокзал, где начинался природный, к тому времени уже жиденский по своим возможностям, лесок... И там, в этих походах, хоть чуть-чуть можно было показать, как развести костёр, как искать правильные дрова для него, а не таскать всё, что поближе лежит. Короче, сплошная бестолковщина!

Одного похода так мало, что и сам этот поход, хотя и дико радовались ему, вызывал смутное раздражение своей бесцельностью, бесплодностью, – ничего не принесёшь от туда, кроме испачканных вещей, да ещё и ощущение какой-то коллективной дикости, просыпающейся на природе у больших компаний. В которых кто-то затевает бадминтон, кто-то бестолковый футбол, кто-то жарит хлеб... Короче, не то это, ну не то...

Не думал, что походы хоть как-то нас сдружили, но – и так сойдёт! Это будто прогулки в тюрьме по сравнению со свободой...

Этого рода туристов, изредка встречавшихся в лесу, конечно, не детей имею в виду, а взрослых – я не переносил на дух, скептически относился ко всему – от экипировки с иголки, до поведения на реке и манер, – как ко вторжению чужих, инопланетян в мои пределы. Весь мир в его нетронутости был моим, пусть временным, хозяйством, – и все

эти кучи мусора (не только в городе за вокзалом) – свидетельствовали: они рядом!

Я рос – и география достижимого мира тоже росла для меня. Бывшая сначала легендарной – таёжная Поинга, куда папка уходил на несколько дней в серьёзный поход, – была поначалу для меня закрыта.

Вот папка собирает вещи, бабуля интересуется: «Ты куда?» Он отвечает: «На Поингу». И она удивляется, будто особенной новости: «На Поингу? Ну, вот...» – и взмах рук-крыльев... Это значит, что всё серьёзно, как на войне. Соответственно, и уловы оттуда были особенные, увесистые.

Потом и я, наконец, созрел. Но, конечно, это уж было совсем нечто особенное. То, что я раньше считал комарами и их засильем, – оказывается, лишь цветочки. Вот они – ягодки!

Настоящий таёжный комарище! Да не там, где солнце их способно придавить жаром, а ветерок перегоном простора отогнать... Не-е-е. Тут они – везде! И всюду! И ночью, и днём, и в солнце, и в дождь... Хочешь на Поингу? – на тебе!

Но привычка терпеть, обходиться без всяких мазей – уже не отпускала. И этих пройдем. Зато тут нетронутые заводи, тишь таинственная. Где в каждой глубине – свои загадки, свой, пусть юркий, но зато не отсиживающийся в глухой обороне елец, окунь, хариус, даже пескарь и ёрш тут другие...

Конечно, первые мои инструменты – это удочка, бидон и банка с червяками. Всё!

Да и я, как бесплатное приложение, – способен лишь понемногу ловить папке живцов – на его крюки.

Но сам воздух, сама атмосфера, само ощущение, что ты на Поинге, в каком-то логове, – тянуло и тянуло туда.

Гоняю ершей и комаров на свою бестолковую двухконечную бамбуковую удочку. Хорошие – дома – сосновые, выглаженные, – но сюда же их не попрешь...

Ершей и комаров, комаров и ершей. И надо идти к нашему стойбищу, ночлегу. Первые свои шаги, я помню, как хвостик за кем-то, за папкой, конечно, даже не разбирая, – куда он идёт... Только бьёшься в тумане с комарами и внутренне ноешь – ну когда, когда же избушки или что там ещё... Стог, палатка...

Короче, воткнул удочку, так и не вынув её, – идём к костру. С нами ещё дядя Миша – он не то чтобы невезучий – он вообще первый год на Поинге, как и я, и тоже без особого улова (вообще, в первые три года его походов на Поингу он так ничего и не поймал толкового – вот ведь у человека отметина, даже у меня больше опыта было).

Утром – возвращаемся обратно. Удочек нет. Папка даже несколько раздражён – может, я не помню просто, как сунул удочку куда-то в кусты? Да нет! Я-то знаю – воткнул в берег! Конечно, всё внимание уделяя комарам, какая уж тут аккуратность со снастями...

Дядя Миша, пройдя вверх по течению метров сто, кричит нам:

– Вот она! На том берегу...

И сам раздевается и переходит за ней.

Я слабо надеюсь, может, есть ещё рыба. И немного дуюсь – ну почему же не верят, я же правда воткнул удочку...

Но на крючке – только травка. Значит, замечает папка, на червя сел ёрш, а его потом проглотила щука... Ну, ничего... В другой раз возьмём.

– Крестницу завёл... – подытожил папка. Сколько уже их было потом, даже годами – на одном и том же месте показывалась, и – срывалась!

Но я уже не «бесплатное приложение», не «турист»... С этой речкой нас что-то связало, породнило... Не щуки, конечно. Сам факт – здесь только надо приноровиться. Если есть рыба – значит, мы её пымаем. Мы же не туристы какие... Сама фамилия говорящая,

по-русски – Окунев, – которой я поначалу несколько стыдился по её неправильности для других, – теперь стала для меня своей – наверно, из этих мест! Здесь мы их, рыб, ловим, упускаем – бойкие, как окуни, ловкие, юркие (тоже от имени), от песенок, которые я горланил по пути домой:

– Ходим мы по краю, ходим мы по краю, ходим мы по краюра – юра – Юра... дному, – прорываясь домой сквозь серые полчища гудящих мессеров, жаждущих твоей крови!

Ходить по воде

Меня устраивал более-менее такой мир – ты где-то лазишь, трудишься, что-то добываешь, – а тебя дома ждут, даже особо не готовясь, – не надо ничего – лишь бы дойти до дома, разоблачиться, поделиться тем, что наловил, насобирал, нашёл – и расслабиться. Почему так нельзя было жить всё время? Вот вырасту – заведу лошадь, чтоб она возила меня по любимым местам, будет у меня собака... Верная, бегающая рядом, понимающая даже не слова, а мысли. Вот едем мы, едем... до бесконечности... в одиночестве – так в окончании мечты никуда и не приезжая. Жизнь отодвигает мечты, оставляет их в прошлом, рядом с бывшим да упущенным. Что осталось от тех, кто был раньше? О чём бы они ни мечтали. Что бы ни делали. Лишь какое-то веяние тёплого ветра? Да и то не от всех.

С бабушкой, да и ни с кем в мире – мы не говорили о вере. Наверно, во многих ещё просто жил некий страх – ведь вот рядом церковь, – из которой взяли, увезли, расстреляли священника и его матушку...

Я не мог этого знать до взрослого возраста. Но, возможно, чувствовалось в других, в том, о чём они молчали долго при встречах. Впрочем, бабушка всегда вздыхала:

– Но, бласлö Кростос (Благослови, Христос).

И это я воспринимал не как её сознательное проявление, о чём-то говорящее, но как естественное слово при любом действии: поход на рыбалку, сбор картошки, поездка в город – я даже и не задумывался о смысле её столь естественной присказки – это ж бабушкина сущность, её доброта, её привычный, а стало быть, и мой мир, в котором начало и должно быть таким...

Проскакивало, пролетало мимо пусть родное, но ещё не ставшее потребностью – течение жизни, в котором я уже не слушал ни секунды, – знал, куда пойти. А если не было возможности, – готовился к этому, думал об этом, думал и прикидывал – сколько хватит сил на расширение моего мира, чтоб достичь ещё одного предела, попробовать, не успокаиваясь уже на середине, – во мне проснулся кто-то, как Адам, – осваивающий весь мир, знающий имена всему, – откликаюсь на любое явление – и в городе, и здесь – «в глуши, в деревне», – но не пушкинской, а какой-то, по моему ощущению, – настоящей, о которой говорила древность: О Rus! – о деревне! – это ж эпиграф к чему-то пушкинскому?

Я уже ловлю не только мелочь. Но и, сбив плоты из брёвен, мы проталкиваемся с папкой по Поинге, облавливая с этого плота – каждый свою половину реки. Но мне всегда кажется, что у папки лучше, и я норовлю закинуть и к нему, и к себе, пока его разворачивает спиной к движению, – плот же не очень управляемая штука. Папка ловит и удочкой с блесной, и на спиннинги... Мне на спиннинг ещё рано, поэтому вот тебе просто щучья удочка...

Так-то я кое-что уже умею! На нашем коронном месте входа на бону – затишье, в жару – папка учил меня забрасывать спиннинг – на лугу. Отцепив блесну и оставив только грузило потяжелее.

– Вот, размахиваешься так, да ещё чтоб крючком не зацепить (как в «Ну, погоди!» волк себя за трусы цапнул) – леску держишь вот так, а когда удилице выпрямляешь, чтоб полетело, отпускаешь её. И в конце подтормаживаешь, чтобы не получилось бороды...

Кажется – легко! А попробуй... Ну, правда, я уже мастер распутывать бороды, так как и на донки-закидушки этой беды не избежать.

Поэтому с клубками лески я справляться умею – главное, не тянуть сильно... А будто нежно взбивать, растягивая в разные стороны – то, что тянется, – и стараться ухватить закономерность: кто куда проскочил, проделся, зацепился, – выпростать того, кого можешь освободить, – искать другую петлю, втравленную в эту свару... Вот так, раскладывая на куски – побольше, ещё побольше... Вот совсем уж подряд пошли – «борода» поддаётся! А если будешь сильно тянуть – наделаешь узлов, затянешь – тогда беда... Да ещё на комарах. Так что уж этому искусству я быстро научился. А остальное – плёвое дело! Я уж кидаю и так, и сяк, и слева, и с поддержкой блесны рукой, и из-за головы! Но всё же не очень уверенно... Это хорошо, когда есть возможность, скажем, на лодке – кинул, ну маленько пересчитал, ну повесил на куст «медаль» – вот блесна болтается над тем местом, где должна быть щука, – тогда хоть можно подплыть, отцепить. А на плоту – попробуй! Он, разогнавшись, так тянет вперёд, что уж держись – повесишь такую медаль – не успеешь моргнуть, а ты уже далеко проплыл – тут уж не отцеплять, а рвать. Потому мне для начала щучью удочка – обыкновенное удилице, только леска потолще, да и вместо поплавка – блесна. Стой – хлещи речку, будто кнутом, – облавливай. Зато какая благодать – это не то, что в лодке, – хочешь стой и сверху обзревавай всё! Хочешь – садись на пенёк, тоже высоко.

Эта рыбалка – искромётная, азартная, быстрая – вода летняя, чистая, невысокая – под нами, как коврик, бесконечный половичок, то травка, то какие-то бледные, почти прозрачные цветы – красное, белое, зелёное, жёлтое, песок, камушки – всё блестит, играет... Щука клюёт, выскакивая из засад, – её – на плот! Ух, красота... Хотя я не сразу стал таким уж заправским рыбаком... И с удочкой этой пришлось повозиться, полазить по берегам.

Папка где-то идёт впереди, по своим заветным ямкам. Я – за ним, по берегу, вдоль Поинги.

– Главное – не срежай, иди вдоль берега и догонишь меня!

Это я уже понял. Поинга настолько извилиста, будто кривляющаяся перед зеркалом девушка, – и так повернётся, и так... – как та, из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», – которые мы в детстве, наверное, ни разу не пропускали.

– А, это ты, кузнец? А принеси мне царские черевички – выйду за тебя замуж!

А ты, как кузнец, дивишься – вот до чего страшная дивчина! Час крутится у зеркала – и всё не надоеет ей!

И мне Поинга показывала свои красоты, свои особенности. Закидываю я эту самую щучью удочку – и веду леску дугой, огибая травку, – к берегу – и бац – щука! – дёрг! – это моя уже автоматическая подсечка – щука брыкается, бросается в стороны, но я знаю – слабину давать нельзя, веду к берегу... Но куда? Кругом кусты... А тянуть ведь надо, иначе – сойдёт же! Сорвётся! Стой! Тянуть некуда, да и что-то мешает – так и вешаю щуку над водой, над кустом... И достать не могу, ну никак – даже для меня! А она висит смиренно, обречённо – сдалась... Как быть? Бегу за папкой вдоль берега:

– Па, па, щука!

– Па, где ты?

Откуда-то из кустов, из травы – появляется папка, недовольный:

– Что случилось? У меня там щука крупная клюнула...

– Да у меня тоже! Висит там! – кое-как объясняю, что произошло. Делать нечего –

возвращаемся к моей удочке. Я просто уже в смятении – не сорвалась ли, пока мы тут со-вещания устраивали да искали друг друга?! Не! На месте! Папка – просто золото – вот она, настоящая, черноголовая, хорошая... А папка уже обратно торопится – к своей крестнице на свидание, у него свои счёты с этой рекой, своя любовь...

Его-то щук я меньше помню – только своих. Но главное – это ж количество! Я уже могу с ним и посоревноваться. Пусть хоть и он эту вытащил, но она-то – моя! Два-один! Так что мне можно ещё его догнать, а то и обогнать когда-нибудь...

Мы постоянно в чём-то да соревновались. Тогда, на коренном месте, помимо рыб – заметишь в небе самолёт – и первый кричишь: «Воздух!» – здесь уже «два-один» в твою пользу. Тогда, хоть и места были пустынные, но самолёты летали чаще: и обычные между-городние, и стрекочущие «кукурузники», и взлетающие с гулом военные.

– С подземного поднялся! – говорит дядя Миша.

Я не знал, что за «подземный» такой. Наверное, тайный аэродром. Но чувствую силу, мощь, защиту – всё отлично. Раз небо наше, то можно спокойно заниматься своими делами.

Вот так мы и плыли... Соревновались, обгоняя друг друга. Когда кончалась насадка, червяки, – чтоб поймать живцов, – расковыривали с брёвнышек, застрявших на отмелях, кору, а там, в гниющей белёсой мякоти, набирали короедов, улавливая, где они прячутся, по скрежету их челюстей-пилкок: вжик, вжик! Пойдёт на третий сорт... Иногда мы разоря-ли, как медвежата, прибрежные муравейники, добираясь до блестящих, будто целлюлоз-ные теннисные шарики, – яичек, – насаживая их по несколько.

Всего нам хватало. Всё было, кроме времени, текущего по нам событиями, как слишком уж быстрая река. Брёвна хлюпают, и ты – будто идёшь по воде... Всё возможно – впереди, за поворотом...

Военные потери

Однажды нашу большую компанию (которую я избегал, как мог, – любил просто вдво-ём с папкой) – дядю Мишу, дядю Толю золотозубого с Гришкой, меня с папкой – закинули вверх по течению Поинги, к мосту.

Это было сделано по просьбе дяди Миши – начальника районного масштаба по линии комсомола – и считалось некоей привилегией. Так-то топать до моста пешком приходи-лось часа два, да ещё с полной выкладкой. А тут раз, некоторым, пожалуйста! – чик, и вы уже дома. Не знаю, как папка, а я это не любил. Ещё жена дяди Миши, тётя Лида, увидев, что я, как и папка, утонул в рыбацкой судьбе, – подарила спиннинг, конечно, много напутствуя при этом словами.

Надо сказать: выбирая без меня (может, и с дядей Мишей), – предпочла нечто бестол-ковое (или дешёвое) – у нас обломков этих шестигранных спиннингов в углу холодной комнаты сложилась уже масса. Они трескались, как карандаши у первоклашек. И от этой болезни тогдашней рыбацкой промышленности лекарства не было (только импорт).

Я уж не помню, как поблагодарил, – но взял с собой, конечно, эту новенькую снасть...

Была у нас с собой ещё и лодка, резиновая, так что в принципе разместиться мест хватало.

Поскольку трудиться – тянуть всё это на гору – не пришлось, – мы в приподнятом на-строении расположились у моста, надули лодочку и на дорожку решили перекусить. Как расположиться? Да на лодке же, вот удобное сидение.

Дядя Толя достал нож – порезал то ли паштетину, то ли плавленый сырок, – да и неважно

что, и, будто сидя на брёвнышке, как шарахнул ножом рядом с собой – в лодку! Воткнуть хотел. Забылся... Вот тебе и городские чудики. Лодке – конец.

Конечно, ругаясь, ну даже не ругаясь, а непрерывно матерясь, да со смешками и сокрушениями, мужики стали соображать, как теперь двигаться. Хорошо, папка смог нос лодки смотать и закинуть внутрь так, что на второй половине, как на одноместке, продолжили движение. Но это уж только папке было под силу...

Пришлось делать два плота – один Цветковым, дяде Толе с сыном, другой – нам с дядей Мишей.

Ну что ж, плыть так плыть. Я, конечно, хотел с папкой – да показать этим почти горожанам-туристам – мощь, класс, удаль... Наносить щук у них под носом – я-то знал наш с папкой уровень, – но теперь что ж... Придётся с дядькой вместе... приспособливаться.

Чуть и отплыли-то... Первый заброс с новым спиннингом. Дядя Миша поучает:

– Зачем так кидаешь? Не надо вдоль кустов кидать... Кидай поперёк, да к себе веди!

Учит он меня, учит, а у меня – бах! Щука!

Поклёвка, да ещё какая! Рывок – и не понимаю, что происходит, – удилище спиннинга ломается напололам (я ж знал – оно ерундовое, знал же...) – кончик болтается на леске, а она продолжает тянуть и держаться.

Дядя Миша – уж по-другому – комментирует:

– Подтягивай, вот сюда, тащи... Ох...

Вдвоём одолели – я подтянул, он подтянул... Наша!

Вот так я обновил подарочек! Но мне теперь вся эта критика, – тянуть надо было не так и закидывать, – ни-по-чём! Главное – показал, кто тут что умеет! Не посрамил фамилию, как говорится...

Пришлось, правда, и спиннинг оставить – от этой коротышки теперь на плоту не было проку – перейти снова к щучьей удочке.

И...

Вот она, благодать... Несёт тебя течением, под ногами мелькает песок, трава, а ты косишь, будто косою, – этой удочкой – воду, стараясь, чтоб блесна огибала заводинки, проходила под топляками, – и так же по дуге!.. – вылетает откуда-то щука! Хвать, борьба! Закидываешь её на плот... Сравниваешь счёт с папкой, обгоняя дядю Мишу совсем всухую, – у него опять не клюёт! Вот она, благодать... И где-то внутри чувство, что всё это связано, неслучайно, что всё это даётся на каком-то пути, на котором тебя не должны подвозить машины на природу. Как охватывающая фигуру чья-то мягкая рука... всё должно быть по-честному – тогда и рыба будет, и – главное, не будет слов лишних, теребящих ощущений, что то не так, это не так... Раз рыба есть – значит, всё так... Победителей не судят. Побеждающему дано вкушать манну небесную. И без спиннинга обойдёмся! – мы уж как-нибудь, мы уж где-нибудь... На своих двоих, зато без такого шума и приключений – сколько нам прослужила эта лодка?

Вообще, когда папик купил её, – понятно, невтерпёж стало испробовать. Я был мелкий, ну совсем ещё, игрался в солдатики и танчики... Тем не менее, папка поволок меня в пригород. Благо, мимо дома ходил автобус – прямо до конечной, до Тентюково, где, пройдя посёлок, выходишь на берег Вычегды... И это совсем другая река, чем Сысола, которая в неё впадает, – больше, шире, мощнее...

И тут, на берегу, – выяснилось, что пробки-то, заворачивающиеся в гнёзда, – папка дома оставил... Как быть? Вот дома развернул, полюбовался, прочёл инструкцию, свернул. И по неопытности и нетерпению – надо же испытать – пробки в стороне так и остались лежать. А мы – вот они, спустились к берегу... Ну не возвращаться же... Папка выстругал

клинышки-пробки, надул лодку – ртом! – кое-как закрепил эти неродные пробки в дырках... И мы поплыли. Страшно же! Лодка вся разболтанная. Вёсла – вовсе не то, что думаешь – вставляешь их в гнёзда – и чап! чап! – подгребаешь – это тебе не нормальное весло с двумя лопастями, где размахнуться можно, – короче, всё не так, всё не то...

Но на ту сторону, на песчаную косу – переплыли. Папка пошёл со спиннингом прогуляться, а я – благо с собой моя лучшая игрушка – увесистая бронетанкетка – увяз в песочной игре: окопы, крепости, солдатики из серых, проветренных щепочек... Наступление, бой!

Мне и не до того, что и на небесах – была война! Тучи всё шли, ветер – сильнее... Папка возвращается да начинает и меня тормошить. По Вычегде волны пошли совсем не шуточные, с белыми бурунами – срочно надо обратно, иначе застрянем тут. Вот тебе и попробовали, прогулялись...

Гружусь в эту, ещё не ставшую близкой и родной, еле подкачанную папкой лодку. Сижу, вцепившись в борта. Сидения дурацкие – из надувных подушек – ёрзают, съезжаешь с них постоянно, вода чуть не заплёскивается через борта. А кругом – просто жуть – ветер стонет, волны с размаху бьют в то, что должно быть нашим гордым носом. Брызги, будто рычание бездны под нами... Если ещё и катер мимо пойдёт и ударит волной в бок, – нам крышка.

Не знаю, как мы переплыли это всё... Наверное, с тех пор папка зарёкся пробки забывать. Мама сшила для них отдельный чехольчик – да ещё потом всякий раз спрашивала: «Пробки взяли?»

Лишь причалив, я обнаружил, что в суете оставил на том берегу свой бронетанчик, – какой же он был классный, такой будто уже сроднившийся всеми обводами с моей рукой... Возвращаться? Но как? Вновь по этому ужасу туда и обратно?

Так он и лежит там, наверное, до сих пор, засыпанный песком, – некая жертва неизвестно чего, неизвестно какой войны... Смирился я, что потерял он, – ещё там, на берегу, просто жалел, конечно, по-детски. Но опасность была сильнее жалости... Не-е-е... На лодке без этих пробок, через реку – не-е-е... Хватит, испробовали. Потом уж она своё отработала, прослужила долго-долго, пока не воткнулся в неё дядин Толин нож... Эх-х, не знают люди, что иногда связано с вещами, какие воспоминания, не ценят... Ведь любая вещь в мире – не случайно куда-то попала, а оказалась там чьей-то волей... И потери – иногда не восполнить заменой. Так же и с людьми.

Где они были, что делали? В каких переделках бывали? Как дед, которого я не видел никогда...

Не надо было дяде Толе его машину отдавать... не надо – пусть бы достояла своё, на месте, в амбаре... Смириться надо было. Не жаль машинки, жаль памяти о ней...

Вдоль обрыва, по-над пропастью...

Незаметно то, что ещё вчера, в детстве, составляло чуть не основные интересы, – куда мы могли залезть, запустить свои глаза, влететь в каком-то восторге, – ушло, растворилось...

Ещё вчера нас водили и в цирк, где мы вообще-то ждали только одного – клоунов, называя их Олегом Поповым... И по телику ждали Никулина с Карандашом, – а сегодня уже отмахиваемся, как от разоблачённого Деда Мороза. Ещё вчера «Необыкновенный концерт» был для нас эталоном театрального искусства, с которым мы сравнивали полные огрехов кукольные представления, на которые рвались и шептались перед началом, а сегодня – и театр как-то слегка наскучил: тем более, рядом со школой был Музтеатр,

а там – всё слишком серьёзное, взрослое, на большой далёкой сцене... Стало перевешивать другое – с кем рядом ты окажешься, на кого сможешь, из девчонок, посмотреть... Кто посмотрит в ответ...

Конечно, среди них было много симпатичных, не только в нашем, но и в параллельных классах, но многие из них окуклились в недоступных красавиц, как Терехова в «Собаке на сене», – так что к некоторым красавицам взоры, мои по крайней мере, не тянулись: ясно было – кто я и кто она...

Уж не знаю, кто по кому там сох, но чувственность всё просыпалась и просыпалась, перескакивая с одного объекта на другой... Конечно, Ленка Соловьёва будоражила ум, захватывая и сознание, – моя дорога в школу лежала мимо её окон. И даже однажды – они с Валькой Поповой то ли согласились, что я приду к Ленке и она меня пострижёт, то ли сами с «Попиком», так дразнили её подругу, заманили меня...

Короче, замирая сердцем, – пришёл, постучался, вошёл – со смешками и неловкостями – мы привели мою голову в порядок.

Это та Ленка, с которой играли на моём дне рождения и уронили, загнув педали, – фортепиано. Казалось, ничего вроде особенного, но какой-то шаг навстречу друг другу был сделан, наверное, самый тёплый.

Как говорил Екклесиаст – «не знаю путей мужчины к женщине». А уж пути мальчиков к девочкам – это, наверное, полная загадка.

И ниточка вдруг оборвалась – папка у Ленки, военный, получил приказ, – и они как-то мигом уехали...

Оставив так и незавершённым то, что росло, росло да не выросло...

Под нами тоже жила такая же самая семья, где папа был военным, целым полковником, а мама – заведующей кафедрой иностранных языков – с необычным именем – Дина. У них было двое мальчишек. И вот из-за этого соседства я так и не выучил английский язык...

Дело в том, что – конечно – с возрастом у нас началось увлечение музыкой. И родители, одни за другими, то у одних, то у других из нас – сдавались и покупали нам магнитофоны. Конечно, бобинные... У кассетных тогда было качество совсем слабенькое.

Самые простенькие «Примы» – первыми встали у моих одноклассников. С вечно снятой крышкой, – чтоб протирать и подкручивать головку. Слабые, с одной скоростью – средней. Но тем не менее, позволявшие слушать что-то красивое, почти небесное, да и привлечь девчонок, – могли даже устроить танцы (которые я вообще не воспринимал, а если уж деваться было некуда – не высовывался, отсиживаясь до конца). Тут же появились и свои вкусы, свои предпочтения.

Мне тоже по моему выбору – купили «Маяк». Я всё терпел, но не дождался, когда завезут более качественное, – и купили «Маяк» с двумя скоростями, но без третьей, самой важной. Так что я мог обмениваться с друзьями, у которых были «Примы», но не с теми, у кого всё было качественней.

Это для нас обрастало такими важными деталями, что взрослым – невдомёк. Я тоже потихоньку обзавёлся своей коллекцией: Высоцкий, Pink Floyd, ну и там всякое «King Arthur and Knights of the Round Table», – предпочитая нечто мелодичное, интеллектуальное, питающее разум, ну или что там ещё...

Под музыку делались уроки. Под музыку мылась посуда. Вот с этого и началось – с английским языком.

Я обычно, поскольку не было горячей воды, копил по своей обязанности грязную посуду до последнего. Когда приходилось водружать на плиту большую кастрюлю, греть воду, и рядом – магнитофон.

Вот так рутина превращалась в нормальное занятие. «So, so you think you can tall heaven from hell... Can you tell a green trees grow the cold... So wish///Wish you were here» – оп, и основная жирная посуда стоит горкой, ждёт полоскания – сначала глубокие, потом плоские, вся мелочь – ножи, ложки, вилки – горстью, отдельно... Моешь, слушаешь, гитара что-то выводит, прекрасное и текущее куда-то – красота!

Так вот однажды встречает меня соседка сверху, тётя Дина, и интересуется:

– А что ты там слушаешь?!

Оказалось, у них магнитофона ещё не было, и Витька с его братом – брали большие алюминиевые кружки и, приставив их к батарее, слушали со мной и Высоцкого, и «Pink Floyd».

– Ну, я это... Пинк Флойд так-то слушаю, а что?

– А о чём они поют?

Я вообще-то не знаю о чём, но по интонации представлял себе некоторую свою историю, свои слова, которые и не думал переводить, так и напевал про себя: «хау, хау вин, ю вэ хиэ-э...» – что бы это значило...

Но тут пришлось импровизировать на ходу.

– Ну, что жаль, что так получилось, что вообще как-то сложилось, о расставании... (конечно, любая мелодия у меня складывалась в отношении к некоей гармонии, а стало быть, любви, а стало быть, и отношение к объекту любви, – к которому была направлена песня, долгая, как зов... – но это я тогда не мог объяснить).

Но тётя Дине хватило сказанного мною, и она мало того что успокоилась насчёт детей, – не занимаются ли они чем-то сомнительным, но и ещё при встрече с моей учительницей английского, Ириной Александровной, не преминула несколько раз сказать:

– Какой мальчик! Как он язык знает отлично! Ну просто на удивление!..

Вот так я не выучил английский. Поскольку мне автоматом, заочно, как бы ни ответил на уроке, – ставили «пятёрку». Ведь это ж завкафедрой сказала! Она ж не могла ошибиться... Короче, как со скрипкой получилось... Когда я не знал нот из-за слуха. Наверно, и тут этот слух повлиял: я не нуждался в буквах, смысле, грамматике – о чём пелось... Важна была бесконечная, разлитая повсюду грусть-тоска, а они всё об одном и том же... О любви, конечно. Недоступной и близкой – протяни руку... Вот она, в мелодии, в сочетании бессмысленных по себе звуков, нот, наших душ и сердец...

Ленка уехала – и в эту пустоту, вакуум – в ту квартиру, где она жила, неожиданно переехали наши соседи сверху... Так мы снова пересеклись, ведь дядя Витя, военный, получил ту квартиру, как тогда говорили... Получил... Но эти окна по пути в школу – для меня остыли, гармония пути – исчезла... всё изменилось...

Позже, уже в университете – та же красота помогла хоть как-то восстановить пропасть, оказавшуюся на месте английского. Язык нам преподавала немыслимая красавица – Надежда Леонидовна – как будто сошедшая с фресок древняя красавица, с заплетённой до пояса классической косой, узором обрамлявшей её удивительно красивое всё – и фигуру, и лицо, и платья, и манеру говорить, будто царственно-величественную.

И мысли не могли не тянуться к этому идеалу, этому захватывающему дух – откуда-то спустившемуся существу, на пути к которому были препятствия в виде Perfect in the Past и прочих неопределённых артиклей. Язык мы считали нашим врагом, которого нещадно громили, разламывали до атомов, – не оставляя ничего нерешённого, непрочитанного, непройденного, – только чтоб вновь встретиться с этой красотой, чтоб хоть ещё одну пару побыть рядом, вместе, не ожидая ничего, бескорыстно... London is the capital of Great Britain – так начались мучения многих, многих в этом мире, застревая колкостями чужого

мышления в наших мозгах, которые мы, как рыбные косточки, обглаживали и вытаскивали, впрочем, потом забывая... Не имея возможности применить. Но быстро восстанавливая при любом случае, умея поддержать теологический разговор с заезжим профессором-протестантом о том, что всё у них не так – там, на Западе – «всё не так, как у людей»...

Без сладкого

Мы не знали, чем оборачивается идеальный мир, – в том, что искали, чудилась вечность, которой не было. Как-то через десятки лет нашлась и Ленка Соловьёва, но она стала уже другой, в общем-то не имевшей никакого отношения к той Ленке – хотя нет... нет... Она приехала в наш родной город – и пришла в гости. Не думаю, что приехала она для этого, просто – может, окунуться в тот мир. У меня уже двое детей, у неё – тоже... И никаким путём не сложить – несложившееся, а с другой стороны – где-то в уголке глаз – ведь всё живо. Причём тут то, нам неподвластное, вошедшее в наши судьбы? – где-то, пусть в уголке, что-то осталось?

Вот так же, когда папка вышел на пенсию, а мама ещё работала и не могла быть постоянно с ним, – он тосковал. Это было без слов, как-то молча, в глазах, в их глубине – что даже отмечали: ну разве можно так грустить? Мама не выдержала, бросила все дела, поехала туда, в деревню – и дальше, пешком, за несколько километров – туда, где он сидел с удочкой на реке. И вот прикосновения рук – было достаточно, чтобы соединить всё воедино, не только сказать, не только появиться...

Может, неосознанно, не зная, что ищу, – и я в детстве тянулся к такому же, разыскивал, – кто же, кто же будет вот так, всю жизнь, как папка с мамкой – рука об руку – путешествовать в вечности.

Хотя об этом тогда, в школе, не было ни слова. Может, и были – да не откладывались. Касались поверхности, а не сути, где ты один на один с миром, в котором, казалось, взрослые выбрали не то: не ту музыку, не тех друзей, не ту судьбу, хотя – просто это двигалось рядом. С другого старта, начала, которое и уловить-то ещё предстояло. Хотя вовсе не касалось того, в чём мы были вместе, – ловля рыбы, горсти брусники для поддержки сил, когда надо долго грести, чтобы успеть на автобус...

Папка был физиком, рука об руку – вот так же естественно, а у меня с ней не получилось, до отторжения, – но и тут мне повезло-не повезло – физику в школе преподавал мамкин-папкин друг, тишайший и добрейший Виталий Павлович, никогда не повышавший голоса, что бы мы ни творили. И, соответственно, поскольку у меня был такой папка – безусловный физический талант (почти гений, но на взлёте – подстреленный), то априори подразумевалось, что меньше пятёрки у меня быть не может. И я тоже сачковал на физике – тем более у нас в классе было кому задать жару, поэтому на нас и не отвлекались.

Вообще, мы естественно разделились по областям, в которых кто-то будет впереди. В младших классах, как в стволовых клетках, – из неё мог ещё вырасти кто угодно, потом пошло разделение – кто куда...

Поначалу математика шла вровень у меня с моим другом Серёгой – на школьном уровне мы делили первые места на олимпиадах. Но, возможно, в силу невероятной легкотни тех задач. На городских олимпиадах Серёга начал отставать, и там у меня появился другой конкурент – Волька Пименов, сын нашей местной знаменитости, соратника Андрея Сахарова – Революта Пименова (который потом, в 91-м, ещё и конституцию нынешнюю

писал). С Волькой мы бились уже не на шутку, тут приходилось включать какие-то свои мощности и резервы – и городская, и республиканская олимпиада были моими. Я лениво полистывал задачник перед этими событиями, конечно, заглядывая сначала в конец, в ответы, если не мог с ходу, в уме, решить задачку. И двигался к ответу, обнаруживая, что и в ответах бывают ошибки, опечатки.

Вообще, олимпиады эти нас выбивали из обычных ритмов, как спортсменов соревнования. Целый день, а то и несколько, ты жил без школы – другой жизнью, в аудиториях универа или пединститута. Тебе давали талоны на столовую, и, хотя дом был в трёх минутах от института, так нет – нас тянуло в очередь... Где среди здоровенных студентов мы со своими подносами – осваивались, приравнивались, робея от страха... Но в аудитории, за задачками, всё проходило. Они казались лёгкими – те задачки. Просто следовало поднапрячься, успеть уловить мысль и выложить на бумагу, да так, чтоб было понятно во всех сикось-накось навпростак, вспомнить ход мысли да ещё написать набело... С этим была беда – задачка-то решена, зачем ещё оформлять её уж слишком дотошно.

Потом, в универе, когда я написал диплом (за два дня), приехали гости, и мы гуляли-веселились, играли во что придётся и, прикорнув на раскладушке, за пару часов неглубокого дневного отсыпа – в голове сложился из хаоса некий путь, в котором осталось прояснить детали. В конце концов несколько страниц этих рассуждений о том, о сём, алгебро-топонимических, я оформил как диплом. И надо же – рецензентом стал снова Револьт Иванович, который сделал две вещи: похвалил, безусловно, за результаты, которых тогда ещё не было в мире, – и поругал за дебри оформлений, хотя мне-то казалось, что эти дебри очень даже стройно изложены. Ну, например, – как найти в тайге грибное место, как оно устроено, какие ориентиры... Уже потом, через несколько лет, я обнаружил в одном материалистическом журнале, что, условно говоря, три венгра и семь китайцев совместными усилиями тоже нашли эту полянку. И пришли к тому же выводу. И это, кстати, очень сильно подействовало – в плане вечного поиска смысла своих действий: зачем заниматься тем, что могут сделать три венгра и семь китайцев. Пусть они этим и займутся, – а ты должен найти что-то, чего никто не сумеет, ну точно никто...

Но это далеко потом... Далеко-далеко от пятиклассника с подносом в университетской столовой перед выбором – вареники или гуляш с гречкой, – ведь талоны-то на ограниченную сумму... ещё не хватало, чтоб нам платить за еду, когда дом – вот он, рядом... Хотя именно в эти дни взрослые, на всякий случай, давали нам монеты на то, что нам хочется...

Всё наше состояние, если уж говорить о совместной трате, – уходило на мороженое и сладости. «Кафе-мороженое» было в двух шагах от школы. Выходишь – а справа, за углом – нелюбимый мной музыкальный магазин (сейчас, конечно, ларёк неизвестно чего, мехов или продуктов). А в торец к нему – кафешка. Слева – зал для взрослых. Там – едят. А направо – маленький закуток, наш, где морожка, лимонад, пироженки – наше всё. Короче, мы были постоянными посетителями (без скидок) и, по-нынешнему, основными спонсорами этого заведения, когда оно не закрывалось на свадьбу или поминки, и натыкались на курящих на пороге взрослых...

Это продолжалось, пока Серый не умудрился написать про них в газету. Вообще, он, наверно, сам определил, что математика – не его. И пошёл другой дорожкой, где уже было протоптано: его брат работал в республиканской газете «Молодёжь Севера» – и вот там-то опубликовали опус Серого о том, как человек (это он сам) отравился соком в «Кафе-мороженом». После чего нам дорога туда была заказана. Если вычисляли, что мы из одной компании с Серым, то нас безжалостно выгоняли. А самого его, наверно, как особо разыскиваемого преступника – ещё на пороге вычисляли – и преграждали путь. Нечего

тут – писатели нашлись... – после них ревизии, проверки... Короче, у Серого пошло всё по литературной части, да и меня – в силу нашей дружбы – тоже стало туда затягивать. Не сразу, постепенно... Серый уже был звездой, авторитетом – сила его слов, оказанная на «Кафе-мороженое», являлась безусловной. Это была недостижимая для других вершина влияния. И мы вовсе не расстраивались. Тем более, что понемногу выросли из этого маленького детского закутка, ведь рядом, через три дома (хотя для детства и не рядом, конечно), находилась кафешка, одним видом выходящая к папкино-мамкиному институту... Короче, был простор – куда расти, куда двигаться... Наша стайка оформилась, совершенствовалась, молочные зубы давно повыпадали...

Мы уже были способны и на более радикальное – Серый сочинял стихи и читал мне их, почему-то не дома, а в подъезде, под дождь, стекавший по окнам...

Не забудь-ка про конец света

Постепенно школа перешла к обороне от нас – в начале учителя ещё справлялись с нашим классом. Иногда, правда, мы доводили какого-нибудь учителя, и тогда в класс влетал полный, раскрасневшийся, лысеющий директор – Игорь Иванович, которого за глаза наш народ безжалостно звал Пружинкой – за оставленную прядь посреди сияющей проплешины. Пока всё обстояло спокойно – она лежала мирно, но чуть ситуация разогревалась – мигмом непослушно взвивалась – было жарко, не до неё...

Дальше стало ещё сложнее – мы росли, развивались, постепенно разобрав предметы: кому – какой...

Мне, конечно, досталась математика. Учитель, уже не зная, как справиться, делил доску на три части: обычная «контра», усложнённая – для продвинутых и мне – отдельная. Я быстренько решал все три, раздавая необходимые решения. Лидия Ивановна призвала университетских преподавателей – но и они были нипочём, наоборот – я ещё сунулся на математический факультет университета и щёлкал там задачки, как орехи... Короче, несладко пришлось им, особенно практиканткам, пытавшимся с нами справиться с помощью программы.

Литература и русский – были вотчиной Серёги. Тут я умолкал. Галина Ивановна, которую мы звали «Галинушкой», – привлекательная, хоть и уже не очень молодая, но какая-то ладная, не сказать хрупкая, но небольшая и фигуристая учительница (некоторые даже заглядывали ей за вырез платья), – зная Серёгины возможности, иногда тоже напрягалась и краснела от надвигающейся бури... Вот Маяковский, или что там ещё. Серый уже наизусть знает не то что программу – до последнего их изучил – всех этих поэтов, взрывателей мира...

«Я лучше в баре...» – декламирует Серёга. Галинушка знает, что дальше нецензурное слово, – кому именно поэт-хулиган будет подавать напитки, – и краснеет, но сказать же нельзя! Это ж так – школа как раз место, где нас просят читать! А чтоб просили не читать – уже перебор! Она краснеет, веснушки её, тоже очень привлекательные для нас, выбегают скопом наружу...

– «Со льдом буду подавать ананасную воду!» – продолжает Серёга, заменив «б...м» на неброское «со льдом».

Мало того, что он знает стихотворение, хоть его, конечно, не задавали и не могли задавать, – но ещё и сам поэт – способен подправить хулиганистую выскочку со стихами «18+».

И это не одна такая «мина» в нашей литературе – и Пушкин, и другие заложили их повсюду: нецензурное, непристойное – всё равно вошедшее в полные собрания, которые мы штудировали тщательнее студентов-практикантов. Поэтому с нами старались обходиться очень осторожно: мы могли то, о чём не догадывался самый гениальный педагог-методист...

На физике у нас тоже образовалась партия забойщиков-вышибал, превращавших урок в поединок. Конечно, Виталий Павлович был не из тех, кого можно загнать в угол, – физику он знал – будучи из папкино-мамкиного поколения – будь здоров... Но всё же и тут мы выходили победителями: не нокаутом, так по очкам...

С химией вообще была беда от нас для школы. Дошло до того, что на нашем же уроке запирали лабораторию. Поскольку в физике для создания чего-то опасного надо всё же долго стараться: добывать уран, мастерить бомбу. А в химии: чих-пых! – и готово!

У нас образовалась устойчивая группа, которая без всякого интернета (до него было ещё лет тридцать) – изучала великое множество взрывчатых веществ и необыкновенных реакций. Стоило начаться лабораторной работе – тут же в классе начинало пахнуть извлечённым каким-то уникальным способом – запахом коньяка (ну, или клопов!) – хорошо не сероводородом!.. То из цветочного горшка вдруг полезет лилово-фиолетово-жёлтый вулкан непонятно чего... Короче, одна беда. Это ещё было безобидно, хоть и зрелищно.

Когда в классе появился Лепа, ставший третьим закадычным другом в нашей связке с Серёгой, – тут уж запахло жареным. Поскольку он вырос в семье с традициями несломленной русской мысли – будучи потомком репрессированного архиерея, папы-геолога, и мамы – преподавательницы английского, – читал легко нобелевского лауреата Лайнуса Полинга и запросто расшифровывал разные формулы бризантных, то есть взрывчатых веществ.

Беленькие порошки, щёлкающие при высыхании, бахающие под ножками стула нашей химички Тамары Александровны, которой Лепа сразу объявил войну, – это были цветочки... Ягодки пошли потом.

Усложнились формулы и способы получения этих самых веществ... Тут уже и девочки понесли урон, – наступив случайно на «упавшую» тряпку, предназначенную для стирания с доски, – чуть не лишились каблука!.. Некоторые из них, этих штуквин, – были уже на грани возможного. Как-то наши «химики» попросили похранить у себя пузырьёк, который случайно пролился. Прознав об этом, каждый считал своим долгом подойти и пнуть ногой несчастный портфель, внутри которого что-то взрывалось от пинка и дымилось, – в конце концов решившись туда заглянуть, я уже не нашёл дневника... Были какие-то ошмётки и обгоревшие деталюшки...

Дошло до того, что взрывом раскололо бетонную лестницу, выходившую на задний двор из столовой. Хотя химики и обещали нам «продолжение банкета», то есть ещё больший эффект – вплоть до разрушения мира, – нам пришлось идти на переговоры со школой, которая не могла допустить этого Апокалипсиса.

В итоге было достигнуто некое хрупкое дипломатическое равновесие: нас особо не трогают (а тогда, случалось, при входе в школу стоял директор и отправлял народ в парикмахерскую обстригать свои локоны, у кого они были под Джимми Пейджа, у кого под весь «Deer Purple»), а мы особо не разрушаем школу, имея чувство меры. Так что могло произойти наше коллективное действие, но уже без взрывов и ущерба.

Из учительской, думаю, было хорошо видно, как зимой мы, прогуливая ненужный нам урок, – играем в футбол на льду... Или как перед школой, где тогда ещё росли кусты и стояли скамейки, а слева за кустом находился магазин «Автолюбитель», – разыгрывались

уже взрослые игры в прятки – здоровых переростков в одинаковой школьной форме, которую мы иногда использовали для дезориентации водящего, – ведь, по правилам, следовало назвать того, кого увидишь, а когда ты накинул этот стандартный пиджак на голову да сел на корточки, – тут тебя ни по росту, ни по повадкам никто не узнает... И гонялся водящий по залу магазина между покупателей-обывателей, крутивших в руках шестерёнки от мопедов, с криками: «Серый, я узнал тебя! Серёга! Вот, это же ты, за прицепом!»

Мы, как молодое вино, как шампанское, выплёскивались в мир, обыденный и сероватый, – изменяя его по мере возможностей, избавляя от болезни рутины и уныния.

Но и тут нам давали по рукам, поскольку мы нарушали идеологические рамки. Не всё можно было терпеть, даже от нас, приносивших школе всякие там первые места и победы.

Новый год. Мы затеяли открыть своё кафе с названием «Апокалипсис». Кругом были аквариумы с плавающими в них надутыми резиновыми перчатками. Посреди сцены сидел бесстрастный Юрий Боровлев – прозванный нами, конечно, Борманом: «Петя Борман – нос оторван! Вместо носа – папироса!» Папиросу было нельзя. Он ни на кого не обращал внимания – сидел и наигрывал что-то меланхолическое на аккордеоне...

А на картинах, изображавших задний вид этого несущегося куда-то кафе-автомобиля, мы с Серым запечатлели атомный взрыв, от которого мчались и не могли уехать...

Увидев это всё, директор чуть не упал в обморок и решительно настоял – кафе переименовать, свет – включить... – ну, хотя бы «Ромашкой» назовите... Мы, обидевшись смертельно, переименовали заведение в «Незабудь-ку» и удалились... переодевшись при этом в серые холщовые мешки, изображая «Слепых» Босха, – вторглись на дискотеку, где слепо шарили по девчонкам... И падали цепочкой, потом поднимались...

Как-то так шли и шли школьные дни, становясь всё короче, сжимаясь вовсе не по Эйнштейновски, по-другому всё, абсолютно всё. Слепые вожди слепых вели мир к прелести...

Одинокие герои

Не то чтобы мы хотели каких-то разрушений – быстрое испепеление мира было и в этой взрывающей химии, и не менее опасных, бурливших идеях. Нас постоянно пичкали тем, что «весь мир насилья мы разрушим», – под миром насилья мы воспринимали всё ветшающее, отживающее, не успевающее за нашей молодой силой. И уж тем более устоявшиеся, бетонные, твердостенные глыбы всех этих политэкономических учений воспринимались нами как промывка мозгов. Шла неведомая им самим духовная гроза, в которой следовало ориентироваться, – и вот эти наши стихи один на один, да и кружение по городу с какой-то книжкой, которой нет в перечне, – были нашей твёрдой опорой. В ком? В чём? В себе?

Где-то после шестого класса мы попробовали вино. Скинувшись, кто сколько смог, мы купили бутылку чего-то яблочно-алкогольного за рубль и две копейки. Пригубив и переглянувшись – смертельная кислятина! – мы даже не сговариваясь решили, что нам ещё не надо. Вылили в умывальник всю эту неприятную жидкость, которая, как ядовитое зелье, скрутившись в водоворот над сливом, поползла туда, вниз... Туда ей и дорога.

В библиотеке – уже никак не интересовали нас детективы и прочие развлечения, разве что зарубежные, и то – с одной целью, ухватить там кое-что по одному вопросу – женскому! Как там у главного героя – хмурого и курящего детектива с ними... Сам сюжет был менее интересен, поскольку и так ясно – это словно задачник: раз есть начало, то в конце будет ответ.

Я где-то в глубинах юношеской библиотеки выискивал какие-то древнекитайские переводы – не долгие нудные рассказы ни о чём, о жизни крестьян и битве за рис, а короткие стишочки эпохи Тан или что-нибудь ещё в этом роде. Короткое, как пистолет, помещающееся в карман брюк, если идёт дождь.

В городе было где спрятаться – чужие подъезды, на Аллее героев, перед Домом печати – находились густые заросли, в глубине которых стояли скамейки, да и перед школой – то же самое... Действовали какие-то силы, сдвигавшие скамьи в самые укромные места, – но эти силы, наверное, выползали больше к ночи выпить бутылку зелья, наверное, не яблочного, а «плодово-выгодного», как тогда говорили. А дождливыми сумерками там было пустынно, и мы лили в душу что-то настоящее, как «Над пропастью во ржи», – ища после этого отклика в мире и – не находя.

Серёга затянул меня в пресс-центр, где собирался народ, пописывавший что придётся на развороте молодёжной республиканской газеты. Тем же составом мы ходили на просмотры некассовых фильмов, на которые охотилась городская интеллектуальная элита – художники, очнувшись от работы и запоев, учёные, народ из министерства культуры... То в пожарке, то ещё в каком зале, иногда в кинотеатре «Родина» – открывались миры Тарковского, ну и далее по списку, тогдашнего арт-хауса или классики, считавшейся у нас запретной. «Пролетая над гнездом кукушки» – считался как один из гималайских восьмитысячников, на которые мы взбирались, – если бы это были горы...

Постоянный поиск – словно рыбы, процеживающие сквозь жабры всю муть, – и наши суждения были огненными и гневными, поскольку только так следовало отстаивать правду... Где-то там, в иллюзорном мире, виделось только нам предназначенное нечто, к которому мы тянулись, – и в этом были наши абсолютные ценности, которые мы не умеем толком объяснять, но защищаем – горячо, иногда даже сталкиваясь друг с другом.

Столкновения могли быть и кровавыми. В этом футболе за школой, на ледовом поле, – если с Серым мы оказывались в разных командах, – то частенько игра заканчивалась нешуточной потасовкой, до крови, до смертельных обид и нескольких дней безмолвия. Хотя с Серым нам было нечего и некого делить, кроме этого поля...

Общих интересов к девчонкам у нас не имелось (не знаю, как у них к нам, – до сих пор не знаем, кто в кого влюблялся...). А если же мы играли в одной команде, то ломали остальных – просто тотальным напором, даже когда счёт был безнадёжным...

Молодая сила, стайное сознание – мы чувствовали друг друга – и побеждали.

Зная это, народ хитрил при делёжке на команды – тем более, что кроме футбола над полем стояло постоянное, как туман, облако комментариев:

– Вован-Осман попёр! – Это Вова Осьмачин, не спортивный, но упёртый, двинулся вперёд, пытаюсь проточить нашу оборону и увязая в ней неизбежно, без поддержки, без партнёров.

– Лёха, пас! – Лёха играл совсем неуклюже, и даже не играл, а так, изредка попадал по мячу.

– Иванчик! Ваню! Борман, что творишь?

Что творят команды... Гол! Штанга!

Озеровские комментарии из телика мы тоже вставляли в свой постоянный общий комментарий игры.

– Саня! Гольчик! (немец Сашка Гольц, маленький, юркий).

– Игорёшка, пас, пас! Ё-моё! – и другие выражения, кто у взрослых что подхватил.

Огромный Паша! Серёга Пашин, хороший баскетболист, хотя по фигуре скорее крепко-штангист, в тандеме с Гольчиком – выходили на твои ворота, и тут нужно было всё

умение, чтоб растянуться и отбить удар (которые иногда запоминаются на всю жизнь больше, чем мировые достижения каких-то там звёзд). Вот он – звёздный твой час – тебе пробили в угол, а ты – хоба! – сложился, словно перочинный ножик, – и – угловой!

К вечеру этот шум смолкал... И нам, понятно, надо было домой, но – день ещё не окончен... Ленка уехала, но теперь уже другая девчонка, хотя бы из параллельного класса, будоражит что-то у тебя внутри – и надо же делать крюк – пройти хотя бы мимо окон на первом этаже, в которых горит свет... И, наверное, она вот сидит, что-то читает там – а могла бы, могла бы – не знаю, ну хотя бы выглянуть...

Вообще, это просыпалось само собой, спонтанно... Как-то после пятого класса меня почему-то не могли долго забрать из деревни в город. Уже начались занятия, и я ходил в школу к бабушке в Визинге – но там после первых же занятий – всё отменяли. И нам приходилось выходить в поле – помогать совхозу собирать картошку вместо учёбы.

Для сельских это была обычная практика, а для меня – и так считавшего всю возню с картошкой – каторгой! – первые дни, конечно, казались мучительными: один, без друзей, в окружении профессионалов, собиравших ведро картохи за секунду! Махом! Как пылесос! Пока я возился со своими, будто бездонными, ведрами, ещё больше от того впадая в меланхолию и тоску. За собранную картошку даже обещали платить – по сколько-то копеек за ящик. Но что мне эти копейки... А для ребят, конечно, это было и привычно, и близко.

Но в один миг всё стало другим – и труд стал входить в привычку, и, главное, исчезла эта тяжесть одиночества, висевшая как глыба. Мы присаживались на ящики и обменивались взглядами – и рядом была такая удивительная, красивая девочка – Валя Бобкова. И жила-то она недалеко. Так что теперь на этой картошке – стало легко, а у бабушки, дома, лёжа на диване и уткнувшись в стену, – ты разрывался от какой-то неизвестной ранее тоски и горя – скоро уезжать... И вот Валя рядом, через дом... И что? Вот эта тяга, впервые осознанная в жизни, – и есть любовь? Вот этот огонь в груди и есть некий подарок, воспетый поэтами? Ох, что-то в этом есть...

И вот уже перед самым отъездом идёшь по улице, а из подъезда другого дома выбегает другая девчонка – и как-то мельком обнимает тебя... Что-то пролетает такое... Короче, ничего себе место – тут так легко увязнуть... В город, надо в город... Так и не сделав пару шагов до соседнего дома, с этой неразрешённой тоской в груди, которая вроде и вечна, а прошла в городе за пару недель... Как болезнь...

Ядерный человеческий реактор

Конечно, походы в универмаг за пластинками не ограничивались «Менуэтом» Боккерини или «Временами года» Вивальди – всё, что рядом, – тоже исследовалось – от японской музыки Гагаку и до разных песнопений – из потёмок моря классики вышли и обосновались, заняв своё время и место, конечно, Бах, отчасти Вагнер – не весь, с его буйством красок и половодьем райских чувств – но вот «Летучий Голландец» – да! То ли хоршее исполнение (вообще, в этом отношении всё было как надо), то ли эта бесконечная, непрерывная мощь – без особых уклонений в разные стороны – привлекла к нему. К этой поступательной неотвратимости борьбы жизнелюбцев-танцоров с порывающейся мощью невидимого Голландца – короче, это можно было слушать не один раз... Моцарт? Его поп-напевчики? Ну, только отчасти, что-то более мелодичное, хоть и хаотичное по сюжету, как «Волшебная флейта» или та же мощь мрачного «Дон Жуана», – но на этом всё. Зато Бах – был почти весь, кроме тоже уж слишком приевшихся органнных или слишком минорных

хитов... И кусочки Бетховена, не его всякие там сонаты с кусочками симфоний, шагавшие по нашему сознанию той же мерной, монументальной поступью, которая потом уже прорывается неприкрыто, откровенно, яростно.

Наши северяне, чуть дальше от нас – но уже за Полярным кругом, – могли вообще, остановив на улице кого-нибудь, спросить: чё слушаешь? И если это было что-то типа «Модерн Токинг», – могли тут же накормить его этой же плёнкой! Только «Асепт», только «АС/DC» – ничего легче нормальный человек не может слушать. Правда, по рассказам, там иногда – уже позже, на грани 80–90-х ситуация была совсем уж жёсткая:

– В память о Ваське с северного потока, погибшем на прошлой дискотеке, мы сегодня слушаем «АС/DC» – «Balls to the Wall»!

На следующей дискотеке:

– В память о Коле, убитого на прошлой дискотеке, – слушаем «Асепт»!

Это для нас всё же был перебор... Да, там у них в Воркуте то полная темень в полярную ночь, то солнце вообще не заходило... Кругом – тундра, где даже летом на дне речки лежал тяжёлый, никогда не тающий лед. Куда деваться? – только подвалы, только железо, только движуха и общение – как котёл с ядерным северным человеческим топливом...

У нас всё же помягче, хотя и мы «разбойники Крайнего Севера», но мы не вертелись в этой ситуации постоянного общения. Хотя вкусы, конечно, не в песенке, формировались под влиянием друг друга. Диско, удел дискотек – я отрицал полностью. Но некоторые – шли на компромисс. Игорь с Олегом, который в отличие от меня играл на чём угодно, от валторны до гитары, – уже в то время подрабатывал в ансамбле «Северянин», не говоря уже о том, что на школьных дискотеках они давали жару, переиначивая зачастую слова песен. И со сцены неслось то «Варвара жарит кур» – всё равно учителя не так продвинуты в языке и не отличают «Boney M» от остальной безликой массы диско, то, перекраивая по-русски слова «Чингисхана», неслось: «Сык-сык-сыктывкар! Это название трудно произносится».

Уж не помню, чей там хит был «Sunny», – его же перепели в «Маню»: «Маня! Не в свои ты сани не садись! Маня! Приехала учиться, так учись... И в Визинге славной, и в Сыктывкаре я пою: Маня, я тебя... Ай лав ю!»

Эти вольности, на которые закрывали глаза, не из-за того, что мама Олежика была замминистра культуры (которая потом мне много помогала) – скорее, взрослые понимали: хоть тут и не Воркута, но их столько, что если слишком закрутить гайки, то рванёт революция, которой ещё не было! Вот мы и ходили по грани – «можно-нельзя», как по лезвию... Правда, иногда взрослая железобетонность врывается своей поступью в наш мир...

Иногда неожиданно, вдруг – как известно, когда её совсем не ждёшь...

Шкет из классов помладше, Гагарин – учудил... На Аллее Героев недавно открыли памятник, который народ прозвал тут же «Три бабы жарят крокодила»: там три женщины держали, протянув руки, длинный венок, и так получалось, что этот длинный свёрток, походивший действительно на тушку крокодила, – был расположен почти над Вечным огнём... Так этот Гагарин однажды с компанией одноклассников взял и собрал рядом стоявшие венки и цветы – и бросил их в огонь – посмотреть, как они горят... И потушил его...

Директор тут уж не просто покраснел. Это пахло идеологической диверсией. Спасла Гагарина не фамилия и высокопоставленные родственники, а, скорее, его простодушные оправдания, в которых не было ничего террористического:

– А что... Я же не знал. Нам же говорили, что он «вечный». Как же он мог потухнуть?!

Да, в этом оказалась промашка... Действительно, на политинформации (было такое

перед уроками) приходили комсомольцы, которые и рассказывали про открытие этого нового городского чуда и про вечный огонь.

Как бы то ни было – но гроза миновала. Обошлось.

Гагарин уцелел. И история превратилась в сказку. А мы – посмеялись и забыли, окунувшись вновь в свою атмосферу – поиски, музыка, что там с девчонками...

От моего неприятия диско – я во многом был бесполезен на всяких наших классных дискотеках. Магнитофон я притаскивал, но норовил поставить что-то медленное, интеллектуальное, грустное, как композиции на полчаса из «Meddle» Pink Floyd'a, поэтому народ оттеснял меня от магнитофона.

Но хоть что-то побыстрее! Хотя бы Space! Но этого у меня не было...

В Воркуту меня можно спокойно отправить! Я её помню, морозную. В пятом классе, распрощавшись с музыкой, я записался на баскетбол. И в седьмом – мы, сборной города – поехали «на республику» – в Воркуту, зимой, где солнце только чуток показалось из-за горизонта и спряталось...

Центр города, папкин горный техникум – всё такое имперское, монументальное – оказывается, из того гранита, что Гитлер заготовил – обновлять Тверскую улицу в Москве – исполненное питерским архитектором, сосланным к нам. Короче, тот же Питер, только за полярным кругом. Республику мы выиграли, хотя я большую часть просидел на скамейке, – и оттого вкус победы был разбавленный, как сок в столовой...

Но мне хватило – города, мотели, постоянные толпы... А победы иногда бывают и не очень сладкими. Я помнил ещё по городу, когда нам приходилось играть за школу с какой-нибудь другой, имевшей не такую уж светлую репутацию... Как в 38-й...

Мы выигрывали. Но при этом обстановка вокруг становилась всё более накалённой. Нас предупредили – не надо у них выигрывать на их поле, но мы же не такие – не послушались.

И получили по полной после матча, выйдя на улицу. Началась драка, и тут уже из командного взаимодействия остались максимум тройки или парочки, – которыми мы прорывались на более безопасные улицы, все в кровавых соплях.

Ну что ж, вот это победа.

Пусть приходят к нам... Мы себе такого не позволим. Тем более – у нас была некоторая «культура» в этом отношении – в старших классах ходили верзилы, признанные асы, игравшие уже в университете, – Эйгус, Садовский... Все на одну причёску – с длиннющими волосами... и с такими же вереницами поклонниц вокруг, даже наши младшеклассницы, смотревшие на них, как на молодых богов, спускавшихся с небес по центральной школьной лестнице. До них нам было ещё далеко, очень далеко – мы знали своё место – на скамейке запасных. Это пока, пока...

Музыка, грустная пицца

В жизни взрослых тоже были какие-то проблески этого особого внимания – к музыкантам, кому-то там ещё... Вообще, эстрада для меня существовала в безусловном минусе – никакой зависимости от этих громких имён исполнителей.

Вот только пробуждение чувств к той девчонке в Визинге совпало с тем, что в гостях у добрейшей тёти Вали, в их доме на горе, у Шурика, своего двоюродного брата, – я услышал песню, которая совпала своим звучанием – с моим состоянием... В ней говорилось о недоступной «звёздочке моей ясной» – с такой тоской, и я готов был утащить у Шурки эту

виниловую мини-пластинку, ну или обменять на что угодно. И вторая песня – про цветы: «в час раздумий наших и тревог, в горький час беды и неудачи...». Что, понятно, близко мне, шестикласснику – по полной безнадежности, смертельной, с которой связана нераздельность чувств... Это прошибало, а не роскошные концерты по телику.

Хотя, как ни странно, в деревне всё, что казалось важным, – бесконечное величие Баха или мелодичность гитар «Hotel California», – не вспоминалось ни разу. Будто смерть отступала перед жизнью. Все эти песни были её путями, путями смерти – это уже откроется позже; «смерть упасает их» – как говорилось в Псалтири о безнадежных ситуациях.

Мы оказались в обратной перспективе. Если многие поколения предков образование своё начинали с Псалтири, её образов, – то мы пробирались сквозь кущи и заросли, зачастую плутая в дебрях определённого слоя западной литературы, – тот же Сэлинджер, который, словно перекус в забегаловке, – на какое-то время питал нас, пребывающих в попытках изложить что-то новое, защитить даму-правду от искажений и искривлений. Мы искали правды. Благословенной. Одетой в одежды гармонии. Явной и прекрасной. И она вновь чудилась в какой-то долгой мелодии, под которую хотелось бесконечно кружиться в медленном танце у девочки на дне рождения. Эти неразрешённые вопросы, о которых нам вообще никто ничего не говорил, – о мужском и женском началах и вечности, в которой уж не женятся, не выходят замуж, – мы стали первооткрывателями. Нам не у кого и нечего было копировать. Кроме чистоты отношений. Взрослые говорили нам, что измены – безусловное зло. Тем не менее насаждали нам Павликов Морозовых. Это как курящие отцы предостерегали нас не курить.

С этим злом нам пришлось разбираться отдельно. С возрастом оно входило в наш круг всё больше: мелькавшие повсюду образы печального рыцаря с прилипшей в уголке губ сигаретой – неотвратимо делали это признаком свободы, раскованности, интеллектуального превосходства.

И это связано со смертью. Нас возили на экскурсии на биофак института (или университета, я не помню, хорошо было, – когда существовали два крупных вуза, выбор) – не суть. Там мы увидели всякие экспонаты. В том числе, видать, для нас – школьников по возрасту (не по внутреннему состоянию, что вы!), – демонстрировали помимо минералов – лёгкие курильщика... И это была явная чёрно-коричневая смерть. И всё равно курили, – задыхаясь, расплачиваясь своей жизнью, внося в неё смерть, – как сознательное состояние: а что ещё делать в отсутствии смысла жизни, когда твою грусть, пощипывание гитарных струн не слышит никто... или слышит?

Экскурсии в младших классах, конечно, были праздником. Особенно в тот маленький музей рядом с городским парком, – где стояли за витриной застывшие подсвеченные фигурки, – предки охотятся на мамонтов... Ещё приближаясь к музеям, мы шептались, – свернём ли к этому, вроде неказистому, но более любимому, чем долгие ряды почти одинаковых скребков, копий, ножей, пик, – все на одно, изрядно потрёпанное временем лицо.

А в том, маленьком – теплилась пусть искусственная, но такая близкая, как эти застывшие фигурки, – жизнь. Только бы не было обеда, перерыва... Только бы не было закрыто...

Собрание того, что уместилось в одну эту маленькую избушечку музея, – было пёстрым: от бытовых мелочей до чучел животных, которые осматривались нами, малышкой, – с трепетом и неким страхом, – вдруг этот волк, оскаливший зубы, – как щёлкнет всё же ими... Раз в жизни и такое бывает.

И в этих застывших утках, фигурках рыбаков – было какое-то согласие с миром взрослых, та же игра, только на иной лад, с прошлым, в котором герои восстаний и войн оставляли свой отпечаток, слепок, и живой мир, деревенский, и таёжный, – пусть в виде опрятно

стоящих прялок (а не валяющихся на чердаке) и чучел, – говорил о том, что этот мир был и, похоже, что есть ещё, тающий и исчезающий, как огонь костра.

Став взрослее, – позабыли мы и этот музей, обратившись к миру, в котором ждали чуда. Девчонки млели от «Одинокого пастуха» или чего-то попроще, максимум какого-нибудь Lazgo в концерте Марченко для гобоя с оркестром, – но всё это, всё, абсолютно всё – забывалось там, у реки...

Плывёшь с папкой на лодке, тишина – и вдруг мелодия пугачёвская прорывается сюда: «Снова тучи в стаи собираются... До свидания, лето, до свидания...». Это как? Это почему? С какой стати Пугачиха, сознательно не принимаемая ни одним из нас, – прорывается сюда, в этот мир, словно из магнитофона, выставленного динамиком наружу?

Стоило только журавлям закружиться и в поисках своих собратьев – начать кликать своих из-под низких серых небес, – эти строчки хватили за горло, за сердце, – да неизвестно, за что она могла уцепиться... Остальные же об этом не пели, не говорили людям об этой журавлиной тяге туда, в другой мир. Мы сами, как эти журавли, – и я, бабушкин наследник, чьё прозвище до замужества было Тури (журавль), – тоже был немного им?

Просто не хотелось окончания осени. Не хотелось вновь впрягаться в школу. Где ставишь будильник, только чтоб не отдать лишнюю минуту сборам, за пять минут до звонка вылетая из дома. А тут – наоборот, без всякого будильника я готов вставать во сколько угодно, делать что угодно, лишь бы вот так плыть и плыть – до бесконечности, за папкой, или впереди него, – никуда не приплывая...

Это уж потом, когда в машине можно было выбирать, какую музыку взять в дорогу, – берёшь с собой и Баха, и одинаково прекрасный женский голос, печально падающий откуда-то потоками: «Un break my heart...» – под которые дорога тоже становилась бесконечной... Ехать бы вот так, ехать, останавливаясь иногда, перекидываясь парой слов с незнакомой девушкой у дороги, вынесшей свою малину, – и не приезжать никуда...

Так казалось, что это движение – по реке, по дороге – как некое лекарство, исцеление от болезней мира, в котором есть ли место тебе. И, лишь очистив сердце, – видишь, что ты никогда и не сходил с этой дороги, поддерживаемый, – когда спотыкался, окликанный, – когда заблуждался, исцелённый – в болезнях... В конце которого безмолвие становится желанной музыкой, желанной для души, избавившейся от страхов, пристрастий, интересов...

«Для нас, живущих любовью» – это кортасаровское окончание фразы, начатой в названии...

Первые утренние минуты, когда ещё возлежишь, – это молитвы о здоровье, упокоении... И дальше плывёшь против течения, навстречу солнцу, скрытому за облаками, – мерные движения весла и слова, движущие нами: «Благословен еси, Господи, научи мя оправданиям Твоим». И такая же бесконечная дорога, имеющая таинственные пределы.

Загадки юношеской природы

Как молодая зелёная поросль, – мы росли в разные стороны. Мы не знали – откуда мы, куда мы идём, открывая всё заново, даже некую таблицу умножения отношений, – считая весь предыдущий опыт – отжившим...

И эти мерные челюсти быка-города, жующего безразлично траву (природу) и народы (тех, кто постарше), – мы готовились сокрушить.

Мы были более чем самоуверенны, – как спартанцы, только наперевес с современным, неведомым вооружением.

Если в детстве ты представлял, как залёг рядом с Леонидом в Фермопильском проходе, – и косишь, и косишь эти полчища персов, – то теперь мы, новые Гераклы, Одиссеи – выросли для своей битвы. Да, с гитарами наперевес, – но ещё более нестигаемые, чем прежние воины. Войнушка закончилась. Началась серьёзная жизнь, полная вдохновенной битвы с Левиафаном. Каждого уже было не догнать. Игорёк с Олежиком, поднаторев в ресторанном быте, – затеяли новую рок-оперу. Слова были, конечно, за Серёгой, и сюжет. А мне, поскольку гитары оказались заняты, да и я ещё не освоил её – да и всё остальное, – досталась коробочка из-под обуви. Рок-опера о золотой рыбке венчалась композицией, в которой была загадка, – как же открыть этот замок от мира, рефреном повторяя: «Замок! Замок», – удаляясь вдаль в единственной магнитофонной записи этого шедевра...

Реальность была обличающей. При всех дружеских отношениях (Игорь вообще переехал к нам – его родители получили квартиру буквально через дорогу) – мы натыкались на непонимание. Какие-нибудь из-под полы подкидываемые (настоящие!) пласты Black Sabbath или Nazareth привлекали наше внимание больше, чем всё в мире.

– Сколько?

– Семь рублей... – небрежно ронял Игорёшка, когда ты вертел в руках нечто сокровенное (как сокровища в детстве, только для выросших оглобель).

Deep Purple, Machine Head... и ты бегал, и собирал эти семь рублей, и приносил ему – и как же было стыдно, что ты, даже не зная этого сленга, спотыкался об эти неприступные вершины, в которых некоторые уже спокойно обжились:

– Ха! Ты что? Это ж семьдесят рублей! Ну ты даёшь!

И ты уходишь озадаченный – не может любовь к музыке стоить так дорого. Или может? Короче, лучше, как обычно – попросить просто переписать. И даже это переросло в ритуал: надо договориться, принести чистую бобину – запас которых тает, тает... и новые не привозят. А записать на старую – это риск: настроишь чуть не так, и стирающая головка не сотрёт, – и запишешь поверх прорывающегося старья – всё насмарку... Девчонки, наверно, не знали таких мучений – у них было своё – платья там... причёски, ну или книжки. Что с них можно взять?

Короче, вход в музыкальную секту стоил дорого, а выхода – вообще не было. Человек пропадал в загадках, напевая: «He's on dead train» – так и не зная, что воспевает свою смерть, считая Оззи своим неведомым другом. Стоило только прикурить, прикрыть глаза – и этот путь обретал смысл.

Взрослые мерились хрусталём и пластиковыми люстрами. Мы, – отвергая корысть, – чем-то хоть чуть-чуть иностранным: жвачкой, пакетами с яркой картинкой (у меня был с равнодушным курильщиком-ковбоем, который с каждым днём неизбежно стирался... и твой какой-то внутренний статус сыпался). Но внутри, в сердцевине, при всех этих стайных привычках мы знали, что мериться можно только невидимыми, но реальными достижениями.

Лёшу к нам перевели из другой школы – мы уже к седьмому классу выросли такого роста, резко перемахивая оставшиеся на косяках отметины наших осенних замеров: «как ты вытянулся за лето».

Но Лёха нас обошёл давно и иногда со своими замашками выглядел, словно оказавшийся среди детей старичок из «Сказки о потерянном времени».

Мы ещё жили какими-то развлекавшими нас телевизионными зрелищами: то «Приключения жёлтого чемоданчика», то Электроника, то девочки из будущего, а он уже давно из мира фантастики шагнул в реальность...

Наверно, сама его семья в этом была особенной: его мама, тётя Наташа, когда мы приходили в гости и запирались в Лёхиной комнате, – делала для нас поднос с бутербродами, которые мы быстро сметали, – и садилась слушать под дверь наши споры – об устройстве мира, о государстве, о том, что непременно нужно изменить и кто наш враг...

Этот разговор не заканчивался. Формально, конечно, мы собирались поиграть в преферанс, послушать дурацкую Лёхину музыку – у него была лишь лёгкая, летучая – химик, что возмёмшь. Покурить Лёшкины контрабандные длинные «Phillip Morris» или «Winston», которые он каждое лето выменивал в Новороссийске у матросов на целый год. Но это – лишь канва. Тётя Наташа слушала под дверь (как мой сосед сверху – магнитофонную музыку), а наши яростные речи были залогом того, что ещё не всё потеряно.

Их история казалась загадочной – семья ссыльного архиерея Русской Церкви, не принявшего советскую власть. Пожилая бабушка Таня в другой комнате, почти не выходившая к нам. Лишь терьерка Гери врывается в нашу комнату – потереться своей жёлто-коричневой каракулевой бочиной о Лёху, выманить его на прогулку...

И, закончив играть, мы, недовольные тем, что ничем, опять ничем закончился наш разговор, – расходились. Кто куда...

Я – к Тане.

Уж не помню, как мы смогли познакомиться. Она была из параллельного класса. А это препятствие казалось сильнее, чем пара лет разницы для младшеклассников.

Никак не припоминаются эти пути. Я – «а»-шник, а она «г»-шница. «Г» класс был менее обречённым в нашем сознании, чем другие. У нас сосредоточились больше интеллектуалы – ну вот так получилось. А в старших классах из нас сделали маткласс, собрав, конечно, не только математиков, но всех, кто продвинулся куда-то. В «Б» классе учились в основном спортсмены. Наташа Александрова потом перешла к ним – высокорослая, двигавшаяся по баскетбольной линии давно и уверенно. «В»-шники были какие-то наиболее далёкие от нас, что ли. Но с ними училась одна из супер-красавиц – Марина Самунова, к которой я однажды попал в гости. Вот только на выходе меня окружила стая «в»-шников, и как бы невзначай один обронил, что не надо ходить к Марине в гости, к ней ходит другой – вон тот вот «альфа-самец». Короче, десятеро против одного.

Это была, конечно, сила, которую легко бы получилось переплюнуть – у северян это как раз в характере – упрямство: ах так! Назло буду ходить! Но это упрямство не выпятилось, поскольку сама Марина повисла на руке этого рыжеватого верзилы, взявшего для пущей наглядности всё мужское население класса. Нет так нет. Просто Марина сама даёт знать – пусть будет как есть.

Это всё происходило даже без слов. Молча и целомудренно, без битья морд и особой крови. Обходились малой, внутренней кровяной...

Короче, не знаю путей своих к Тане... Она жила от меня почти через дорогу, в этих деревянных двухэтажных домах для институтских (временных, построенных с надеждой на перспективу неизбежного коммунизма, который вот-вот наступит, и будет всё – и дома, и квартиры, а пока – вот эта деревяшечка). От проспекта, Октябрьского, бывшего раньше более родным Гагаринским, но почему-то переименованным, нас отделяла пятиэтажка – тоже некое коммунальное общежитие с торчавшими наружу динамиками магнитофонов. За ним – сам проспект (я-то, названный в честь Гагарина, конечно, не принял безликого названия – Октябрьский... Ну и что, октябрь чем лучше? Ноябрьской революцией? Самим-то не режет слух?) – на той стороне, слева, баня № 4, где раз в неделю минимум мы с папкой, выстояв очередь в выходные, парились... Рядом – дом Игорёшки, и следующий – Танин. С подъездами внутри...

Ну как я мог там оказаться? Не поймёшь, загадка еkkлесиастова... Но раз «г»-шники, увлечённые чем-то другим, её не отбили – значит, следовало действовать... Но как? Ещё одна загадка. Видно, отгадка была в бездне Танькиных чёрных южных глаз...

Новые горизонты

Мы двигались по разным направлениям: от Маяковского – к Есенину, от развлечений – к любви, от шума города – к тишине и покою рек и лесов. Если раньше – учили стихи за пять минут до урока, чтоб рассказать их, нажимая на могучую поступь ямба, подглядывая в раскрытый у товарища на коленках учебник. Хватал «пятерик», незаслуженно, конечно, по сравнению с «зубрилками», – на лету, как молодые волчата с хрустом перекусывали все эти цыплячи крылышки школьных заданий. Умея уже запоминать не то что целые куски, – а окунаться во внешкольное цитирование.

Борман как-то проник в студенческий театр в университете – там уже был наш долго-вязый Эйгус, тоже, оказывается, живший не одним баскетболом... И из этой метрополии в нашу школьную провинцию высадился свой десант – Дора.

Вообще, заместителем по воспитанию в школе была женщина с очень говорящими инициалами – Суламита Овсеевна Попупещт. Крупная, отдышливая и тем не менее – очень подвижная. Хрупкая, тонкая Дора была её дочерью. Что могло быть противней? И эта Дора организовала школьный театральный кружок, будучи сама из того же студенческого театра.

Для нас, зажатых и закомплексованных в отношении публичности наших действий, этот театральный кружок, как клин, вышибал нашу неуклюжесть.

Поскольку в школе зимой было холодновато, то мне приходилось выходить на сцену в валенках, к тому же постоянно забывая текст, зацкливаясь на каком-то круге, из которого не получалось выбраться, – всё же школьные привычки давали дурной результат – тут за пять минут не выучишь. «Онегина» приходилось читать. Конечно, весь роман поставить было невозможно – Дора сама всё резала на кусочки, склеивая наподобие «Ридер-дайджест». Этот облегчённый «Онегин», может быть, и привёл меня к Таниному порогу.

Там, в этом кружке, тлели межклассовые противоречия, которые были посильнее, чем у пролетариата с буржуазией.

Сами слова Пушкина рождали неприятие, протест – «там некогда гулял и я, но вреден Север для меня» – он рафинированный Питер считал Севером. Что бы он сказал о нас, приравнённых к Крайнему Северу? Эх, ты, Сашка...

«Пир во время чумы» – своей ритмикой, поползновениями западного разума разгуляться – тоже вызывал и внутренний протест, и неприятие, и... некое желание покуражиться в этом торжестве смерти. Что-то схожее с математикой было в этих пушкинских «трагедиях»...

Но самое важное для нас, конечно, творилось не на сцене, а вокруг – в гримёрке, где мы резвились как могли, подшучивая по-юношески, то есть без чувства меры, друг над другом. Питаясь романтикой и немного – друг другом. Борман вообще жил на чердаке, удрав из дома. Мы веселились, выстреливая свои самые лучшие шутки за кулисами, от которых, может, становилось легче Борману, у которого дома дела-то были далеко не очень.

Точно, оттуда она: «Татьяна, милая Татьяна...» – из письма её Онегину, которое мы репетировали разными составами, ощущая при этом всю эту неловкость лицедейства, – выходит, мы не единственные: так может кто-то другой с кем-то другой – и лучше и чище. А твоё место – опять на скамейке запасных.

Похоже, и Борман там же узнал тропинку к Таниным окнам... Поначалу я один мотался к ним, сидел с Танькой на лавочке под присмотром её родителей или, проникнув в их дом, – у неё в комнате опять же с открытой дверью, максимум разглядывая её небольшой аквариум, сталкиваясь лишь взглядами.

Первая попытка поцеловаться наткнулась на местное сопротивление:

– Ты что?!

У Тани была подруга, жившая в соседнем подъезде, Лариса Смирнова. Новый год мы договорились проводить у неё, вернее, встретить, но провести время надеялся в некоем медленном танце с Таней, для чего принёс магнитофон, отобрав самые грустные и длинные композиции – «Pink Floyd», конечно, ну и по мелочи... Никакого диско и уж тем более эстрады. Это же не дискотека.

Но всё пошло не так. Танцевала со мной Лариса, попутно объясняя, почему Танька стоит у балкона и смотрит в окно. Её квартира выходила на проспект, где в Т-образном перекрёстке в нос упиралась улица, на которой стояла военная часть. И вот некий «воин», оказывается, давно ухаживал за Таней (больше по телефону) и обещал вырваться чуть не в самоволку – на Новый год... Но солдатик не появился – может, в увольнительную он и вырвался – только вот сюда ни ногой... Тем более по пути столько общаг, где было столько девчонок, – и из технологического техникума, и из торгового какого-то.

В общем, у меня этот год как начался – так и пошёл...

К седьмому классу мы не только выросли в нынешний рост, но и наши запросы тоже выросли – от хорошей гитары до власти над миром, ну или над кем-то в этом мире, – а так-то больше ничего и не нужно было.

Средств у родителей на это хватить не могло. Игорёшка с Олежкой, уже привыкшие давно зарабатывать, протоптали дорожку в одно место – строительство гаражей в посёлке Дальнем – ну и я туда, за ними...

Смысл работы заключался в возведении кирпичных (из худого, крошившегося кирпича) частных гаражей, что, конечно, сулило некие перспективы перенаправления финансовых потоков от этих богачей (владельцев автомобилей) – в нашу сторону.

Но Олег с Игорем после пары дней, осмотревшись, куда-то исчезли, оставив меня одного в довольно пёстрой компании, где я, как ни странно, надолго прижился. Старших там не было – всё делалось сообща, конечно, при уважении к старшим, например, к некоему дяде Мише. Дядя Миша по тем временам отсидел уже невыносимый пятнадцатилетний срок (за которым уже был только расстрел, вышка).

Мы лениво возводили стены над тонувшим в болоте хлипким фундаментом. И вечером сооружённая стена к утру могла наклониться, как Пизанская башня... Поэтому это дело мы лечили с помощью «контрфорсов», попросту возводя подпорки из кирпичной кладки там, куда завалились наши стены. Отчего пути между гаражей становились извилистыми, словно дороги бургеров в какой-нибудь немецкой деревне, где сначала строили идеально ровные дороги, а потом портили их клумбами и «лежащими полицейскими», превращая в полосу препятствий, чтобы никто не разогнался.

Здесь же я научился потреблять плодово-ягодный «Агдам», за которым мне приходилось бегать по жаре в магазин.

И вот, разомлев от зноя, философии, под бокал с вином, озирая эти змейки дорог посреди так и не высохших болот, дядя Миша поучал меня премудростям человеческого устройства.

– Ломом, Юрок, лучше целиться человеку в живот, он мягкий...

– Коммунизм, Юрик, он как горизонт. Ты к нему приближаешься, а он всё удаляется и удаляется...

Это был уже не мягкотелый театр, а настоящая школа жизни. Огромный Тарас, по ночам стороживший наши инструменты, уже с кем-то сталкивался... И тут вся наша бригада, оставив меня, правда, в каптёрке, – выбегала на битву с кем-то мне неизвестным, – откуда возвращалась раскрасневшаяся, встрёпанная, жаждущая продолжения плодово-ягодного банкета...

В одну из ночей Тарас схлопотал заряд дроби в живот, вроде как от цыган, повадившихся воровать дрова от нашей печки для смолы. И погиб... Оставив одинокой маленькую левретку, которая обычно покоилась на его ручищах, как у да винчевской «Дамы с горностаем»... Так большого и оттого беззлобного Тараса не стало. И левретка, оставшись в углу нашей бытовки, – дрожала, устав его оплакивать, возможно, – одна на свете.

Это не могло породить ничего, кроме вселенской есенинской грусти, в разгаре которой я, тоже отведав этого виноградного или какого ещё напитка, сначала сомлел, а потом в так и непрошедшем дурном похмелье разбил о приехавшую к ночи машину с бетоном свою гитару – первую и бестолковую. Ну что они припёрлись на ночь-то глядя?!

Мы росли, и внутреннее наше пространство – тоже росло, и приходилось его заполнять – место пусто не бывает. Но чем? Гаражи закончились, вернее, строить-то их можно было до бесконечности: болото, где они возводились, будто поглощало их – и могли бы сыпать бетон и кирпич до бесконечности... Но я дошёл до какого-то предела... Хватит... Это тоже – горизонт. Удаляется и удаляется что-то важное для меня. И здесь – «нет правды на земле».

А гитара и вправду была неважнецкая – расстроенная, насечки на грифе не соответствовали строю... Короче – туда ей и дорога, вместе с тремя аккордами, которые едва удавалось из неё извлечь.

Нос оторван

Как-то незаметно для меня проходили невзгоды взрослых. Не болезни, конечно, а, например, папкино отсутствие, которое я считал долгой командировкой...

Но он поначалу вернулся откуда-то из Приуралья. И на это отсутствие и возвращение приходилось уже другое воспоминание: как он возвращается с целым ворохом всего, что тут, в городе – редкость – рюкзаком орешков, ёмкостью, плотно набитой тёмно-серебряными с благородным чёрным отливом – хариусами...

Вот эта свежесть рыбы, свежесть сорванных, а не замаскированных под сувенир, раскрывающихся в тепле, шишек – вот оно, возвращение. И того, другого, более долгого, не было – всё входит в свою колею.

Интересная передача, или какой чемпионат мира – и папка сидит в большой комнате, стирает и полоскает бельё – машинки-то не было – берёт себе эту работу. Я таскаю бельё на улицу, где наши верёвки. Запах свежего белья, деревенеющего на морозе, – запах жизни. Всё на своих местах.

В отсутствие возможностей обмена, вернее, – тяги к этому, – лишаешься определённых черт внешнего вида, который есть у тех, у кого есть тяга к жизни и такой шанс.

Не мы, но нас встречали по одежке. Новое – это хорошо забытое старое – в деревне я присваивал старую, времён юности, папкину курточку, когда вельвет считался не статусным, а более-менее обычным материалом.

У ковбоев на пакетах с «Мальборо» синие потёртые джинсы? Нам пойдут и светло-зелёные, из неприятного, но очень прочного материала, где на неизбежных дырках самое ужасное – наложить чёрные заплатки...

Слушая унылые слова взрослых о «духовности» и «самовыражении» (не дома, конечно, тут ни разу это не произносилось), – мы испытывали некую аллергию на все интеллигентские потуги, – уже изначально зная, что да как, – и наши курточки, и чёрные заплатки – были этим ответом.

У нас, изначально знавших, что мы – втроём: я, Серёга и «прильнувший к нам» Лёха – и это естественно, не было страха, которым вело даже от слов о «духовности». Мы знали, что благородства надо искать вовсе не так, если нам всё-таки приходилось прочитать эпизод из «Войны и мира». Восприятие «Войны и мира» сродни тому, как десантники бьют головой кирпичи, – только в данном случае кирпич был уж очень прочным. И не надо быть семи пядей во лбу, чтоб предвидеть: голову расшибёшь, – даже не пробуй!

Зато вереницы томов Достоевского мы глотали запоем.

Обломов. «В Гороховой улице, в одном из больших домов, народонаселения которого стало бы на целый уездный город...» – вот речь, которая бальзамом лилась в наши души. Не Пушкин, а Обломов – наше всё.

В этой сумбурно катящейся по нам жизни я и не заметил, как Юрка Борман протоптал дорожку туда же, к Таньке, и мы, дураки, стали бывать под её окнами, на лавочке, вдвоём – домой-то нас к ней не могли пустить – мы бы натворили там делов...

В результате, не пойми как, дошли до того, что при ней забились на следующий день встретиться у Бормана дома и выяснить все отношения до конца. Секундантом был толстенный Паша Якобсон – неизвестно кого игравший в нашем театральном кружке... Скорее мастера закулисных развлечений. Он жил в доме Ленки, в среднем подъезде, наверху – и сверху видел всё: кто к кому когда пошёл, – и дальше уже – не скажу «сплетничал» – как-то «распространял» эти сведения, живя в этом... И вот он снова в центре интриги!

Я прихожу к Борману, злой, настроенный решительно. Он открывает дверь. И с порога, не сговариваясь, – мы сцепляемся, и начинается – борьба без правил. В дальней комнате, запершись, визжит Паша:

– Перестаньте! Перестаньте! Что вы делаете?

А что мы делаем? Мы, как известно из учебников биологии, боремся за самок, за свои прайды.

Устав, но, так и не доведя дело до накаутов, – мы выдыхаемся... И тут происходит неожиданное. Мы оба, не сговариваясь, рываем на Пашку, – чтоб он, падла, сидел тихо там. А потом, переглянувшись, молча – понимаем: а стоит ли оно того? Стоит ли какая-то Таня нашей дружбы? У Юрки, как в нашей дразнилке: «Петя Борман – нос оторван! Вместо носа – папироса!». Не то чтобы папироса, но набухшая картофелина это точно. У меня – всё в нашей крови: куртка, штаны, да ещё и новая дырка. Значит – новая стирка в холодной воде (мы-то давно умеем застирывать кровь) и дополнительная заплатка – как шрам...

С Таней – покончено, дальше – без неё. Как-то так это само собой вышло. Я ещё зайду к ней сказать, что больше не приду. А Борман – вряд ли и зашёл.

На следующий день, конечно, Паша на всю школу трезвонил про наше побоище, расписывая лужи крови и море сломанного реквизита, но нам было как-то всё «по», – мы так и остались друзьями. Дружба крепкая, не сломается.

Так Паша поставил жирную точку – с Таней, с Онегиным, с Пушкиным, да и со всеми такими манерами и воздыханиями – покончено. Мы были на пороге первой любви, а не случайных влюблённостей в кого попало...

Мы выходили к рубежам предназначения, и не то, чтоб всё тут было, как в физике: если покрутить ручку, то между двумя шарами обязательно проскакивала голубая искорка. А влюблённость и была такой искоркой, молнией, шарахавшей в первый выступающий

объект. Любовь, по общему нашему молчаливому пониманию, – была чем-то совсем другим. Только вот чем?

Но с этих лёгких театральных отношений маски сорваны. Хотя Борман и ушёл с головой в студенческий камерный театр и меня туда тянул, – но это я считал уже не кружком, а пристанищем инвалидов.

Было о чём поразмышлять, оставаясь беззаботным и свободным от этой каторги, – плестись под чьи-то окна, вздыхать там неизвестно о чём, ждать там неизвестно чего.

Та же волна, которая разносила сплетни о наших битвах, приносила и другие – разведанные: Танька, потеряв сразу двоих воздыхателей, плакала...

Но что нам до того? Мы грубели и мужали... Подкрепляя это рыцарским в нашем представлении атрибутом: болгарскими сигаретами и, уже не морщась, напитками покрепче... Вот – кодекс поведения. Вот так мужчины идут по жизни. А откуда нам было взять ещё какие-то познания о том? Катя Маслова и Соня Мармеладова – говорили нам о других, неизведанных нами возможностях, в отличие от Таньки, рядом с которой мы чуть не потеряли самое главное в образе рыцаря – его свободу, – становясь рабами какого-то ужасного, давным-давно открытого человечеством уравнения «хищник и жертва». Жертвами и «тварями дрожащими», да и хищником быть не хотелось... Попробовали... Хватит.

Борман окунулся в драматургию «Мёртвых душ», я – в мир геометрии и всяких там головоломок, стремительно поглощая развивающие журналы и сборники задач, как семечки. Без помощи со стороны. Мы научились решать «в уме» самые сложные задачки и разбивать треугольники – Борман, Таня, я, – которые подкидывала жизнь. А что ещё есть образование, как не способность самостоятельно, пользуясь чем угодно – музыкой, тишиной, поездкой в деревню, торчанием в парке, – разрешить «неразрешимое»? Ну да, нос оторван, подтяжки тоже... Небольшая цена за бесценный опыт – с любовью шутить не надо. Она – единственное, что достойно внимания в жизни. И дружба – часть её, или наоборот. Тем не менее, разбив всё, – дружбу мы даже не поцарапали. Хороший результат. Победила дружба.

Взмах крыла

С детства, самого раннего, – зайти в церковь, стоявшую одиноко посреди села, – была моей естественной просьбой папке, когда у нас находилось время и мы оказывались рядом. Дальше проще – на второй этаж вёл деревянный длинный взвоз, правда, без ступенек, так что карабкались, держась за боковые, стоявшие ребром доски.

На первом этаже мы видели много битого кирпича и следы неправильного проникновения – лошадей, да и прочей живности, которой тут не место. Там было сумрачно и безмолвно – стены хранили лишь как будто следы войны – царапины и разрушения.

Вот на втором этаже всё ощущалось совершенно по-другому: там было словно то, что не смогли смыть и испортить волны человеческого безумного потока. Дышалось легко и затаённо. На стенах виднелись холодные, чёрно-синей палитры фрески. Они жили и ждали кого-то. Висел одиноко остаток иконостаса, рамка, в которую ранее вставляли иконы. Подоконники, по признаниям папки, – отбитые ребятнёй в поисках монет, как съеденные этим человеческим кариесом, – ещё стояли. В окна без стёкол заглядывали древние, скорчившиеся, словно старушки, сгорбленные берёзы...

Немного поглядев на фрески, – как они, живы? – оглядев окрестности и обсудив, где кто живёт и что там творится, – мы спускались до следующего раза. Потом взвоз сложили или

он сам стал дряхлеть и – упокоился... Влезать наверх приходилось уже по лазу в стене, где одно из перекрытий приходилось преодолевать по длинной узкой доске, – страшно раскачиваясь и балансируя. Но оно того стоило – опять мы с папкой навещали своё и своих...

Уже потом строгий лик иконы Владимирской Божьей Матери войдёт в мой мир, как норма, образец, мера всего – красоты, отношений, гармонии. Но до этого было не близко. Пока что – непредвиденные гости – и бегом дальше.

Бабушкиных подруг, наведывавшихся к ней по пути из магазина и в магазин, я несколько сторонился и помню смутно. Мир, в котором я жил, был устроен так: чуть повидались – и дальше в тишину, в одиночество.

Я уже мог ходить один вдоль Поинги без риска потеряться. Как-то нас втроём – папку, меня и дядю Мишу – вновь подвезли туда, выше по течению, к мосту. И они плыли на лодках, а я шёл по верху впереди их, выбирая на мой взгляд самые перспективные места...

Но рыба клевала вяленько, уморив меня. В какой-то момент я, устав от этого постоянного упражнения – вверх-вниз по крутым берегам реки, – просто присел на травку – отдохнуть, посмотреть на разворошённый медведем муравейник... И уснул...

Проснулся уже при приближении наших рыбаков – их ещё не было видно, но чувствовалось, что они не так далеко. Но я пробудился не от них. От какой-то тревоги – будто кто смотрел мне в спину. Внимательно и укоризненно.

Я попытался вскочить – и обнаружил, что не могу дышать, даже вздохнуть как следует. Будто всё в груди забито ватой, и я, будто выдохшаяся собачка, – мелко и часто дышу: а-ха-аха-аха... в страхе, что не хватит воздуха.

Подплыли папка с дядей Мишей – и тут пришлось решать. Рыбалка-то только началась. Их время, отпускное – на вес золота. А тут – надо идти домой, столько настраивались на долгий поход...

В результате я сам предлагаю:

– Не, я дойду! Я смогу...

Раскачиваясь между тем, чтоб пойти со мной или плыть дальше, папка с дядей Мишей решили отправить меня домой...

– Иди всё время по прямой дороге, только перед деревней будет развилка – там возьми правее, чтоб не уйти к шору... Понял?

Я кивнул. Хотя, конечно, всё воспринял с трудом: где-то там взять правее... Ну, разберёмся! Дурацкая привычка – не понял – не переспрашивать. Ещё не раз попадусь в эту ловушку, что надо слушать внимательно и переспрашивать... Но мне не до того. Одному так одному. Не впервой. Жаль, конечно, что так. Вот ведь напасть. Будто тот медведь, ворошивший муравейник, – сглазил меня из тайги, недовольный, что я устроился на его местах...

Конечно, не соображая и особо не боясь уже никаких медведей, – я поплёлся домой. Прямо и где-то там правее.

Нудная дорога, километров четыре-пять домой с долгим подъёмом, тягучим и особенно нудным, когда ты не можешь дышать, – заканчивается какой-то развилкой: одна дорога идёт вправо, другая, побольше, прямо... Но вроде не та, вроде ещё рановато. Да и папка про ручей что-то говорил вроде... Или не говорил? Короче, дорога есть – пошёл прямо. Снова развилка... да сколько же их... тут уже две одинаковые дороги. Беру уж правее, так и быть. Но они снова сходятся... И тут уже веер! – откуда-то приходят ещё дороги. И прямо, и правее... Вроде вот и ручей... Ну, раз правее, значит, правее. Иду... И упираюсь в луг!

Куда-то дорога подевалась, в сумерках, надвигавшихся уже близко-близко. Вот-вот ночь.

А! Раз луг – значит, где-то и деревня рядом...

Пойду напрямик! Иду, как ёжик в тумане, – кругом серость, луна хочет пробраться наверх... И тут понимаю, что эта серость, раскинувшаяся над лугом, – живая! И она не только движется, но ещё и повизгивает...

Ох! Сквозь болезнь, одышку, темень – доходит, что это – кабаны! То есть – рядом лес, а не деревня... И что они тоже часть окружавшей деревню тайги...

Вперёд, без разбора! И где-то уже в момент отчаяния – слышу собачий лай! И внизу будто мелькнувший огонёк! – туда... Уже не разбирая – ручьи, перелески, лужи, – просто пробиваюсь по направлению... И к полуночи или около того – выбираюсь на середину нашего длинного села...

Ну тут-то доберусь, доползу...

В глухой темени стучу бабуле в окна, поднимаю её. Она, осмотрев меня и тихо обругав непутёвых мужиков, – ну как же можно ребёнка одного отправлять, – укладывает меня на раскладушку рядом с комнатной небольшой печкой...

Там я и лежу все три дня, пока мужики ловят рыбу, – да и ладно... Главное – живой. Бабушка отпаивает меня единственным и лучшим в мире лекарством – черничной водой. А мне ничего другого и не надо – сквозь жар чувствую, будто чьё-то прикосновение. Какая-то девочка приходит, садится на стульчик у изголовья, трогает меня рукой... И я – спокойно засыпаю. А проснувшись, – будто снятое её рукой, это серое, мохнатое – перестаёт меня губить. Я здоров! И тут приходят папка с дядей Мишей, грохочут бахилами... Тащат рыбу. Отбиваются от бабушкиных незлобливых упрёков – как они могли меня одного отпустить.

Папка, конечно, немного сердит – надо же было лучше слушать, – прикидывая по моему рассказу, как я двигался, куда попал... Конечно, зато теперь я эту дорогу выучу до мелочей, точно не заплутаю.

Полезно было немного поболеть. Жаль, конечно, пропущенной рыбалки, – но это крещение, которое я прошёл, тоже как-то на пользу мне. Не оставив ни капли горечи, мелькнуло, будто испытание, и – прошло.

Медведи, кабаны... Пусть сами прячутся, мы ещё покажем им своё мастерство... Придёт наше время.

И этот – мелькнувший откуда-то образ и исчезнувший... Что это было? Кто? Откуда? Есть то и те, кто помнит о нас, хранит нас, как ангелы? И где это всё? На грани жизни и смерти можно всё это увидеть и перестать бояться того, чего не надо?..

Болезнь, облегчение, выздоровление... Будто попутный ветер, дыхание которого наполняет паруса твоего дыхания... Легко, ясно, просто. Не там ищут эти взрослые, не там топчутся, не в ту сторону идут, поворачивая не туда.

Золотистая цепочка воздуха

Ходили, искали не только рыбацкую удачу, ягоды-грибы, – но ещё что-то по хозяйству, – короче, «кормили комаров», – то таская брёвнышки, то раскалывая дрова на поленицы, свозя их в гору перед окнами, – и потом: баня.

В детстве банный день был днём тихого ужаса. Хоть ты почти не принимаешь участия в общем банном труде, но достаётся тебе там по полной. Тебя запускают в тёмное, не освещённое ничем, кроме света от маленького оконца, нутро горячей бани. Всё обжигающее – потолок, лавки, ковши – да всё! И льют тебе, не спрашивая, на голову – чистый кипяток! Котёл под каменкой булькает, пузыри как-то скрипят по стенкам, а когда поддают

пару – караул! Лишь бы рядом было ведро с холодной водой, и ловишь струйку холодного воздуха из окошка, как жаждущий. Уж не говоря об ударах горячим веником под крики со смехом: а! а! ну как ты? Как я? Мечтаю вывалиться в предбанник и упасть на коврик. А если ещё есть молодая крапива, то и ею тебе может достаться... Иди – кувыркайся в ней – да обратно в парилку...

Со временем это превратилось из муки в тягу к чистоте, к тому, чтоб, нагулявшись по тайге, – смыть, растереть все укусы, ощущая, как благодарит тебя твоя тушка, – изнывавшая от холодной лесной влаги, мошкары, – вот это правильно... Баня по-чёрному, а другой у бабушки и не было, это – высший класс!

Не только баня, конечно, но и весь этот мир тянул привезти сюда тех, кого ты любишь, с кем хотелось разделить это всё не на словах, конечно.

Я уж вырос настолько, что сам, один, ходил на Поингу, сплывая по реке, ловля хариусов, щук, ну и всякую иную мелочь. Вот собираюсь на Поингу, да, не успевая ускользнуть из дома, – приезжают тётя Лида с дядей Мишей.

– Ты куда?

– На Поингу...

– На Поингу, один, что ли? – Они не замечают, как я вырос.

– Ну да, один...

– И это всё потащишь? – В сених стоят уже упакованы: рюкзак, лодка, палатка, снасти, еда, запасная одежда...

– Ну да. – Я буркаю как всегда недовольно, когда в мой мир вмешивается кто-то непосвящённый в премудрости. Ну что особенного в этом? Сами-то выросли в деревне – лазали где ни попадя, – ведь не видели себя со стороны. Или я слишком по-городскому выгляжу, что ли? А кто дрова скидывал во дворе?! Не Макся же – он ещё мелкий... И тут Макся подворачивается.

– Что тебе одному идти? Вот Макса возьми, пора уже и ему привыкать!

Во дворе урчит уазик, привёзший дядю с тётей, и соблазнительно – и ломает. Так-то на этом уазике нас довезут аж до моста. Я не знаю, насколько Макс готов, но то, что справлюсь с ним, – сомнений нет... Лишь бы он не сорвался, не заныл, или ещё там чего... Ладно...

– Ну, попробуем... – буркаю.

– Попробует он! Ишь характер – отцовский. Нелюдимый, как он. – Таким образом, ворча, радуется тётя Лида.

Вся моя укладка – насмарку. Продукты, снасти – всё теперь на двоих. Вот черви-то, дефицит мой, наложены на одного. Придётся на спиннинг налегать. Хоть Максе-то рановато со спиннингом. Будет лодку подправлять веслом на течение. Ну что ж, значит, так сложились сегодня звёзды – едем!

Макс впервые на Поинге. Нас закинули к мосту. Уставший дядя Миша, водитель по-нурий, развернулся, и – поехал обратно, напоследок равнодушно взглянув на нас, на реку... И остались мы одни в этой поингской тихой атмосфере: птички, ветерок, стрекозы... В глубине которой мог выскочить и лось, и медведь. Короче, это мир, где надо быть сосредоточенным.

Надуваем лодку и плывём. Я впервые не матрос, а капитан корабля, понемногу вводящий юнгу-Макса в курс дел: вот тут левым назад. Вот так, посередине, чтоб я успел и туда закинуть, и туда, да не торопясь.

Потихоньку осваивается. Мутновато-коричневая вода на омутах становится успокаивающей, не напрягающей своей таинственностью. Всё встаёт на свои места.

Плывём... Благодать! Я быстро оценил удобство путешествия с Максом, которому и веслом-то погрести было счастье.

Блесна летит прямо под берег – я уже могу положить её с точностью до сантиметра – туда, куда хочу, даже с лодки, сидя.

Туда, где она должна упасть, приводниться, неожиданно что-то выныривает! Бабах! Блесна падает прямо в это место! Взрыв, плеск! – не пойми что произошло.

Рядом с нами какой-то топляк... Ну, мало ли их... И через несколько мгновений соображаю – а почему он с глазами-то? И не успеваю ответить на этот вопрос, как он, ожив, взрывается... Опа! Бобёр!

– Это что?! – пугается Макс.

– Да это бобёр! Плыл, нас не заметил, а теперь хвостом ударил. У него хвост как мачете. И он, когда ныряет, бьёт им по воде! – с видом бывшего объясняю ему, хотя и сам ошарашен...

Ну, плывём дальше, что ли. За нырнувшим бобром тянется цепочка пузырёчков, обозначая, как он ринулся к берегу, петляя и торопясь. Потом цепочка обрывается – видно, вынырнул и затаился. Но жизнь-то продолжается. Тут, на омуте, не только же этот бобёр, должна быть и щука. Где она?

Другой поворот, другой омут... Опять пузыри идут с отмели и глубоко. Я показываю их Макс:

– Глянь, бобёр был, сейчас мы ему! – и закидываю свою «Уралку» поперёк этой цепочки пузырей... И тут – удар! Вновь плеск! Это кто? Что? Бобёр зацепился?

Макс вновь впадает в ужас:

– Да что это?! Я ж бобра ожидал...

Через несколько минут осознаю – что-то большое... Не, не бобёр – огромная щука! Видно, стояла на отмели, а при нашем приближении пошла на глубину.

– Щука, Макс! Готовься! Подсак где?

Макс вытаскивает подсак, который я положил ему по правую руку и проинструктировал, – как будет щука, не пугай её. Я подтяну, а ты с головы подсакивай.

Тяну, Макс старается – опа! И щука в подсаке. Здоровенная, ворочающая сильно, упруго – наша! Вот тебе и бобёр!

Это как бы знак, что правильно мы выбрались с ним, Максом, моим братишкой, – выводя к месту, это не всем даётся. Папка его, дядя Миша, вообще за первые три года на Поинге ничего не поймал.

Плывём дальше уже совсем спокойно – улов есть.

Мария
РАЗМЫСЛОВА

Мария Михайловна Размыслова родилась в 1992 году в посёлке Ярега. Стихи публиковались в альманахах «Белый Бор», «Переключка», а также в «Литературной газете» и журнале «Юность» (Москва). Автор сборников «Без четверти восход» (2012), «Флаги под дождём» (2017). Живёт в Сыктывкаре.

Память прошлой волны

стихи

ОДУВАНЧИКИ

Полдень зовёт – из сиреневых нитей свит,
Тонким биением на пульсе чужом согрет.
Кто-то, упрямо взойдя из бетонных плит,
Пишет на пыльном фасаде: «Рисуйте свет».

Ибо недолог и благ незакатный срок –
Только успеешь, что вовремя сжать кулак.
Блик от осколков, подобранных у дорог,
Входит мессией в затравленный полумрак.

Спрячься от яви оскалом поверх лица,
Бойся изнанки – темны её пустыри.
Что остаётся? Лишь солнечная пыльца
Да несмолкающий летний хорал внутри.

Так обживём мы свой тихий армагеддон:
Спорить с судьбою дерзая, богам дерзая,
Пьём нарисованный свет. И крушим бетон
Там, где расти по приметам любим – нельзя.

* * *

одеялом или сетью нас укрыл огромный купол
под его бессонным оком – мы, похожие на кукол
дышит город колыбельной электронного прибора
убоюсь ли этой силы, убаюканный тобою

о, стрела моя и пламя, лев и аспид, рай и рана!
так изрёк бы я, когда бы не светало слишком рано
я темней, чем Девяностый, ты ясней, чем Песня Песней
и во всей тени подзвёздной нет сегодня нас небесней

ДАТЬ

Это дань темноте – суеверную тешить привычку,
Силуэт твой ладонью прикрыв, как зажжённую спичку,
В миг, когда зазвенят и осыплются острые перья
С фонаря на углу – как испытанный знак недоверья.

Это дань постоянству – прощать тебе прихоть дурную,
Потому что когда ты один – не уйти врассыпную,
Не укрыть свою фальшь за надёжным звучанием медных
В роковом полувздохе от губ напряжённых и бледных.

Это Городу дань. По негласному с ним уговору,
Рванный рок и крамольный вальсок – одинаково впору,
Если оба звучат в сердце глупом и полном до края,
Привирая, сгорая, но верно ключи подбирая.

Оттого и позволено – ясно гореть до предела,
Быть бесстыдно живыми в его проходных чёрно-белых,
Зябко прячась друг в друга, стоять на обочине лета,
Где погасший фонарь – только дань повороту сюжета.

* * *

На извилистый берег выносит седая безбрежность
Небогатый улов.
Пахнет солью туман, сберегая прощальную нежность
Ради острых углов.

Память прошлой волны настигает другую всё чаще,
Словно письма извне.
Узнаёшь ли себя, одиноко и дерзко горящий
На поблёкшей струне?

Запеваает в крови, то крепчая, то снова немея,
Незнакомый прибор.
Полукровка-чужак, ты не помнишь сказаний о Змее,
Что же стало с тобой?

Не родство, не притворство – а то, что без спроса коснётся
Полусонной золы.
Так редет туман. Так рождается вечное солнце
Из песка и смолы.

Отпускает печаль, бледным золотом дюн разлитая
У границ сентября...
Ты по кромке идёшь, в тонких пальцах бездумно катая
Холодок янтаря.

ПОГРАНИЧЬЕ

Инге Карабинской

Сторожу маяка снится полная солнца завязь
В полузабытом саду, на хрупкости черенка.
Голый песчаный мыс, в переменную явь вонзаясь,
Кажется рубежом двух времён – «потом» и «пока».

Он напрягает взор, скользя по прожилкам листьев.
Даже во сне их узор неизменно чётко и строг.
Здесь, в золотом сечении двух недоступных истин,
Медленный ум обретает великую ясность строк.

Здравствуй, – шепнёт он вдаль. – Незавидно твоё обличье.
Сколько бесплодных ночей в иголку твою продел,
Так и остался, чудак, – властителем пограничья,
Ибо и суше, и морю положен земной предел.

Здесь только давний сон качается спелой ношей
На перетёртой нити – ненужным, в общем, ключом...
Мимо проносится лето. Затылок его взъерошен
То ли прибрежным бризом, то ли самим лучом.

...Яблоко, чужа срок, отзовется на гул океана,
Дрогнет спросонья зрачок, расставаясь с пыльной слюдой.
Видишь: падает в волны, прекрасна и безымянна,
Вечность.
И нет ей дела, как тебя звали
до.

* * *

И пока твоё снежное царство сметает весна,
и, назло предсказаниям, сердце не сходит с орбиты, –
Невезучий пророк, не вини себя. В чём-то мы квиты.
Выходи же за рамки пленившего взор полотна.

Оторвись, отрешись от лиловой чужой полутьмы,
в электрическом нимбе застыв над крыльцом допотопным...
Оттого и пишу – незаёмным, прямым, пятистопным –
что давно не ищу ни стихов, ни объятий взаимны.

* * *

И после, на пустынной сцене,
Покинув сыгранный сюжет,
По-детски сесть, обняв колени,
Под тусклый свет.

Долой личины и котурны!
Во власти воспалённых глаз
Мы беззащитны и сумбурны,
Как в первый раз.

К чему страстям либретто? Много ль
Смог наплести досужий враль?
Смешон Шекспир. Нестрашен Гоголь.
Нелеп Стендаль.

Лишь отблеск истины ложится
Сквозь пыльный зал наискосок,
Слегка позолотив ресницы,
Дыша в висок,

Когда затихнут пересуды
В людской отхлынувшей волне
И сотворивший чудо – с чудом
Наедине.

* * *

На улицу Каменной Скрипки
Вернулся туман неспроста,
Подобие грустной улыбки
Придав отраженью моста.

В серебряном облаке штиля
Смывается чёткость границ:
От реющей музыки шпилей
До звонкой прозрачности лиц.

За зимним дыханием моря
Едва ли огни различишь,
Но флейте у пристани вторит
Мой альт над уступами крыш.

Друг к другу, незримы и гибки,
Протянуты издалека
Над улицей Каменной Скрипки
Две песни – как два маяка.

* * *

Тогда проявится зима
с того же кадра киноплёнки,
подёрнет звёздная сурьма
разрез загадочный и тонкий,
и некий заговор мелькнёт
в согласных жестах силуэтов,
и будет сумрак фиолетов,
ныряя в лестничный пролёт.

Над чашкой плавают миры,
рождая зыбкие картины.
Мы помним правила игры.
Они чарующе невинны.
Но сквозь кофейное пятно
всяк – нов, лукав и неотвязчив,
и в этом редком настоящем
всё, как во сне, разрешено.

А на дощатом чердаке
ворчит во сне чудака-астролог:
в его пустом черновике
путь начертил звезды осколок
и, в цвет таинственных чернил
окрасив улицы и башни,
моим пророчествам вчерашним
он этот вечер подчинил.

Доверься чарам декабря,
пока, назло изящным вкусам,
на тощей шее фонаря
болтаются под снегом бусы,
и до начала четверга
вслед нам, ступающим неслышно,
крадётся третьей, но не лишней
девятихвостая пурга.

* * *

в небо, где ты летаешь,
я – ни крылом
в песнях, что я лелею,
ты – ни строкой
рознит бураном нас снеговой излом
мирят одним проклятием
непокой

если громаду сердца пронзает звук,
не уповай на глупое
«повезёт»
это работа – выдышать тёплый круг
в редком озоне
плавающих высот

выступит на закате свежий порез
выкрасит алым
грозные алтари
я не слежу за тобою в линзу небес
лишь оттого,
что верю Экзюпери

он не оставит нас,
невеликих птах,
наедине с бескрайностью неживой
даже в сверканье льда на стальных винтах
вижу прищур твой
терпкий
и ножевой

синей чертой двойного карандаша
я над горами рисую
незлой норд-ост
это призвание –
ровно,
легко
дышать,
взгляды неся
к одной и той же из звёзд.

НАЧАЛО

Всё впереди: эпиграф и пролог.
На полотно нетронутых дорог,
В молчании заоблачного хора
Ложится снег. Чиста его скрижаль,
Как белый лист, как перед боем сталь,
Как покрывало брачного убора.

...Как помыслы твои, мой Парцифаль.

Перед лицом седеющих долин
Ты недвижим, потерян и один,
И всё хладней в протянутом сосуде
Стекло замёрзших слёз и чёрствый хлеб.
Любой глагол здесь ложен и нелеп,
Как лишнее присутствие при чуде.

Но искушённый разум – к чуду слеп.

И вот, покинув мраморный чертог,
Из-за ветвей шагнёт единорог,
И некий путник проберётся следом;
И взгляд твой с одержимостью резца
Вопьётся в контур строгого лица,
В сей облик, что для памяти неведом.

Не всякий зверь – добыча для ловца.

А в чаше накренившейся давно
Кипит преображённое вино
И брызжет через край, и льётся мимо...
Последний отними от глаз покров:
Душа твоя в доспехе верных слов
И белоснежна, и неуязвима.

...Что впереди? Ни знака, ни следов.

ТРИО

Порой, влача себя, как ветошь,
Ты позабудешь прежний дом –
И будет глас. И не ответишь,
К земле прикованный стыдом.

Порой от ласк и зуботычин
Равно хранит тебя судьба –
И глас не слышен. Он привычен,
Как цифры ртутного столба.

Но даже воспарив, как сокол,
Поправ восторгом суету,
В напеве чистом и высоком
Ты не постигнешь Высоту.

Пуškai же разум, безуспешен,
Вникает в вечности геном!
Ты сотворён, спасён, утешен
И пьёшь свой кофе.
Три в одном.

МАРТ

Так расходится ткань заоконных твоих берегов,
пальцы пахнут металлом, касаясь нагретого лада,
и на хрупком снегу зашифрованный почерк шагов
остаётся неузнан. И дышит над ухом осада.

Удержи до поры свой неистовый птичий размах
и вдыхай, долговязое чадо сырого асфальта,
как воронья несытая нежность висит в проводах,
отворяя все шлюзы своим ошалелым конральто.

В эту льдистую зелень, в распахнутый настезь проём
опрокинутой вьюгой уносятся вести и лица,
лёгкий пепел набросков и песни, что ныне поём,
будто сны твои – лишь черновик, предназначенный сбыться.

Да, предвестье тепла – драгоценней, чем просто тепло,
да, любой его знак неизбежно простёрт надо всеми.
Не считай поутру, сколько нот из окна утекло,
если где-то их строчками набело пишется время.

* * *

А пока земля и небосвод близки,
узнавай щемящее вступление
в брошенном на веки жарком отблеске,
в брошенном навеки сожалении.

В парке с опустевшими трибунами
мы найти убежище пытаемся:
на коленях – дека книзу струнами,
в голосе – незыблемое таинство.

Не скрывай доверчивых причуд своих,
оставаясь неуклюжим мальчиком:
этот воздух напоён предчувствием,
пусть порой отчаянно обманчивым.

Где от робкой ласки каменели мы,
словно не о чем отныне каяться,
проступает надпись над панелями:
«Осторожно, небо открывается».

* * *

*Над домами, домами, домами
Голубые висят облака –
Вот они и останутся с нами
На века, на века, на века.*

Борис Рыжий

Голубое и белое в «си», чернозёмное в «до»:
До – весны, до – тебя, до всего, что забуду с трудом,

Эта гамма восходит, кружа с оголтелой тоской
Над фальшивым фоготом районной трубы заводской.

Бледнолицые дети окраин, ростки рубежа,
Наша злая невинность – меньшая сестра мятежа,

Отчего же дрожим на Адамов и Евин манер,
Тряский бит из окна принимая за музыку сфер?

Не уйти от надежды – ты ею пленён и пронзён,
Как бумажный дымок над коробками старых промзон.

Скоро март воцарится меж гулких панелей и плит,
А бумага всё стерпит – и нам заодно повелит.

Алексей
МИШАРИН

Алексей Васильевич Мишарин чужис
рабочёйлон семьяын
1949 вося апрель
5 лунё Корткерёс
районса Шойнаты
сиктын. 1969 воын
помалис Сыктывкарса
сельскохозяйственной
техникум. Уджсьыс
орёдчывтөг велёдчис
инженер-механик
вылө Ленинградса
Лесотехнической
академияын. Став
олөмыс да уджыс вөлі
йитчөма сикткөд
да видз-му овмөскөд.
Кызь во веськөдліс
видз-му овмөс
предприятиеөн.
Россияса гижысь
котырө пырысь.

Из вылө из

Роман

Заводитчөмыс 2021 вося 3, 4 номеръясын

Нельөд глава

1

Андрей Игнатовлы звөнитісны райкомсянь, корисны волыны.
– Аски могөн лэчча карө да сэки и пырала, – шуис Андрей.

Примитіс сійөс первой секретар Минин.

– Андрей Васильевич, – киасигмоз шыясис сійө. – Партия райком вөзйө тіянлы Важтыбокса маслопромөн веськөдлыны. Мый шуанныд?

– Виччысьтөмтор тайө меным, колө мөвпыштлыны.

– Мөвпав, но эн дыр. Ми тіянөс төдмалім. Сидоров абу паныд мунөмсьыд.

– Гөгөрвои. Гашкө, ачыс и вөзйис?

Минин сюся видзөдліс зон вылө, эз вочавидз, сувтіс да мыччис кисө.

Ягдорө кайигчөж Игнатов думайтіс: «Сидоров мынтөдчө нин меысь. Чайтө, сы местаө метита».

Воис гортас да висьталіс коралөмсө Ларисалы. Сійө тшөть сувтіс:

– Ме кага потан дорын, кытчө муна? Ог, көсьян кө, лэччы ачыд!

Андрей гөгөрвоис гөтырсө, дерт, сьөкыд вөрзьөдчыны. Да нөшта ставыс кө лючки на лоө. Патерасө на сетасны кө, гөтырлы удж лоө кө, ясли-сад пыислы. Мөвпаліс тадз, и мунөм серти думыс заводитіс чусмыны.

А өти асылө садьмис терпитны позьтөм дойысь. Гөгдорсө орөдө, восөдө. Весиг асмогасьны дойсө терпитөмөн кыкысь нин ветліс.

– Колө врачөс корны. – Лариса босьтіс телепон трубка.

– Энлы, – Андрей видліс өлөдны гөтырсө. – Гашкө, вуджан висьөм менам. Коран, да тіянөс тшөтш больничаас нуасны.

– Мыйысь вуджан висьёмыс? Лёк сёян эн сёй, мыйысь? Кора!

Регыд мысти воис врач, видлаліс Андрейос.

– Аппендицит, колё юрсиктё операция вылө лэччыны. Важтыбокын хирургыс отпускын. Регыд самолёт кутас лэбны, лосьёдчы.

Андрей эз мөд пыксыны, нюкрасигтыр пасьтасис. Самолётө сөлөмыс лои ру пытшкын моз. Сы выйөдз висьёмыс топөдіс. Помся заводитіс кынөмсө орөдны, лич оз вартлы.

Юрсиктса аэропортын Андрейос виччысис нин санитарной машина. Бурдөдчанінө вайисны да водтөдісны коридорө, чорыд кушетка вылө: куйлан жыръясын пө местаыс абу.

Андрей нюклясис кушетка вылын, кинас кынөмсө кутөмөн зілис лөньөдны висьёмсө. Корис дойысь личөдантор, но медсестра укол эз вөч: хирург пө видлалас да вөлисти.

– А көні сійө? – юаліс Игнатов.

– Корисны орчча посёлокө, вель хирург, – вочавидзис медсестра. – Гашкө, волас важыс, сылы звөнитлім нин. Сійө талунсянь отпускын, но гортас на, аски мунө лунвылө.

Лунвылө мөдөдчысь, олөма нин хирург, локтіс. Видлаліс висьысьөс да довкйөдлыштис юрнас.

– Менө вежысьыс кор воас? – юаліс сестралысь.

– Час джын мысти.

– Сідзкө, операциясө ачыс вөчас, – шуис бурдөдысь да муніс гортас.

Андрей водзө мучитчис. Коли нөшта өти час, операция вылө эз нуөдны. Вөляысь дойыс кутіс ямны. Сөмын пыткас мыйкө быттьө чусаліс на. Игнатов вугыртіс.

– Коньөрөй, ёна-й мучитчис, – кыліс нывбаба гөлөс. – Сестра, зонмыс ловъя на?

– Ловъя... Мыйлакө хирургыс сёрмө. Звөнитліс, медым операция жырсө дасьтім, а ачыс век на эз лок.

Сизим час рытын воис том хирург да выльысь видлаліс висьысьөс.

Андрейлөн өні дойыс дзикөдз лөнис, вежөрыс югзис. Кутіс ясыда кывны матігөгөрсә сёрнисө. Том хирург зырыштис кияссө.

– Медводдза операция, – ошйысис медсестралы.

Хирурглөн кывъясыс эз повзьөдны. Андрей рад вөлі и том бурдөдысьлы. Мед сөмын лючки операциясө вөчас.

Водтөдісны висьысьөс пызан шөрө, уколъясөн кынтісны кынөмсө, вожөдісны. Андрей терпитіс дойсө. Кыліс, кызди хирург лукйысис кынөмас, корсис кыз сьув пом вожсө.

Коли час, но операциялөн помыс эз тыдав. Андрей өдва нин терпитіс дойсө, кунис синсө. Кыліс, кызди медсестра кутіс пинявны том хирургөс:

– Он кө куж, мыйла босьтчин?! Звөнитла, кора воддза хирургсө.

Андрей вундөм кынөмөн куйліс пызан вылын. Вежньөдліс вомсө, но том хирурглы эз лысьт нинөм шуны. Поліс, мед эськө пытшсыс мыйкө ковтөгыс эз вунды да тшыкөд.

Воис олөма хирург, коді водзын видлаліс Игнатовөс. Сійө пыр жө индіс, көні кыз сьвлөн помыс.

– Талөн абу ас местаас, көні пырджык овлө. Аппендиксыс почка дорас лэччөма, сэтысь колө перйыны, – шуис сійө.

Аддзисны корсьөмторсө, көрталісны да орөдісны. Кыз сьув пом вожыс вөлі кузь, дундөма. Неуна кө нөрөвитісны операциясө вөчны, вермис потны.

– Видзөдлы, со вундім, – кыліс Игнатов олөма хирурглысь гөлөссө. Но сы выйөдз мучитчис, мый весиг синсө эз востылы.

Операция бөрын вундөминыс бурдіс сьөкыда. Сөмын коймөд луннас Андрей чеччис крөвать вылысь. Стен бердө кутчысьөмөн, кынөмсө кинас кутіг ветліс асмогасянінө.

Тоня Потапова юрсиктса бурдодчанінө отпускысь воис, кор Игнатовос лосьодчисны лэдзны нин. Аддзис Андрейос, да сійос весиг посьо шыбитіс. Зонмыд чуймыліс жө, эз виччысь тані паныдасыны да. Вежавидзёмөн чолөмасис, но мөдыс воча сөмын скөрысь синсө дзалснитліс.

Тонялөн лөгыс ыпнитіс важсьыс ёнджыка. «Сейчас или никогда!» – рочыштіс ас кежысь.

Йөйяслөн керкаө веськавлөм бөрын сійө ёна вежсис, тшапмис. Удж вылас сёрнитіс сөмын рочөн. Весиг комияскөд рочасис.

Пажын бөрын Тоня разөдіс висьысьяслы лекарство. Пырис жырйө, көні куйлісны мужичөйяс. Игнатов пыр жө вешйыштіс крөвать помө. Тоня матыстчис сёлөн тумбочка дорө. Öвтыштіс аслыспөлөс дзоридз дукөн. Водзын сійө татшөм көра сораснас эз душитчыв.

Тумбочка вылын сулаліс компот тыра кружка. Тоня пуктіс кружка бокө таблетка, а ичөтикөс төдлытөг чөвтіс компот пытшкө. Дзик пыр кайисны ва больяс, да кизьыс сыліс.

Тоня юрсө чатөртөмөн мөдіс өдзөслань. Петігас кыйкнитліс Игнатов вылө да скөрысь вашмуніс.

А регыд мысти локтіс главнөй медсестра. Андрейлы вайис больничнөй лист да бурдөдчөм серти кабалаяс.

– Дас минут мысти санитарнөй машина мунас аэропортөдз, лосьөдчы, – тшөктіс сійө.

Андрей аттьөаліс медсестраос да кутіс пасьтасыны, видзөдліс кружка вылө:

– Ог ю, төрөпитас кө, самолөтас асмогасыны некөн.

Сійө кисьтіс компотсө раковинаө, пожйыштіс кружкасө, пыркнитіс да суйис пакета сумкаө. Киасьөмөн прөщайтчис куйлысьяскөд, тэрыба петіс ывлаө. Санитарнөй машина тюрис аэропортлань.

Андрей бергөдчыліс кө, эськө аддзис, кыдзи өшинь пыр Тоня колльөдіс сійос лөг видзөдласөн.

Бурдөдчанінысь воис да, Андрей вежон кык шойччис гортас. Урчитөм кадө воывліс сиктса пельшөр дорө выльысь көртасыны, а сэсса збоймыштіс да петіс удж вылө. Сьөлөмсянь заводитіс пырөдчыны быдлаө, скөт карталы либө видз-му вөдитөмлы инмө. Весиг вунөдіс Важтыбокса маслопромсө. А кор кывліс райкомса медводдза секретарөс мөд удж вылө вештөм йылысь, дзиковдз энөвтчис татшөм мөвпьяссьыс.

2

Но коли мыйтакө кад, и бара райкомсяньыд звөнитөны. Öні выль юралысьыс ставторнас нин көсйис могмөдны. Игнатов ыштіс, лэччис Важтыбокө. Сылы петкөдлісны кык жырья патера: тэныд пө дзоньталам. А регыд мысти маслопром кантораө воис больничайсь дзонь делегация. Вөлөмкө, тайө патерасө во сайын нин сетлөмаөсь челядьос бурдөдысьылы.

– Он жө мырдды, – шуө делегацияса юрнуөдысь. – Бурдөдчанінын сөмын өти врач. Патератөгыс бөр мунас, да ми ас кежын колям.

Игнатов дөзмис чинаяслөн ылөдчөм вылө. «Аски жө бөр Ягдорө кая», – скөраліс ас кежысь. Көсйыны көсйис, но сийөсалісны кө, он бурөн мын. Да и бара на чинаясыд шуисны, терпITYшт пө, регыд корсям оланінтө. И терпитіс, быд шойччан лунө аслас мотоциклөн вуджис мусюр, лойис арся няйтсө, гөтыр да ичөт пи дорө воывліс.

Та дырйи уджысь эз көдзөдчы. Сы локтөдз сиктса маслозаводьясын весиг васө вөлі пыртлөны карнанөн. Игнатов регыдөн и пуктіс насосьяс да нюжөдіс трубаяс. Эз сэсса ков

бабаяслы ас вылын васö кыскавны. Нöшта важмöм начкысянинсö дзоньталісны.

Быдлунъя тöждъяс сайöдлісны Гёрд октябрлысь локтан праздниксö. А гажтö масло-промса кантораын нэмсö пасйылісны винаөн да пöсь шыдөн.

Со и та пöрйö главнöй бухгалтер Даньö Микулай веськөдлысьлысь юасътöг-висьтасътöг тшөктіс лөсьөдчыны завхозлы, Дарья Розалы. Роза – ар нелямына нывбаба. Тшөгыштöма, чужöмыс гөгрөсмöма, этшыс раминик, лабутнöй. Петлöма верöс сайö, быдтысьö. Кор сійöс Андрей аддзис кантораысь, эз пыр жö тöд. Быттö тöдса чужöмыс, а тöд вылө оз усъ. Мыйөн шыасис – вöлись дум вылас воис челядьдырсяыс.

Тайö вöлі мича гожся лунö. Öнюш, Гриша другыс да Дима вокыс, кызди и пыр, петісны керка йөрö. Аддзöны: Кире Миш Дарья горзигтырйи тэрыба восьлалö моски кузя. Шенасьö кинас, грöзитчö кодлыкö да лёкысь матькö. Челядь пыр жö котöртісны бöрсянныс. Воисны Васион керка дорö. Тьöt матькигырйи кайис кильчö вылө да кутіс гимöдны öдзöсö, дуль-нас резигтыр горöдіс:

– Восьтöй! Сукаяс, лэдзöй Розасö! Шлюка, пет!

Васион керка дорас, гашкö, дас челядь нин чукöрмисны. Кавшасисны потшöс вылө да зілісны керка öшинь пыр видзöдлыны пытшкас, а кодсюрö тшötш отсасисны Дарья тьötлы.

– Шлюка, пет! – горöдлісны вöсни гөлөсөн.

Öшиньöд мыччысьліс Васион дядьлөн ыджыд пиыс – Пане. Сэссиятыдовтчыліс вокыслөн, Толялөн, чужöмыс. Вокъяс верстьö зонъяс нин вöліны, таво гожöм босьтчöмаөсь пасту-кавны, колхозлысь мөсьяссö лудын видзисны. Аддзöмаөсь Дарья Розаöс да вина дозйөн ылөдлöмаөсь, нуөдöмаөсь гортаныс.

Гольсмуніс-воссис кильчö öдзöс, петіс Пане.

– Дарья тьöt, – шыасис сійö, – эн увгы, Розаыд öд верстьö ныв, ас кокөн локтіс.

Дарья тьöt пыр жö чепöсийс Панелань да көсийс шашаритчыны юрсиас, но зонмыд зэв öдйö игналіс кильчö öдзöссö. Тьötлы коли сöмын камöдчыны да горзыны:

– Шлюка, пет!

Роза эз кывзы мамсö, эз пет. Дарья лэччис кильчö вылысь, кватитіс потшöс майöг да мый вынсьыс вартіс öшиньö.

Зиль-зельмуніс стеклöыс. Бара воссис кильчö öдзöс, мыччысис Роза. Мамыс пыр жö уськөдчис, кватитіс сійöс юрсіөдыс да небыдінас чужъялөмөн нуөдіс гортас.

А челядь котöртісны ю дорö да регыд и вунөдісны Дарья Розалысь Васионъясö волөмсö.

Гажөдчан лунö асывсянныс Дарья Роза кайис начкысян керкаö. Канторасянныс сійö бура ылын, но Даньö Микулай шуöма: кокыд пö абу закладын, позьö и подөн воөдчыны.

Начкысянінын уджалысьяс быд лун аслыныс шыдтö пулісны плитаа пач вылын. Грек вöлі не номсасьны праздник водзын сэтшöм жö чөскыд шыднас канторасалы. Со и босьт-чис Розаыд пусьыны.

Пажынөдз тырмис ноксьынысö. Шыдыс артмис да, Роза кисьтіс сійöс пусян пöртсьыс ыджыд ведраö. Босьтіс ведратö да пöсь петмöныс кыскис кантораас. Вайис, посводзö дзебыштіс. Нöшта купайкаөн табис, мед оз көдзав. Муртса воис, а директорыд чукöртöма нин уджалысьястö чолöмавны локтан праздникнас.

Эштіс чолөмаян сёрниыс, а йөз пукалöны, виччысьöны. Некод оз лысьт вöзйыны курыдтортö юыштны. Полöны, висьталöны вöлі: зэв пö стрөг выль веськөдлысьыд, оз ра-дейт юысьястö. Игнатов видзөдліс на вылө, гөгөрвоис ас ногыс да пыр жö кывкөрталіс:

– Талун водзджык мунöй гортаныд, лөсьөдчöй праздник кежлө. Аски эн вунөдöй клуб дорö воыны митинг вылө.

Сэсса пасьтасис мунём вылө. Уджалысьяс ас костаныс вашкөдчөмөн и разөдчисны. Дарья Роза эськө матыстчыліс Даньё Микулай дорө, мый пө шыдыскөд вөчны. Даньё Микулайыд дөзмөма да сөмын кинас өвтыштис:

– Мун, чөрту!

Сідз и коли Розаыд шөйөвошөмөн. Босьтис шыд ведратө да гортас нуис: мед пө оз шузы да койыштны оз ковмы. Бөрас нин главбухыдлы ошйысис: вежон чөж пө гортын шыдсө панялі. А Даньё Микулайыд век на скөраліс, эз сюр сэки кантораас гажөдчынысө да. Скөрйивсьыд сэсса шыд ведра донсө Дарья Роза удждонысь чинтөма: өтнад кө пө сөйин, өтнадлы лоө и мынтысьны. Роза эськө мөдліс вензыны да, төлкыс! Кодлы нө нора-сян? Серамвыв лэптасны.

Кантораыс овмөсыслөн йөршитчөма вөлі кык жыръя важиник керкаө. Воддза көзяиныс керка бердө тшуплөма стын. А пыткас нин керйысь жө суйлөма мөс гид. Андрейлы быд пөрийө, кор петалас асмогасьны, син улө шыбитчө вөлі важмөм гидыс. Коркө сэсса тулыс-ладорыс райкомсянь тшөктисны В. И. Ленинлы чужан лун водзвылын нуөдны субөтник. Со и думыштис директорыд ас вынъясөн разьны гидсө да пес вылө пилитны. Пескыс лоө кантора пачсө ломтыны, и синсө гидыс оз мөд вежны.

Водзвыв висьталіс, кодлы мый босьтны: өтилы чер, мөдлы пила. Сөмын Даньё Микулай эз көсийсы: квартальной отчөт пө колө вөчны, карсянь пө звөнитлісны да юасисны нин.

Мөд луннас ставныс локтісны сьөд удж вөчан паськөмөн да нюжмасьтөг босьтчисны важ гид косявны. Сөмын пөсьсө плешсьыс чышкыштөны. Некод оз көсийы выль веськөдлысьлы дышөн уськөдчыны.

Муртса час джынйысь, гашкө, унджык коли. Главбухыд мыччысьліс да долыда рочасьыштис:

– Чесьт труду!

Мыйкө дыра коли, бара петаліс керкасьыс, бара вөзйис: чесьт труду пө. Шуас и өтарө льөбсө нюлыштө. Важся уджалысьяс, дерт, казялөмаось: мыйкө пө неладнө. Пырисны сэсса чай юны да аддзисны: Даньё Микулай ёна нин гажмөма, өдва кывйыс артмө.

«Кысь сюрөма юнысө?» – майшасисны кантораса уджалысьяс. А кор Дарья Роза востьтис ассьыс шкап өдзөссө, пыр жө төдмалісны, кытчө вошйылөма главбухыд. Роза пуктылөма шкапас тыра, литр джынъя бутылкаын глицерин сора спирт. Көсийөма нуны сійөс начкысян керкаө да вунөдөма. Глицерин сора спиртнас яй тушаяс клеймитчан сорассө вөлі вөчөны. А өні бутылка джынсьыс этшаджык кольөма. Вөлөмкө, Даньё Микулайыд төрытъя юөм бөрын висьөдчөма, пөкмелитчыны корсьысьөма. Со и сюрөма бутылкаыс кантора шкапысь. Игнатов дөзмас главбухлөн ыръянитөмысь, тшөктас завхозыдлы корсьны машина да нуны Микулайөс гортас: мед пө пальөдчас.

Даньё Микулай удж вылө эз лок мөд да-й коймөд луннас. Игнатов кутіс корсьысьны: кытчө пө воши. Звөнитіс больничаө, төдсаяслы, но некод тайө лунъясө главбухтө абу аддзылөма. Сэсса шуасны котырөн ветлыны Даньё Микулай дорө гортас.

Воисны да аддзөны: Даньё Микулай вир пасьтөм куйлө өдзөсдорса крөвать вылын. Мыт босьтөма да, помся котралө сарайө, асмогасянінө: гачөс пө ог удит лэдзны, да гөтырлысь халатсө ковмис пасьтавны.

– Веськыд мат, брызья и брызья, – норасис Даньё Микулай. – Пукаланінөй доймыны нин кутіс помся чышкөмысла.

Игнатов кывзіс да сөмын тшөкнитлывліс, а Дарья Роза сы мыш сайын гусьөникөн кильксіс-сераліс: сідз пө-й колө тэныд, эг на пө өд вунөд шыд ведратө.

Бöрынджык кварталнöй отчёт ас кадö вöчтöмьсы да удж вылын тöкаритöмьсы Даньö Микулайлы шняпкисны выговор. А глицерин сора спирттö Игнатов тшöктис завхозыдлы видзны сöмын ыджыд томана көрт ящикын: мутияссьыс пö ылынджык.

Игнатовлы патератö эз и сетны. Локтöмсяньыс, кыз овмöдчис бать-мам дорас, сідз и водзö оліс. Бать-мамсö дзескөдөмсьыс ёна нин дөзмис. Сыысь öтдор на ичöt чойыс челядьнас сэн оліс. Андрей виччысис думнас, мый корсясны мөд патера, но весьшөрö. Медбöрын терпенньöйс быри, и сійö гижис мунөм йылысь шыөдчөм. Некуыз эз көсйыны лэдзны, карса начальствоыс кутіс.

Райкомса секретарыс корліс юрсиктö, дыр сёрнитöдіс, медбöрын ыждалигмоз чорыда помалис:

– Мунан кө, тупкысяс олөмад быдман туйыс!

Андрей тайö кывьяс бөрти шай-паймунліс, падъялөмөн петіс секретар дорысь, зілис лөньöдны асьсö. Мөвпыштіс: «Секретарьясыд вежласьöны жö». Важтыбокö воөдчигчөж юрас воалисны быдсяма думьяс.

Керкаö пыригас на казяліс: гортас мыйкө лоөма. Вөлөмкө, батьыс, Василий Иванович, бара чорыда висьмөма. Сійö куйліс чуланын, стенбокса крөвать вылын. Керка стенмын юр весьтас вöчөм розь вөлі осьса. Стенсö писькөдлісны, медым батьыслы локтіс сөстөм сынöдыс. Сылы көвьясьöма уна сикас висьөм. На пиын пөдөм висьөм, лолыс эз шед. Öні куйліс, сьöкыда лолалис.

– Скорöяд звөнитлінныд? – гортасяслысь юалис Андрей.

– Да, – вочаасис чойыс. – Ог төд, кор локтасны.

– Выльысь колö шыасьны, тэрмөдлыны.

– А төлкыс? Мучитам сөмын, – ышловзис мамыс.

Збыльысь, батьыс важөн вольпасысь эз чеччыв, төлысь сайын кувліс нин. Анфиса Ивановна öтнас гортас вөлі. Кор казяліс верөсыслысь киргөмсö, аддзис сылысь став выв-тырнас черөбтөмсö, уськөдчис да кутіс летны.

– Эн кув, водз на, – шуалис и летіс, и летіс.

Ловзис өд, ыджыда лолыштіс да осьтис синсö.

– Мыйла пальөдін? Сэтшөм бур вөт вөталі. Бытьö веж дзоридза луд весьтөд лэба. Андельяс лэбөдöны, и сэтшөм лөсьыд меным, некыт оз вись. А öні пальөдін да, бара гөгөр чабыртөма, ёнтö-юкалө, апасыс* абу.

– Скорöйөс кора, укол вөчасны, – такөдіс Анфиса.

Воліс скорöйыд. Пöшти быд лун уколалисны, но личөдыс эз нин ло. Сөмын кад кежлө дойсö чинтыштлісны.

Öні бара топөдіс сьöкыд висьөмыс. Син дорыс вөйис, еджыд петіс-мыччысис. Омөльтчис, лыыс да кучикыс коли. Сьöкыд вөлі видзөдны морт вылө, коді лөсьөдчөма эновтны таладорсö.

Василий Иванович ымзіс, сьöкыда лолалис. Друг кыпөдчыштіс, нинөм гөгөрвотөма кытшовтіс синнас да киргыштіс:

– Анфиса, Анфиса! Лок, вай китö, сөв кузовас!.. Мунам мекөд!

Сійö зілис мыйкө шуны на, но нинөм нин эз артмы. Нöшта öтчыд кыпөдчыштліс, нюжөдліс кисö да ланьтис.

Мыськытөм на вөлі, а Важтыбок совхозса парткомсянь локтісны нин партбилетла.

* Апас абу (диал.) – шуöны терпитны позьтөм дой дырйи.

Тыдало, суседкаыс налы звонитлома, партийной жё да. Билетыс од прөстө картон корка и эм, но, буракө, сэтшөм дона, воштөмысь повзьөмаось. Билетсө нуигон весиг эз юавны, кызди да мый выло кутасны дзебны вөвлөм партиечсө.

Сэки мода вөли: ыджыд тыш выло ветлысьяслы кулом бөрын гу вылас сувтөдалисны кортысь вөчөм паметникъяс. Вылиас звезда пуктылисны да гөрд краскаон мавтлисны. Андрей шыодчылис совхозса веськөдлысь дорө, надейтчис, мый отсаласны. Од батыс нэм чөжыс мырсис-уджалис шөр мастерскойын, дзоньталис радиаторьяс да уна мукөдтор. Стенбокса джаджыйын быдсяма көртторыйыс туплясис. Уджалан жырьяс төвнас вөли көдзыд, лөз тшын бовьялис. Батыслөн муртса кок лапаыс тыдалис. Сэтчө война бөрти өстатки дзоньвидзалунсө и воштіс.

Весьшөрө надейтчис Андрей, эз көсийсыны совхозас: көрт листыс пө абу. Паметниксө вөчисны дзик бокөвөй йөз, туй дзоньталан да стрөитан овмөс мастерскойын. Вөчисны да грөш ни көпейка эз босьтны.

Андрей ачыс паметник вылас колана пассө гижис. Лавкаысь ичөт чойыскөд отлаын ньөбисны выль костюм. «Көть бөрья туяс мунас вөччөмөн. Ловья дырийиысы сылы эз вичмывны костюмьясыс», – шуисны найө сідз, од төдісны, мый суседьясыс ас костаныс быть доньяласны, кутшөм паськөмө пасьтөдөмаось шоньянөйсө.

Анфиса Ивановна юыштөма: татөг пө ог вермы бөрднысө. Став лөкыс пө син водзө локтө. Чиганкаылөн коркөя кывьясыс дзик збыльмисны. Гөля, уна челядь пиын да «суетнөя лөжнөя» и лои овны.

Андрей мамсянныс кывліс, мый шуавлөма чиганкаыс. Батыс тшөкыда кодавліс, ыршасьліс мамыс выло, гөньлөдліс ыджыдджык воксө, коді уськөдчыліс дорйысьны, и пөдруга видзис. Мыйла и видзис пөдругасө, коді мамсыс абу томджык? Та дырйи ичөт тушаа, кыз, чужөм вылас мисьтөм. Мый сысыс аддзөма батыс? Эз, эз вермы гөгөрвоны Андрей. А мамыслөн сьолөм бердын мый вөчисис? Анфиса Ивановна сөмын ачыс төдіс. Андрей ичөтдырйиыс на казявліс, кызди мамыс пачводзө саймовтчөмөн син дорсө чышкыштіс.

– Тшыныс курөдіс, – вочавидзліс сійө.

Дзебан лунас вөвлөм Тате пөдругаыс тшөтш локтіс колльөдчыны. Кор Василей лэччөдіс ассыс семьясө Важтыбокө, Тате вөтчис бөрсянныс. Пошта новлөдлыны медасис. Анфиса дорө эз матыстчыв. А талун пырис керкаө да полігтырйи сувтіс порог улө.

– Лок пуксыы, өні сійөс оз нин ков юкны. Со нүжөдчөма, челядьыс выль костюмө пасьтөдісны. – Анфиса Ивановна вешыштіс, прөстмөдіс скамья вылысь местасө.

Вочакыв эз ло, сөмын кыліс чушкыштөм, гашкө, Тате тадзи бөрдіс. Син дорас матыстліс жө чышкөдсө.

Гуасигон Андрей ачыс өна бөрдіс. Синваыс шорөн визувтіс. Нинөм эз шуав, чөла бөрдіс, забеднөысла. Батысө сійө эз сэтшөм өна радейт. Челядьдырйиыс весиг мустөмтіс, кор батыс, мый ки улас сюрліс, сійөн и вачкыліс; сэки Андрей сійөс синнас эз көсийы аддзыны, но кольліс кутшөмкө кад, и прөститліс. Некор батысянныс эз виччысь прөща корөм, сы выло мөдыс эз путьмыв.

А өні, кор батыс куйліс гортйын, став олөмыс сылөн Андрей син водзын исковтис. Мый помнитө, гашкө, сэки, а гашкө, водзджык нин чужис морөс пыткас көсийөм, мый аслас олөмын мөд туй кутас талявны, оз батыслөн кодьөс. Кутшөмөс, тшукуысь эз на төд. Сөмын чорыда эскис, мый сійө кутас торьявны.

Гуасян мөд луно райкомсянь звонитчөны: секретарыс пө тшөктис юавны, батыс кулом бөрын, гашкө, оз мун, оз энөвт овмөссө. Оз кө пө мун, районса газетө шог юкөм йылысь гижөд сетам.

Андрей эз катлась, пыр жö крапкис:

– Муна.

Газетын шогсьöм гижöд эз пет.

Яй да вый вöчан овмöсысь мунöм бöрын главнöй бухгалтер Даньö Микулай сетис Игнатовöс судö: виль уджаланинö вуджöм вылö вичмöдöм сьöмсö пö бөр эз косöд, эз пö быдса восö уджав. Оланпас серти, он кö ас вöляысь сет сьöмсö, косöдöм ради колö суд пыр перйыны. Микулайыд абу вунöдöма коркöя выговор шняпкöмтö. Воис Андрейлы ёрдö шыöдчана гижöдыд, да пöпуттьö мукöд могкöд тшöтш лэччылис районса судья дорö. Сёрнитис, лючки висьталис, кызди делöыс вöли. Судьяыд тшöктис вочакыв гижны да сылы ыстыны. Игнатов сідз и вöчис.

Даньö Микулай лэччылас судö, но бөр кушön каяс. Оз могмöдны сылысь корöмсö.

3

Игнатов бөр кайис Ягдорö. Локтис Иван Максимович Сидоров дорö вöйысыны удж вылö. Сидоров ыждагыштис да век жö примитис сійöс техника безопасносът серти инженерөн. Но висьталис, мый войвывса содтöд сьöм удждон дорö оз мынты: мунігад пö тöдін, мый воштан.

Андрей ырыштчылис вензьыны, öд Сидоров тöдис, мый сійö маслопромысь муніс оланін сеттöм вöсна. Весиг ёрдын сувтисны Андрей дор. Но аддзис, мый вензьöмыс лöö весьшөрö, да ланьтис.

Сёрнджык нин шыöдчылис та серти быдлаö, но ставыс крукасьлис Сидоровö. Сійöс сьöкыд из моз некод эз вермы бертовтны. Кутш моз шашаритчöма аслас шуöмö и ставыс. Мыйла сідз шашаритчис? Андрей эз гөгөрво – оз öд аслас зептысь мынты!

А Сидоров тöдис, мыйла нылыд эз мун. Сійö пöртис олöмö райкомса секретарлысь корöмсö: колö пö велöдыштны Игнатовсö, мыйла аснаукön муніс маслопромсьыс, райкомöс пидди эз пукты. Таысь öтдор Сидоров эз вермы вунöдны тöндзия шöпкöмсö, кор газет лыддигас вугыртлис. «Весьшөрö босьти удж вылö, весьшөрö, – ыдъясис сійö. – А збыльмас кö сійö? Збыльысь кö шöпкöмыс инан?»

Гожöм помланьыс, кызди и пыр, директор муніс отпускö. Сы местаö коли главнöй экономист Иван Михайлович. Сійö и кырымаліс приказсö: мынтыны Игнатовлы содтöд сьöм войвылын уджалöмысь.

Локтис курортсьыд Сидоровыд да ёна и Иван Михайловичöс видис, горзис сы вылö:

– Кык бана, двурушник тэ! Асьтö и öні политрукön чайтан?

– Эн шыблась кывъяснад, – лабутнöя вочавидзис Иван Михайлович. – Да, ме война дырйи вöли политрукön. И медводдзаяс лыдын тышö пырлі, но та дырйи пыр дорйылі найöс, кодъясöс увтыртлісны. И öні доръя. Ме первойсяньыс дась вöли содтöд сьöмсö сетны. Морт уджалö бура. Семья эм, мöд кага виччысьöны. Налы, том гозъялы, овмöдчыны колö, а тэ курчöмыд көртвомтö да некыз он вермы веськöдны. Оз позь тадз йöз вылын тешитчыны. Вунöдін, кор тэ пинясин да министрыдлы печаттьö шыбитін? А тэнö сэки удж вывсьыд вештылісны. Коді тэ вöсна котраліс? Ме котралі. Министр вöчис неморт нога, но тэнад мыжыд вöли жö.

Сидоров эз вочавидз, скөрпырысь, öдзöс клопкöмön петис жырсьыс. Та бöрын сэсса, кор кытчöкö мунліс, ас местаас эз кольы Иван Михайловичöс. А Игнатовöс синнас эз кут вермыны видзöдны.

Андрей пыр тшöкыдджыка пондіс кывны Сидоровлысь сы вылö скöралöмсö. Директор

дугдіс юасьны, мый сійö вöчö удж вылын, кутшöм тырмытöмторъяс падмöдöны. Игнатовыс сылы быттьö абу.

Нелючки аддзигөн Андрей пырысьтöм-пыр и шуліс Сидоровлы та йылысь. Но кодсюрö, тыдалö, суклялісны сійöс директор водзын, лёкöдісны. Та бöрын Сидоров сöмын бугжылясис. Андрей ас кучик пырыс кыліс сылысь лöглунсö. Ачыс эз тшöтъясь, оліс ланьтöмөн. Сьöлöмыс эськö пуис жö, но немтор вöчны он вермы. Медся ёна дойдіс сійö, мый веськöдлысь лыддис Андрейöс некодлы ковтöмөн. Тöдіс, мыйöн дзескöдны! Öд ковтöмлунсö кö кылан, тайö медъёна увтыртö мортсö.

Коркö сэсся Сидоров корис сійöс аслас жырйö.

– Удобрениеөн карса машинаяс локтасны, колö ректыны, – шуис синсö дзебигмоз.

Водзын Игнатов нуліс удобрение тыра машинаяссö, котöртліс и мукöд тшöктöм кузя. И öні эськö вöчис тадзи жö. Но öд кор тэнö пыдди оз пуктыны да кедзөвтöны, муняс-ö нбылыд? Здукөн чорзьöдчис да пыр жö веськыда крапкис:

– А ме кутшöм боксянь та дорö? Тэнад эм управляющöй, бригадиръяс. Ме абу курьер!

– Тадз кутін сёрнитны. Ме удж тэныд сеті, а тэ? И сідз лунысь-лун прöстö довъялан!

– Ме удж вылын прöстö ог довъяв, – лöньджыка нин вочавидзис Игнатов. – Кытшовта, аддза кö нелючкисö бригадаясысь, пыр жö тшöкта бырöдны. Торъя кабала гижа, мед оз вунöдны, а тэ бёрсянь ветлөдлан да кириталан менсьым тшöктöмъясöс. Менам та кузя быдса папка нин чукöрмис.

– Мый?! – Сидоров первой гөрдöдіс, сэсся лөзöдіс да равöстис: – Ме вылö досье чукöртан?! Кляузаяс?!

– Да, досье! – воча дözмис Игнатов. – Ачyd сійöс лөсьöдан!

– Весась менам кабинетысь! – Сидоров нöшта гораджыка равöстис, öдзöс вылö индигмоз. Этшысь петмөн скөрлун вешкыртіс чужöмсö, но здук мысти нин вуджис жаль тöдтöм лöглунö.

Игнатов кыв шутöг петіс. Чужöмыс доналіс, весиг пöсь чепöсйис. Петігас Игнатов паны-дасис мöд бригадаса бригадир Кире Наталькöд.

– Чолöм, – шыасис сійö. – Мый нö талун, Андрей Васильевич, гөрдöдöмыд? Век кельыд чужöма ветлан, а талун быттьö пывсянысь петін.

– Пывси, пыр да тшöтш корöсясь! – скöрысь артмис Игнатовлөн.

Шеныштіс кинас, котөрөн лэччис улі судтаас, аслас жырйö. Пасьтасис да петіс ывлаö, мöдöдчис гаражлань. Чайтіс, мунігас ыркалас, сьöлöмыс дугдас чеччыны.

Дыркодь ыпъяліс чужöмыс. Каитчис нин кывъяссыс. Колö жö вöлі папка йывсьыд гарышты! Тöдлытöг вомсьыс петіс. Чукöртö кö кляузаяссö, мед нин. А öд прöстö аслас индöдъяс вылö, кодъясöс Сидоров киритліс, пасъяліс, кор киритöма. Со и став досьеыс.

Рытнас гöтырыслы висьталіс Сидоровкөд пинясьöмсö. Лариса пыр и шуис:

– Тайöс директорыд сідз оз коль. Кутас лөгавны да быд ногыс тэнö увтыртны.

– Олöмыс петкөдлас, – ышловзис Андрей.

Прав лои гöтырыс. Сидоров эз прöстит Игнатовöс. Быдлаын – гаражын, скöt картаясын кутіс висьтавлыны, мый Игнатов сы вылö досье чукöртö:

– Воськов он лысьт вöчны, ставсö кабала вылö гижалö да кытчöккö, тыдалö, ысталö.

Йöз пöвстын вöліны сэтшöмъяс, кодъяс нимкодясисны Игнатовлөн лёк дорвыв усьöмлы.

– Водзын ёна ошкин, да ошкö пöри, – шуалісны найö.

– Да сораси ме сыön, сораси! Но да нинöм, кутам весавны ас гөгöрысь татшöмъяссö! – Сидоров гөгöртліс кывзысьясöс стрöг видзöдласөн да водзö висьтавліс: – Мырйöс моз бертышта да биö шыбита! Сота, а пöимсö разöда! Тöдмалас, кыдзи ме вылö быдсяма пакöсьтсö чукöртны!

«Тодмышкавны колө! – ас кежас скөраліс Сидоров. – Но кыдзи? Юө кө вөлі да прогуль-яс вөчалө, эськө кокныыда артмис, но өд вомас оз босьты! Ас кадө локтө и мунө. Сідзкө, кыдзи тодмышкавны? Ылавлі, весьшөрө босьтү удж вылө, весьшөрө!» Тайө думьяс вөсна сійө кутіс лөка узыны, войбыд кышакылө, бергалө: то мышкыс, то морөсыс луддзөма, то сьөлөмсө топөдө-жмитө и юрас пыр выльысь и выльысь воө Игнатовлөн «досье» кывйыс, лөкөдө да ышөдө сылысь водзөс босьтны.

Думайтис Сидоров, думайтис, и юрас воис мөвп. Гижис шыөдчөм парткомө.

Өти рытө совхоз кантора залө чукөртчисны партийной йөз. Парткомса секретар Геннадий Прокопьевич, профкомса веськөдлысь, главной специалистьяс пуксялісны өти кузь пызан сайө да шөпкөдчисны. Локтис овмөсса главной экономист Иван Михайлович. Пуксис медводдза улөс вылө, парткомса секретарлы воча. Ставөн виччысисны, кор вос-сяс директорлөн залө пыран өдзөс да мыччысяс ачыс көзяиныс. Кодсюрө видзөдлывлісны часі вылө: сизим час рыт. Дыр-ө позьө виччысьны? Шуөма чукөртчыны квайт да джынйын, сідзкө, колө и локны ас кадө! Но дөзмөмсө ставөн кутісны ас пытшкас, явө ропкөдчыны некод эз лысьт.

Медбөрын дзуртыштіс өдзөс, мыччысис Иван Максимович Сидоров. Костюмасьөма, морөсас пысалөма став наградасө. Челядьдырся медаль да куим орден өшалісны морөс вылас. Пуксис первой радас да кызөктыштіс. Парткомса секретар звирк чеччис, висьталіс, мыйла чукөртчисны, сетіс кыв Сидоровлы.

– Ёртьяс, ме тайө кинас, – Иван Максимович петкөдліс партиечьяслы ки пыдөссө, – паськөді овмөсса видз-му. Карта сайөдз вөлі рас быдмө. Öні лөсталө веж турун, дзик саридз ыджда виддзыс лои. А кымын сюрс литр быд мөс вайө йөвсө? Нельөс! Водзын сюраньяс сетлісны көза мында. А кымын карта лои кыпөдөма? Кымын трактор-машина ньөбөма? А прибыльсө, прибыльсө быд во мыйта босьтөма? Со морөс вылын пасьясыс висьталөны менам удж йылысь! Локтис кутшөмкө зырымбедь да ме вылө досье чукөртө! Талун колө кывкөртавны, коді коланаджык овмөслы – ме али сійө! Ме либө сійө!

Сидоров зымнитіс кабырнас трибуна пөвійө, ош моз бугжыльтчыліс Игнатовлань, коді пукаліс бөрья улөс вылын, кызөктыштіс да пуксис.

Парткомса секретар пырысь-пыр чеччис. Тыдалө, ёна поліс овмөсса веськөдлысьысь. Весиг гөлөсыс тірзьөма, нюжмасьтөг сетіс кыв Игнатовлы.

– Кывзам, мый висьталас Андрей Васильевич. Мыйла сійө мунө директорлы паныд да кутшөм досье чукөртө?

Игнатов сувтіс, гөгөртіс синнас пукалысьяссө. Гөгөрвоис: талун тані сы дор некод оз сувт.

– Ме абу коммунист, – заводитіс сійө.

– Гораджыка, – пыр жө кыліс воддза радсянь.

– Ме абу коммунист, – горзьөдіс гөлөссө Игнатов. – Но коринныд да, локті. Директор вылө ме некутшом досье ог чукөрт. Сійө ачыс аслыс көвьялө оланпас торкалөмьяссө. Во сайын менө индіс инженерө, кодлөн могыс видзөдны, медым йөз эз торкавны уджалан правилөяс. Медым шопер-тракторист эз пуксы руль сайө код юрөн. Медым кабинаө эз сөвтөдны вит да унджык мортөс. Медым трактор телегаын эз новлөдлыны уджалысьяссө.

– Мый тэ долян: медым, медым! – горөдіс места вывсянь Сидоров. – Тэ ачyd менам жыр-йын шуин, мый дзонь папка нин чукөрмис!

– Мхы. Кор ме аддза оланпас торкалөм, кабала вылө гижа сійөс бырөдөм йылысь тшөктөм, урчита кад. Но тайө тшөктөмсө директор аслас шуөмөн бөр киритө. Бригадир либө специалист сэсса менам индөд вылө оз видзөдлы. Та бөрын ме аслам тшөктөмө пасья, кор сійөс директор киритөма. И татшөмыс чукөрмис нин дзонь папка. Тайөс и

висьталі ме Сидоровлы. Гашкө, ті вунөдінныд нин? Эз на уна кад коль, кызди районной суд мыждіс главной инженерос да управляющейос? Вунөдінныд, мый налөн идөртөм удж вөсна Кирө Толя лои ки пөла? Вунөдінныд кө, казтышта...

Кирө Толя код юрөн заводитас лыс лапьяс шырны. Лыс пызтө мөсьяс төвнад радейтөны, но вөчны сійос колө правилөяс торкавтөг. Толя кутас уджөдны агрегатсө, кодлөн лыс матыстан транспортёрыс оз уджав. И мортыс лыссө тойлалас кинас. Код юрнад прөступитас. Ачыс оз төдлы, кызди ки пөлыс веськалас лапьяс шыран барабанө. Мортыс коляс ловьяён, но лоас инвалидөн.

А өд главной инженер да управляющей төдісны, мый агрегатсө оз вөлі позь уджөдны. Управляющей аддзыліс код юра мортсө лыс шыранінысь, но эз вөтлы, эз дугөд уджсө. Лои неминуча. А Сидоров некодысь оз пов. Сійө тані сар и Ен. Ме думысь, сыын, мый Толяыс коли ки пөла, эм мыжыс и директорлөн. Но сійө райсоветса депутат, кывкутөмө эз кыскыны.

А тулыснас мый вөчсьө? Сидоров оз куритчы, а истөг көрөбыс век зептас. Мунігмозыс чиркнитас-өзтас кос ызөнсө*. Бөрсяныс лөз тшын кайө. Тшын сертиыс йөз төдөны: директор пө сиктгөгөрсө видзьяс вывті ветлөдлө. Та вөсна артмылө уна неминуча. Сотчөны би сюрьяяс. Кольөм тулыс на Ош грезд дыр битөг оліс. Сидоровос штрафуйтлісны, но сылы тайө тшаква.

Ме быд удж зіля вөчны сідз, кыз корө оланпас. Менам тайө уджмогөй. А Сидоровлы оз кажитчы. Сылы, тыдалө, каститчө нин, мый ме сыысь вылө пета. Ог пет. И сылысь зільөмсө да уджын вермөмьяссө ог увтырт. Но уджтө колө сідз вөчны, медым шедөдөмыс эз вөв синва сора. Менам ставыс.

Залын пуксис чөв-лөнь, но сөмын здук кежлө. Сидоров чеччис, синмыс өзйис лөглунөн:

– Велөдчөмыд, шылбыда больган! Да тэ первойсяныс ныртө лэпталін! Первойсяныс вышитчин! Сөмын ме дыр эг казав. Весиг, кор во сайын маслопромсьыд локтін, корлі Виль во дырйи пыравны ме дорө, мися, точкам өтлаын, мөдлаө мунін. Тайө өмөй оз петкөдлы тэнсьыд этштө? Сы бөрын чорыда аслым шуи: войвывса прөчент вылө приказ ог кырымав! Сөмын тай мян вөлөмаөсь абу сөмын ныр лэпталысьяс да кляуза өктысьяс, но и двурушникьяс! Нөшта өтчыд висьтала – ме али эсійө, думайтөй!

Сидоров шеныштис кинас Игнатовлань да пуксис. Скөрысла ныр розьясыс атшалөм меринлөн моз паськавлісны.

– Правильнө Иван Максимович шуө! – горөдіс фермаса бригадир Кызьюров, сэсся лөньджыка нин водзө сёрнитис: – Игнатовыс ышмөма, кабалаяс өтторья гижалө. И сідз юрөс гыжйыштны некор, а сійө аслас техника безопасностөн дөсадитчө. Лыс пызь вөчигөн лоөмторсө сэсся, гашкө, нэм чөж кутас казтывны. Коді оз уджав, сійө оз и доймы. Игнатовсө Иван Максимович первойсяныс лэптис, козиньяс сеталис. Весиг медальөн наградитис, а сійө пасибө пыдди чуньсө мортыслысь курччис. Ог, ог ошкы ме сійос!

– Метшөтш Иван Максимовичдор, – чеччис отделениеса управляющей. – Игнатов водзвылын ме уджалі инженернас, но эг чиршөдлы веськөдлысьясөс. Öні управляющөяла, пыр и суд скамья вылө лои пуксьыны. Ачыс кор вөлі управляющейөн, эз жө өна жуглы юрсө техника безопасность вөсна. А видзьяссө Иван Максимовичыс мыйта паськөдіс! Медводзын черөн петө, медся зіля кералө понөльяссө. Ми вөтчыны ог вермөй, сы өдья керасьө.

– Тэ кө эн чиршөдлы, сы вөсна и суд скамья вылө веськалін, – места вывсяныс шыасис Игнатов. – А Сидоров дорө Виль во пасйыны эг лок сы понда, мый гөтыр водзджык

* Ызөн – кольөмвося ытшкытөм турун.

нин сёрнитчöма суседъяскöд, на ордö и муним. Ме Сидоровлы коригас та йылысь висьталі. Тайö Сидоровöс некутшöма оз увтырт. А видз вылад эз сöмын директор уджав. Став кантораса сэнi мырсисны. Бригадаса мужикъяс пила да черсö кисьыс эз лэдзлыны. Сідзкö, видз паськöдöмын пайыс эз сöмын Сидоровлөн вöв.

– Гөлöсуйтам! Тырмас сылысь кывзыны! Абу прав да дорйысьö! – кодкö горöдіс мышсянь. – Ме Иван Максимович дор. Игнатовöс колö удж вывсьыс тодмышкавны. Мед ёгсö йöз син водзö оз петкöд.

– Иван Максимович сылы ыджыд чесьт вöчöма, корлöма Виль во пасйыны, а сійö брезгуйтöма. Коді миян сиктын Максимовичысь ыджыд? Некод! Сідзкö, сы дорö и колö вöлі мунны. Игнатовлөн некутшöм чинопочитание абу. Ме кö татшöмторсьыд эг жö прöстит, – сувтыштлис главнöй инженер.

– Ёртъяс, эн тэрмасьöй, – чеччис Иван Михайлович. – Менö Сидоров нимтö двурушникөн. Но татшöм нимыс оз лöсяв. Ме, кор Игнатов бөр локтіс миян овмöсö, радлыштi весиг. Сійö тöлка специалист. И мортыдлы колö вöлі мынтыны удждон дорö войвывса содтöдсö. Та йылысь Сидоровлы ме веськыда шулі. Но Сидоров дудан вöв моз курчöма кöртвомсö да некыдз веськöдны он вермы. Тані, ме думысь, оз ков петкöдлыны асьыд наян этштö, кöть тэ и кутш рöдысь. Управлениесянь воис приказ – Игнатовöс маслопромсянь переводөн индыны инженерөн. Ме сы подулын, кор вöчи директорлысь уджсö, гижи асьым приказ. Нöшта содта: öта-мöд костад колö корсьны ладмöдчанінъяс, а оз век косьö нырччыны-пырны. Тэнад, Иван Максимович, видзöда да, сьölöмыд рудзöг няньтор моз лунысь-лун чорзьö. А чорзьöдчöмөн да öта-мöдöс кывтöг бур олём оз артмы. Вот татшöм кывкöртöд вöча ме, вöвлөм фронтовик-политрук.

– Да, ме кутш рöдысь, – пыр жö вочаасис Сидоров. – Этшöй меным отсалö шедöдны виль вермöмъяссö. Со, – индіс морöс вылас, – кымын награда та йылысь висьталö!

– Колö уджалігад аддзыны бурасян туйяс. Оз сöмын Игнатовкöд, но и мукöд специалисткöд, – выльысь сувтыштлис Иван Михайлович. – Тэ круп-крап вöчан, а сэсся лоö йöзлы корсьны ладмöдчöмсö. Вунöдін, кор министрыд тэнö вöтліс удж вывсьыд? Виль пöв казьтышта. Сэки тшöтш тадз кратайтчин. Сöмын эн миян водзын, а министрлөн жырыын. Эг кö ме котрав, көн эськö öні вöлін? Этштö колö ас пыткад дзебыштны. Мед кö морöстö мичмöдöны орденъяс. Йöз уджалöны, шедöдöны виль вермöмъяс, та понда и орденъяс тэныд вичмисны. Таын ыджыдджык пайыс йöзыслөн. Вежавидзыштны колö. Позьö öмöй тадзи сёрнитны: али ме, али сійö? Чайта, оз.

Иван Михайлович бöрын унаөн на сёрнитісны. Унджыкыс мунісны Сидоров дор. Сійö директор, а коді Игнатовыс? Специалист, салага. Мед первой сымда вын да сямлун пуктас овмöсö, кызди Сидоров, вöлись кабалаяс гижалас.

Бөръя кывсö шуис парткомса секретар. Шуис сідз, мый пукалысьяс эз и гөгөрвоны, код дор сійö сувтіс, коднысö лыддьö правөн.

Чукöртчылöмыс некутшöм вежсьöм öта-мöд костö эз вай. Сидоровлөн Андрей дорö лöглуныс эз чин. Сійö некыдз эз вермы прöститны зонсö. Пыдöдз вежöрас пырисны кывъясыс, мый чукöрмис папка тыр кабала. Оз, оз вун татшöмторйыд! Сё во кольö, а оз вун!

Гöрд Октябрлөн празник водзвылын директор чукöртіс аслас жырьö став специалистсö. Варовитісны удж кузя. Помасигас нин шыасис главнöй агроном Мая Алексеевна:

– Иван Максимович, празник водзвылын тыртчам да пукуштам кантораас. Öтлаын важөн нин эг пукавлöй. Сьылыштам да йökтыштам, пусям асьным бабаяс, аюлов юантор босьтасны. Сöмын сьöм кузя колö сёрнитчыны, унаөн-ö шыбитчам.

Сидоров зумыштчис, букуштчыліс Игнатов вылö да шуис:

– Миянлы оз позь кантораад чукөртчыны, удтысьысь эм, бара досьеыс содас.

– Иван Максимович, – пыр жö өлөдiс Иван Михайлович. – Мыйла тэ тадзи? Мыйла?

Сидоров ланьтiс, рак моз гөрдөдiс. А Игнатов, буретш сылы вöли веськөдöма директорлысь кывъяссö, чеччис да кыв шутöг петiс жырйысь. Аслыс чорыда шуис: Сидоров дорö сэсса ёна ковтöг оз кут пырны. Сiдз и вöчис. Планёркаяс вылö Игнатов дугдiс ветлыны.

– Аддзанныд, бара эз лок, – директор юрнас докнитлiс улöслань, көнi водзтi пукавлiс Игнатов. – Асьсö вылö пуктö, менö оз признавайт.

Андрей збыльысь эз кут пыдди пуктыны тайö мортсö. Удж кузя эз шыасьлы. Сидоров эз жö юасьлы, мый сiйö вöчö. Дугдiсны весиг öта-мөдныскөд здоровайтчыны. Паныдасясны кө, юрнысö бокö бергөдöны.

Игнатов дөзмөмсö кутiс ас пыткас. «Коркö ачyd крукасян, – лөгпырысь думайтiс сiйö. – Некодысь он пов? Повзян! Ошлөн лапаяс паськыд, и сiйö на капканö шедлывлö!»

Туналис зонмыд!

Төвся сёр рытö, карсянь локтiгөн, Сидоровлы туй шöрын другөн мыччысис морт. Узик мунис öдйö и та понда сувтны пыр жö эз вермы. Кылис зургысьöм шы. Туйвывса мунысь лэбис бокö. Узик сувтiс, сэсса надзöник бöрынтьчыштiс.

Сидоров да шоперыс петiсны машинаысь. Матыстчисны куйлысь морт дорö. Машина би югөр улын тыдовтчис Ош грездысь Гындей Опонь, «алкаш», немнас оз палявлы. Сiйö ымöстiс, вомсьыс паркнитiс вина дук.

– Код юра, терпитны ог вермы! – скöрысь öвтыштiс кинас Сидоров. – Палялас да ачыс мунас гортас!

Сöлисны машинаö и водзлань дзижöбтiсны. Асывнас паськалiс сёрни: Гындей Опоньöс пö машина кувтöдзыс зургöма. Милиция босьтчис туясьны. Сёр рытнас кайöма сöмын öти машина, узик. Муртса усыштöм лым вылын бура тöдчис көлеса серыс.

Погонаяс локтiсны директор дорö, кутiсны юасьны. Сидоров соссис: ми пö некодöс эг аддзылöй. Но туясьысьяс сылы эз эскыны, босьтiсны узиклысь бамперсö да нуисны экспертиза вылö. Регыд мысти и совхозса шоперöс кутузкаö лэччөдiсны.

Сидоров, медым тупкыны панöм делöсö, лэччылис карö, пыралiс обкомö да министерствоясö. Норасис милиция вылö шоперсö пуксьөдöмысь. Соссис: эг пö ми зургöй. Да-й зургöм мортыс некодлы ковтöм, вина помысь пö кулi. Позьö öмöй сы понда бур йöзлысь олөмсö урсавны? Дыр туясисны, но шопертö бөр ковмис лэдзны. Делöсö тупкисны. Гындей Опоньöс дорйысьыс эз ло...

Шоперыд дзескыдiнсьыд мынис да лөсьөдiс озыр пызан, корис Сидоровöс. Öнi найöс быттö öти гезйөн лои шымыртöма-көрталöма. Пукалiсны, варовитiсны, пражитöм чериөн чöсмасисны да стопка-мөд вомас кисьтiсны. Асьнысö чолөмалiсны бура помасьöмнас.

– Тайö делöысь эськö мынтөдчим, – Сидоров шөпнитiс шоперлы. – Нöшта кляузничайтысьöс колö тодмышкавны. Ме думысь, сiйö туйвывса лөомторсö явитiс. Зэв яра прокурорыс босьтчылис сёрнитны да: миян пö свидетель эм. Игнатов тайö, тшукысь сiйö!

– Коркö зургам жö дай, – зумыштчылис да буркнитiс шопер.

Иван Максимович сы ныр водзын чуньнас öтарö-мөдарö вöчис:

– Мөд ног мынтөдчам...

Та бöрын Сидоров нöшта на ышмис. Пыр ёнджыка кутiс кедзovтны Игнатовöс. Быд пöрйö чинталiс премиясö. А öтчyd нинöм абусьыс и дзоньнас киритiс. Андрей матыстчылис сы дорö.

– Мыйысь? – юалис сiйö.

– Досьесьыд, – лөгпырысь вашмунис Иван Максимович.

Сійө гөгөрвоис: депутат чиныс унаторйысь вермө дорйыны директортө. А сідзкө, нинөмла быд зырымбедь водзын копрасьны. И сідз синсө вежө. Локтөма да нөшта юасьө: мыйысь пө. «За досье! За писульки!» – рочыштіс ас кежысь.

4

Сиктын паськаліс сёрни: шөр школаын пө кутасны гырысь класса зонкаясөс велөдны трактористө. А регыд мысти Игнатовөс школаса директор кораліс удж вылө.

Андрей катласис: мунан выльлаө – бара лоө выль поплы копрасьны. Дерт, өти сиктад олігөн школаса веськөдлысьсө кутшөмакө төдіс, но өд эз уджавлы ськөд. Сөмын паныдасьлігөн чолөмасьліс да йөз вомысь мыйсьурө кывліс.

А совхозас кутшөм удж? Тадзи өмөй верман кутчысьны? Сёрнитіс гөтырыскөд.

– Школаын йөз жө уджалөны, – такөдіс Лариса.

Игнатов пуктіс Сидоровлы ныр улас овмөсысь мунөм йылысь шыөдчөм. Сидоров лыддис да весиг чечыштіс пуклөс вывсьыс. Кватитіс ручка да нярскөбтіс-кырымаліс.

– Переводөн өд кора, – зумыша шуис Игнатов.

– Сета, сета. Слабог, көть талун мун.

– Аски.

– Ладнө, ладнө, – өвтыштіс кинас Сидоров. – Пет жырсьыс, мен некор.

Игнатов чөла петіс. «И тайө мортсө аслам көлысялігөн ме пуксьөдлі орччөн! Нэм чөж кута каитчыны, мый Сидоровөс сэки кори! Сөвесьттөм морт вөлөма, а яндзимсө сапөг утйөднас тальыштөма».

Мөд луннас Игнатов локтіс школаө. Директорыс удитөма курортө лэбны. Босьтіс удж вылас физика велөдысь Альберт Егорович, коді вежис школаса веськөдлысьсө. Сійө радпырысь висьталіс, кыдзи найө уджалөны, төдмөдіс муртса на вевт улө вайөдөм мастерскөйөн, кодөс неважөн «шабашникъяс» тэчөмаөсь кирпичысь. Кольөма пытшкөс удж вөчны.

Стрөйбасө кыпөдөмын ёна зілис сиктсөветса председатель Алексей Михайлович. Лун и вой эз ланьтлы, корсис колана материалъяс, индаліс удж вөчысьясөс. Став жырсө штукатуритісны, кыклаө джоджсө вольсалісны стружитөм плакаысь, а өтилысь бетонируйтісны да краситісны.

Игнатов пыртліс сэтчө важ тракторлысь мыськавлөм детальяс да агрегатъяс. Торъя жырийө сувтөдісны верстакъяс. Сэні поснияслөн лоөны пуысь вөчасян урокъяс. А коймөд жыр лөсьөдөма шөр классъясысь зонпоснилы – көртөн вөдитчөм вылө.

Вөлі гожөм шөр, и Игнатов уджаліс соссө пуджөмөн, медым тырвийө дасьтысьны выль велөдчан во кежлө.

Сентябр өтиөд лунө челядь локтісны выль мастерскөйө. Та бөрын коли төлысь куим. Андрейлы школайд эз мусмы. Веськыда кө шуны, сэні сылы дзик эз кажитчы. Мынтысьөны омөля, а уджыс уна да выль, төдтөм. Быд урок кежлө лоө дасьтысьны, вөчны ичөтик конспект сямаөс.

– Абу сьөлөм серти, – норасис сійө гөтырыслы.

– Терпитышт, велалан, – такөдіс мөдыс. – Кысь сэсся уджсө корсян?

– Мунны колө.

– Кытчө? Бокиас өд некод жө оз виччысь, – эскөдіс Лариса. – Тэ лэччылін нин Важтыбокө.

– Да патерасө кө сетісны, өні эськө вөлім Важтыбокын, – вочаліс Андрей, но пыр жө өткывъясис: – Ковмас терпитны.

Андрей терпитіс, быд урок кежлө ёна дасьтысис. Посни да шөр класса челядькөд

кокныдджык. Найос ёнджыка колё велодны уджавны инструментъясон. Стружитчыны, пилитчыны, тувьясьны, көртөн вөдитчыны. А гырысь класса зонкаяс велөдоны трактор да сельхозмашинаяс. Тайё урокъяс кезлө лоё дасътысьны дырджык. Көть этша на кадыс коли техникум помалом бөрын, но кутшөмсүрө төдөмлунъяс вунөмаось нин.

Коли нөшта во джын. Андрей дугдїс гаравны мунөм йылысь. Да-й кытчө мунан? Мөдлаё некод эз чукөст. Он кө бара Сидоровлы пидзөсчаньясь, но Андрей та йылысь весиг мөвпавны эз көйы.

Совхозысь мунөм бөрас нин Сидоров сійос дзескөдїс. Весигтө порсьписө гортас тшөгөдөм вылө оз вөлі сет. Коркө ужнайтігөн та йылысь гөтырыс сёрни панїс.

– Мед нин тэ вылө лөгалө, но өд семьяыс мыйөн мыжа? Со быдмөны, быд лун сёян виччысьоны, – индїс Ваня да Тася вылө.

– Ме лои мыжа, мый порсьписө оз сет? – чуймис Андрей.

– Абу эськө да.

Ваня мөд луннас керка йөрын паныдасис Сидоровкөд да пыр жө юалїс:

– Директор дядь, тэ мыйла миянлы порсьписө он сет?

Мөдыс виччысьтөм юалөмсьыд джөмдыліс весиг, кызөктыштїс да ымөстїс сөмын:

– М-м-м.

Некымын лун мысти Сидоров корис Ларисаөс аслас жырїө да мыччис порсьпи вылө кабала.

– Вештысь да ветлы аски гидас, – синсө дзевөмөн шуис сійө. – А то пиыд нин вөлі корө.

Ларисалөн горш дорыс гөрддзасис. Том нывбаба чөла босьтїс кабаласө и жырсьыс петөм бөрын нин синвасө чышкыштїс, забеднө лои. А өд эз на уна кад коль, кор Сидоровыс пукалїс накөд орччөн, ошкис Андрейөс да Ларисаөс, сиис став бурсө. Сэки Лариса и мөвпыштны эз куж, мый во-мөд мысти сылөн верөс да Сидоров лооны өта-мөдныскөд кань да пон кодьось. «Эн кор сійос, – өлөдлїс сэки Андрейөс Лариса. – Бать пыддиыд ыджыд вокыд лоө». Эз, эз кывзысь. А мыйөн помасис?

Андрей дөзмис быд пөрїө порсьпи корны-дзайгыны.

– Кролик босьтчам видзны, – шуис гөтырыслы.

– Ме абу паныд, – мөдыс пыр жө сы дор сувтїс. – Оз нин ков Сидоровлы юрбитны.

Дас кык патераа брус керка дорө пөвйысь коркө стрөитлөмаось сарайяс. Инпөвса пачлы пес да мукөд көлуй видзны. Андрей сэтчө вөчыштїс джадж да пөвьясысь тувйыштїс некымын вежөс. Артмисны торья позьяс. Төдса морт сетїс руд сера кык кроликөс, эня-пияөс. Водзпөр на, муртса гожөмыс пуксис, Андрей гурйис борьясысь коса гөрбушөн турун, косьтїс да чөвтїс кык пинькоста зорөд.

– Тайө төвйыны, – шуис гөтырыслы. – А өні позьө на веж турунөн вердны. Со керөса му борьяс быдмө. Эн дышөдчы да ытшкы. Сидоровыд дугдїс нөбьяс бөрся вөтлысьны.

Андрей тшөкыда кайлывлїс керөсө мотоциклөн. То ас вөчөм ичөтик тележка пысавлывлїс бөжас, то мешөк босьтлывлїс. Öтчыд, пажын водзын, юрас тувкнитїс мөвп пиыскөд кыкөн кайлыны. Тэрмасис, лун-мөд мысти школаө мунны, а гортас уна на коли вөчтөм уджыс.

– Ваньө, – чукөстїс өшинь улысь писө. – Кайлам турунла.

– Пап, меным дыш, ворсны окота.

– Дыш? Некутшөм дышөдчөм! Мөд классын кутан велөдчыны. Ыджыд нин, колө отсасьны, локтан да водзө ворсан! Час, мотоциклө тележкасө пысала.

Ваньө зуньгыртчөмөн матыстчис бать дорас да кавшасис пуклөс вылө. Кутчысис батыслы коскас.

– Эн усь, кутчысь ёнджыка, – тшөктїс пиыслы.

Турунсö Андрей ытшкис, а пиыс чукöртис. Мöдöдчисны гортö. Надзöник эськö и мунисны, но гортас вотöдз мотоциклöн бöрря кöлесаыс веськалис гöптö да вильснитис. Мотоцикл тумбыльтчис боквыв. Газ ручкасö усигас топöдис, да моторыс кутис лёкысь эргыны.

Ваньö гораа бöрддзис:

– Ко-окöй спица костас пырис!

Андрей уськöдчис пи дорас. Кватитис сылысь кок лапасö да кыскыштитис асланысь, медым мынас спица костсыс. Шедис эськö, но кылис трачмунöм.

– Ой, чеги! – детинкалөн синваыс шорөн исковтитис, чужöмыс едждис.

Андрей ёна повзис. Сьölöмыс ёкнитис, морöс пытшкыс кушмылис, быттьö вылас йи кодь кöдзыд ва кисьтисны. Кватитис писö моздорас.

– Отсалöй! – горзигтырйи мый вынсысь гөнитис гортас.

Горзöм шысö кылöма суседкаыс да уськöдчис отсасыны. Первой детинкалысь пöрччöдисны гачсö да сувтöдисны вир мунöмсö. Сэссия кок бердас кыз картон пуктисны да кöртыштисны. Медым оз вөр да нöшта дойсö оз содты. Звöнитисны больничаö. Пельшöрыс öдйö и локтис. Видзöдлитис доймöмсö, вöчис укол да тшöктис лэччыны Важтыбокö.

– Машина дзик пыр ыста. Тыдалö, операциятöг он мын. Лыыс вешйöма бокö, яйсö спицаыс ородöма, – петигас шуис сйö и нöшта на содтис. – Оз, операциятöг оз артмы.

Андрейлөн морöс пытшкыс гудыртчис, дзикадз ловнас уси мортыд.

– Колö öд вöли туруныдла нуöдны! Мутиясыс, тыдалö, тойлисны! Ачым, ачым мыжа! – вöйпсис сйö.

Важтыбокö туйыс грунийöсь-гранийöсь. Грейдер важөн нин му веркөссö абу шильöдлöма, быд гуран тракнитöдö. Андрей писö кутö водзас, но зöркнитигас доймöм кокыс вөрзылö. Дойыс выльысь и выльысь ёнтыштли.

– Эн öдйö, – корö шоперсö Андрей.

– Ме сідз нин нелямын километрөн муна, – вочавидзö шопер. – Таысь кö надзөн, кор волам?

– Гуранъясöдыс надзмöдышт.

–>Addзан туйсö, пеласян пöв кодь. Посни гураныс лыдтöм-тшöттöм.

– Сідз эськö да.

Андрей зильö кутны пиыслысь коксö, медым оз лег, но тайö сьöкыда артмö. Кызкö тай воисны жö бурдöдчанинö. Ягдорсянь звонитлöмаöсь да, хирургыс, вöлөм, виччысьö нин.

Ваняöс пыр жö нуисны операция вылö. Андрей кольччис коридорö. Медсестраыс пырмунигмоз сувтыштлис сы дорö да шуис:

– Мун гортад, пиыд наркоз улын лоö. Мый колö, ми ставсö вöчам.

Андрей юрнас пыркнитис:

– Ог, виччыся операция помöдзыс.

Андрей инö оз öшйы, пуксьылас, бара чеччас. Асьсö быд боксянь видö: «Кутшöм на кокыс лоö пиыслөн? А чотны кö кутас? Нöб турун понда! Эз вермы öтнас кайлыны. Мыжа, ачым мыжа!»

Кор хирургыс мыччысис операционнöйысь, Андрей уськöдчис воча:

– Доктор, артмис?

– Бур, ме думысь, оз кут чотны. Ми ставсö лöсьöдим, верман гортад мунны, – шуис хирург.

– Збыль оз мöд чотны? – нöшта на юалис Андрей.

– Оз, – ординаторскöйö пыригас нин кывкöрталис хирург.

Андрей век на эз эскы, мый ставыс лоö лючки, юрсö öшöдöмөн петис бурдöдчанинысь да шогсигтырйи мунис мамыс дорö. Керка öшиньяс пемыдöсь, ставныс узьöны. Ковмис таркöдчыны.

– Бласлө кристос, мый лои? Вой шөр кадө ветлан, – повзис мамыс.

Андрей висьталіс лоөмтор йывсьыс да корис чай стөкан: асывсянь пө сөйтөм.

– Пөсь ваыд эськө, пузьодан да, лоө, но заварка пыдди пув кор сөмын эм. Менам пенсия эз на во. Нина оз уджав, сылөн на йылөмыс тані бергалөны, сөйны-юны корөны, – мыжа моз шуис Анфиса Ивановна.

Мамыслөн кывъясыс чепөльтісны Андрейлысь сьөлөм дорсө. Кыв шутөг кисьтіс чайникө ва да чуткис розеткаө. Пузис мыйөн, заваритіс, виччысьыштіс, кор ваыс рөмсө вежас. Муртса муговджык лои, ырситіс, аслыспөлөс көр коли вомас.

Диван вылө водіс, оз узьсы, ышлолалө. Лоөмторйыс вежөрас бергалө, лич оз вартлы, майшөдлө. Кысь нө он майшась, а друг кө пиыс чотны мөдас? Быд воськов кутас укөрайтны, нэм чөжыс сылысь мыжсө казътывны. Верман-ө тайөс терпитны? Сідз ышлолалөмөн войсө и колляліс, эз прамөя унмовсьлы.

Асывнас чеччис, мыссьыштіс, гоз-мөдысь паньыштіс пөсь шыд, кыскис зепсьыс сьөм да мыччис мамыслы:

– Босьт, колө эськө унджык, но мый эм. Пилы гөснеч вылө кольышті.

– Пасибө, тырмас. Эн сы выйөдз шогсьы, бурдас детинаыд.

Андрей мөдөдчис больничаө. Керкаысь петігас нин чөвтліс синсө стөнын өшалысь рөмпөштанө. Усурмунөм да бритчытөм чужөма, но тайө сійөс өні эз майшөдлы. Пиыс, пиыс кызди, лючки-ө паляліс?

Мунігмозыс пыраліс лавкаө, ньөбис кампет, печенньө да кык яблөг.

Пиыслөн палатаыс улі судтаын, нельөн сәні, ставныс операция бөрын. Ваньө куйлө өшинь бердын, оз узь. Батьсө аддзис да дусыдмыліс. Төдчис – скөралө.

Андрей ньөбөмторсө пуктіс тумбочка вылө да синсө дзөбөмөн, мыжа морт моз, кутіс юасыны, кызди узис, висьө оз доймөмыс.

– Висьө, – нюкыртчыліс Ваньө. – Мыйла менө мырдөн нуин?

– Мыжа ме, прөстит, – лөня шуис Андрей.

Ваньө эз вочавидз, и батыслы эз лө лөсьыд, мый пиыс сійөс көдзыда паныдаліс. «Сідз меным и колө, эг юрөн думайт. Коркө техника безопасносът кузя уджалі, өні со ачым торки. Мыжа, көть сәсся ассьым кокөс чегасны. Абу жаль, мед сөмын пилөн бурдас», – вөйпсис сійө.

Медым торкны палатаын пуксьөм чөв-лөнь, босьтіс яблөгсө да шуис:

– Петала мыськышта.

Бөрсө пыригөн нин кыліс, кызди орччөн куйлысь мужичөй писө велөдіс:

– Бурдан да, батыдлы пель дінас вачкы.

Сентябр өтиөд лунө Игнатовлы школаса директор бур уджысь сетіс райисполкомсянь почөт грамота.

– Нимыд сөмын президиумын вөлі. Предрика* заводитліс пинясьны: мыйла пө Игнатовыс абу сөвещание вылын, но ме шуи, мися, бөрас висьтала. Йөз водзас абу лөсьыд. Сійөс, мися, ыджыд шог суис.

– Атьө чина водзас дорйөмсыйд да грамотасыйд, – вочаасис Игнатов.

Сылы өні тайө пасйөдыс некутшөм радлун эз вай. Кутшөм радлөм, кор пиыс бурдөдчанінын куйлө?

Коли кык вежон. Ваньө кардъялөм кокөн воис гортас. Андрей школаысь локтас, зіля вердыштас писө, пасьтөдас да ывла вылө петкөдас, пуксьөдас скамья вылө: мед пө сөстөм сынөдсө апыштас.

* Предрика – дженьдөдөма: райисполкомса председатель.

Сөмын пиыскөд ноксигас лөньыштліс майшасьөмыс. Казяліс, бурланьө делөыс мунө, но асьсө дзикөдз лөньөдны эз вермы. Гөтырыс нин заводитіс шуасьны:

– Тырмас өтарө вөйпны. Лои и лои, мый сэсса вөчан? Справитчас, Ен отсөгөн важсьыс тэрыбджыка кутас котравны.

– Медъя эськө, быд лун тайөс виччыся, – шуывліс Андрей писө мездорас ывлаө петкөдігмоз.

Рытьяснас кежавліс учительница. Мөд класса программа кузя урокъяс велөдны, мед ёртъяссьыс оз коль.

Воис дыр виччысяна луныс. Ваньө кокысь перйисны гипса көртөдсө.

– Ноко, вөрөдышт кок лапатө, – тшөктіс врач. – Бур, кутан котравны.

Сэсса висьталіс, кызди помөдз бурдөдчыны. Ичөтик көстыль сетіс: оз пө кут ковны, да бөр ваянныд.

Ваньө өдйө и велаліс көстыльөн ветлыны. Весиг кажитчыны сылы кутіс. Öшинь улын челядь водзын асьсө петкөдліс. Другъясыс то өти, то мөд босьтлісны көстыльсө да моски кузя кок пөв йылас чеччалісны. Налы, дерт, лөсьыд чеччавны, дзоньвидзаөсь да, а Ваньөлы лөө видзчысьны, мед виль пөв кокыс оз чег.

Коли медводдза четверть. Каникул бөрын Ваньө, батыслы киас кутчысьөмөн, муніс школаө. Первойсө тувчаліс полігтыр, а гоз-мөд вежон коли да, пыр зумьдджыка нин восьлаліс.

– Слабог, оз чот, – лов вылас кокныдджык лои Андрейлы.

А сэсса вочасөн вешйис-тупкысис тайө шогыс. Эз нин Андрейлысь морөс пытшсө ёнты. Ваньө котравны мөдіс, мукөд зонпосниысь эз кольччы.

Но тайө лөөмторйыс нэм помөдзыс Андрейлөн вежөрас оліс. Оз, оз да казтыштас коркөясө, чепөльтас морөс пытшсө, кор пиыс доймылөм коксьыс носкисө пөрччылас.

Витөд глава

1

Школаса велөдысьяслөн эм өти буртор: шойччан кадыс пыр гожөмын. Позьө шуны, челядьөс лэдзаласны да, сентябр өтиөд лунөдз шойччөг. Дерт, мыйкөдыра кежлө луннас колө вөлі волыны школаө. Виль велөдчан во кежлө жыръяс дасьтыны, но тайө асшөр удж, оз ков посни йылөмкөд ноксьыны да повны налөн доймөмысь.

Игнатовлөн өти лун коли отпускөдз. Школаас тайө лунө воліс нөшта өтчид – видзөдлыны, ставыс-ө лючки-ладнө. Виль пөв видлаліс инструментъяс, лөсьөдыштіс плакатъяс. Кытшовтіс синнас дзим-дзурк краситөм джоджсө и коли дөвөль. Весиг лов вылас лои кыпыдджык. Муртса удитіс томнасьны, котөрөн воис завуч.

– Андрей Васильевич, тэнө дзик пыр телепон дорө корөны, – зэв өдйө висьталіс сійө.

– Коді корө?

– Шуисны, райкомсянь.

– Мый налы ковмөма? – чуймис Игнатов.

– Ог төд, эз висьтав.

Игнатов тэрыба пырис велөдысьяслөн жырйө да босьтіс телепон трубка:

– Кывза, Игнатов.

– Андрей Васильевич, – кыліс трубкаын мужичёй гөлөс. – Ме, Панков Сергей Павлович, партия райкомсянь. Öнi пукала совхозса парткомын. Верманныд волыны татчö?

– Мыйла? – юалис Игнатов.

– Сёрни эм.

– Вола, час джын мысти.

– Виччыся, – кыліс да трубкаын заводитіс тшöкыда тутсыны.

Парткомса жырйын пукалісны секретарыс, Королёв Геннадий Прокопьевич, да райкомсаыс. Райкомсаыс пыр жö чеччис, чолöмасис ки на ки. Висьтасис: ме пö орготделса заведующöй. Киасис и Геннадий Прокопьевич. Чужöм вылас вöлі дусыд. Андрейлы сійö пыр кажитчыліс пöдса сьölöма мортөн.

– Мый могөн коринныд? – улöс вылö пуксигмоз юалис Игнатов.

– Колö совхозö веськöдлысь, – вочавидзис Панков.

– Кутшöм совхозö?

– Татчö.

– Тані жö эм, – чуймис Игнатов.

– Бөръя кадö Сидоров оз лэдз овмöслы быдмыны, – шуис Панков.

– Кыдзи овмöс оз быдмы? – торкис сійöс Игнатов. – Газетын гижöны: ставыс пö лючки, планъяс пöртöны олöмö, стрöйтчöны. Да ме и ачым аддза, гашкö, тэрмасянный татшöм кывкöртöдъяс вöчны?

– Райкомса бюро шуис мездыны Сидоровöс овмöсөн веськöдлöмысь. – Панков чеччис, прöйдитчис öтарö-мöдарö. – Министркöд öткывъясьöма нин. Он кö ті кöсийсьöй, корсям мöдöс.

– Весиг сідз. – Игнатов тшöтш сувтіс. – Нопйыс сьöкыд. Совхозён веськöдлыны – абу шöр усадьбаöд котравны. Колö ыджыд мывкыдлун да сямлун. Мövпыштла, тырмас-ö ме нам сямöй?

– Мövпышт, сöмын эн дыр нюжöд, ми виччысьлам, – шуис райкомса.

Тайö кывъяс бöрас Геннадий Прокопьевич нöшта на ёна зумыштчис да петіс жырйысь. Думнас мортыд виччысис, мый райком сылы вöзъяс совхозса директорлысь уджсö. Важөн виччысис, и на тэныд, кодкö чуйдöма Игнатовöс коравны! Та понда букшасис и сы вылö, и райкомса вылö.

Андрей инö эз öшйы, мövпъяс гудрасисны, юрыс потны видзöдчö. Ачыс быттьö бипур весьтын öшалö. Сидоровкöд пон да кань кодь коркöя олöмыс, водзö кежлö тöдтöмторйыс – ставыс тайö öта-мöд бöрся терпитны позьтöм дойөн локтöны юрас, сьöкыд изйөн личкöны лов вылас.

Öтар пельöссиянь мöдöдз мерайтіс воськовъясөн патера джоджсö, майшасис. Босьтчан кö виль уджас – став олöмыд вежяс. Овмöсыс сийöс моз öшъяс, тыасьöм* краж моз пельпомтö кутас личкыны и личкыны. Ыджыд, зэв ыджыд кывкутöмыс. Сідз али абу? А гашкö, öвтышты корöм вылас да кольччыны школаö? Öд артмö жö сылөн челядьыскöд ноксьöмыс, найöс велöдöмыс. И гöтырыс школаö кольччыны тшöктö. Та вöсна сöмын аслыс колö вöлі чорыд кывсö шуны. Поліс, ёна поліс яналöмысь.

Сидоров весиг мöс нимъяссö картасьыс тöдö, а Игнатов, веськыда кö шуны, зырымбедь на, муртса комынысь петіс. Вермас сы ыджда овмöсын юравны? Сьöкыда, ок, сьöкыда сетчис ассьыс олöмсö вежны кöсийöмыс.

Лун-мöд мысти Игнатов звöнитіс райкомö, кöсийысис босьтчыны виль уджö. Лэччыліс карö министр дорö. Индісны некымын морта комиссия: юрнуöдысьыс пö приказсö ваяс.

* Тыасьöм (диал.) – ваö вöйöм кер (краж).

Игнатов тшукысь помкасö эз тöд, мыйла Сидоровс вештöны. Тöдiс сöмын райкомса заворглөн висьталом серти. Удж вылө петом бöрас нин ставыс воссис.

Вөлöма райкомлөн бюро, көнi Ягдор овмөсса веськөдлысь висьтасьöма аслас удж йылысь. Бюро водзвылас коркөя, колхоз дырйи моз, партийной уполномоченнойясыд ветлөдлөмаось овмөсöд. Дерт, öнi туйыд бурджык нин лои, да найö лунөн машинанад кытшовтөмаось. Абу воддза моз узьöмаось дөваяс ордын, но туясян балаыс кольöма важ кодъыс на.

Бюро вылас медся яра сёрнитöма видз-му вöдитом кузя секретарыс.

– Сидоров оз кывзы райкомс, картопель муяс ыдждöдны оз көсйы, мөс лыд оз содты, но сэк жö пуктöдö уна турун да лишаланасö оз районса овмөсьяслы вузав, а мөдöдö Воркутаö. Вежлалö цемент да көрт трубаяс вылө, – тадзи сийö шуалис надейтчөмөн, мый бюроö пырысьяс лоасны сы дор.

– А тайö мыйөн лёк?! – места вывсянь горöдас Сидоров. – Ме стрöита выль картаяс, клубья! Кирпичысь, мед дырджык сулаласны.

– Тайö вывтi лёк! – секретар горзьöдiс гөлөссö. – Тэ асьтö вылө пуктан, асьтö сöмын радейтан. Он думайт орчча овмөсьяс йылысь, а сiдзкö и район йылысь. Колö лоны районлөн патриотөн!

Сидоров эз вермы кутчысьны да сувтiс:

– Орчча овмөсьяс мед асьныс думайтöны, а районса патриотнас тi лоанныд!

– Со аддзанныд, – водзö зыртчис Иван Максимович вылө райкомса секретар. – Веськөдны позьтөм морт. Да, Сидоров лои Ягдорса овмөс сөвман туй вылын мытшөдөн, ыджыд изйөн, оз лэдз сылы водзö быдмыны. А гортса олөмыс кутшөм? Гөтырыскөд юксьөмөн олө, весиг торйөн сөйöны. Төндзи предрайисполкомаос нуөдлөма пажнайтны. Инпöлын ачыс шыдсö шонтöма, чайсö пузьөдöма. А пиыс пырас да юалö вөлөм: пражитөм картопельыс пö тэнад, али мян? Тайö öмöй нормально?! – Секретар гөгөртiс видзөдласнас райком бюроö пырысьясөс.

– Менам семьяөдз тiяны ичөт делö! Донъялöй уджөс! Удж вылын мыйта лои вөчöма, сийөс он аддзöй?! Кымынысь овмөс петлiс вермысьөн! Öнi тiяны лои мытшөдөн, ыджыд изйөн?! – Сидоровлөн, кыдзи и век, скöрысла льöбйыс тiрзис, а забеднöысла весиг синваыс петiс.

– Важ вермөмьясөн олан! – зырис райкомса секретар. – Öнiя олөмлы видзөдласыд оз лөсяв. И семьяөдз делö, оз лөсяв коммунистлөн олөмлы!

– Оз кө лөсяв, корсьöй мөдөс, кодлөн кутас лөсявны! – Сидоров чеччас, өдзөснас клопнитас да мунас бюро вывсьыд. Мунас янөдөмөн, но пөкөритчytөмөн, ыджыд öбидаөн райкомса секретар вылө сылөн ненога кывьясысь.

Игнатов, тöдiс кө та йылысь водзджык, гашкö, эз и суитчы Ягдорса овмөсö, но öнi вöли сёрнин, косны эз позь. Да и кывсö сетiс, мый босьтчас уджас. Мый эськö шуасны, бөр кө мунас? Öвсьыны уджысь помкаыс эз вöv. Важтыбокса маслопромад лэччылигөн ачыс вöли зэв на том, да и патератö эз сетны. Öнi вежөрсялис нин, мөд синмөн ас гөгөрсö аддзис. Эновтчас кө, ыкша мортөн кутасны лыддыны, а тайö сийөс оз мичмөд, нэм кежлö лёк пас кольö.

Овмөс кытшовтан лунö Сидоров скöрысь бугжыльтчылис Игнатов вылө да юалис:

– Тэ кывлiн шусьөгсö, мый кыкысь öти ваö оз пыравны?

– Ме эг кыкысь ни куимысь öти и сийö жö удж вылө пырав. Армияөдз уджыштi механикөн. Локтi да бригадир-механикалi, управляющöялi. Маслопромсянь локтi инженерö, а öнi овмөсса веськөдлысьö. А вот Сидоров кыкысь волiс. Öтчыдсö татчöс колхозса, мөдысьсö татчöс совхозса веськөдлысьö. Коставлөмөн, кор юрсиктад лэччылин. Овмөсыс öти и сийö жö, сöмын нимьясыс торьялöны, – лабутнöя вочавидзис Игнатов.

– Мхы. – Сидоров өвтыштіс кинас, быттьө ляксысь гутос вөтліс. Эз нуод водзө татшөм сёрнисө. – Заводитам Аника грездсянь.

– Ме абу паньд. Со, управлениесяньыс мый шуасны.

– Кыдз ті косьяныд, сідз и вөчөй. – Управлениеса начальник пуксис узиклөн бөръя пуклос вылө.

Игнатов чайтіс, мый Сидоров кутас ыждавны да крайтчыны сы водзын овмөс кытшовтігөн, но весьшөрө полис. Иван Максимович лючки ставсө висьтавліс, мый көсйис вөчны. Индаліс, кыті лёк, а кыті бура артмис. Сөмын быд пөрийө, йөзкөд паньдасигөн, төдчөдіс:

– Ме муна. Водзө кыдз кутанныд овны, сөмын Енмыс төдө. Ме абу мыжа, мый энорта тіянөс.

Овмөс сдایتөм бөръя лунө канторасаяс пукалісны медся ыджыд жырыын, колльөдісны Сидоровөс.

Лөсьөдөмаөсь пызан: сөян-юанөн, винаөн да нянь-солөн. Гажөдчигмоз быдөн сувтыштіс, казытіліс Иван Максимовичкөд уджалөм, велөдісны Игнатовөс.

А та водзын Ягдорө воліс районса начальство. Чукөртлісны бригадирьясөс, специалистьясөс. Өти пызан сайын пукалісны Сидоров, Игнатов да райисполкомса председатель Ларев. Ларев сёрнитіс эз дыр. Висьталіс, мый Сидоров гижис удж вылысь мунөм йылысь шыөдчөм. А Игнатов, сійөс ставныд төданныд, лоө выль веськөдлысьөн.

– Жаль Максимовичыс, – син увсө чышкышталігмоз шыасис бухгалтер Анна Андреевна. – Котраліс, котраліс, да вөтлісны. Мед көть министерствоас босьтасны.

Предрика здук кежлө ланьтіс, быттьө тшөкмуні, но шуөм вылас вочавидзис:

– Приказ эм, сійөс колө пөртны олөмө, а Сидоров уджтөг оз коль. Вермас районса управлениеө зоотехникө локны.

Райисполкомса председатель та вылын тупкис чукөртчылөмсө. Сетліс кисө Игнатовлы да Сидоровлы. Сөліс «Волгаө» и шывгис-лэччис горув, юрсиктө.

Тайө лунсянь ыджыд кывкутөм сьөкыд изйөн өшйис выль веськөдлысьлөн пельпом вылө. Игнатовлы кутіс кажитчыны, мый торьяліс пырся оланногсыс, кор луньясыс шывгисны өтмоза и лов вылын вөлі лөньлун. Сійө төдіс, мый сиктасяс сійөс директорө пуктөмсө паньдалісны дивитөмөн, а специалистьяс видзөдісны кыдз ыкпаш морт вылө да эз тэрмасьны мыйөнкө отсыштны.

Кор мунлө овмөсысь Сидоров кодь юралысьыс, пырджык сьөн заводитөм уджьясыс эндылөны. Сы вөсна, мый ставыс пөртсис сөмын чиналөн көсйөм серти да вөчигас сэн ачыс медьёна бергаліс. Игнатов аслыс чорыда шуис: «Став бурсө, мый вөлі Сидоровөн заводитөма, вайөда помөдз, а вильсө сэсся ачым нин кута пестыны. Дерт, удайтчас кө выляс кыскыны специалистьясөс, лоө ёна кокныдджык. Удайтчас-ө?»

Коли вежон. Игнатов восьлаліс гортас өбед вылө. Друг мыччысис омөлик паськөма мужичөй. Андрей, мыйкө ассыс мөвпалігөн, эз пыр жө төд локтысьсө. Видзөдө: киссьөм плаша, нэмөвөйса картуза да резинөвөй ботіа Сидоров восьлалө веськыда сы вылө.

– Иван Максимович, тэ кытчө тадзсө пасьтасин? – чуймис Игнатов.

– Тэ дорө, удж вылө вөзйысьны.

– Шмонитан?

– Ог.

– Он кө, лок менө вежысьө.

– Ог, рабочөйө көсья, – зумыштчөмөн шуис Сидоров. – А то ме кута уджавны, а тэныд слава?

Игнатов сюся видзөдліс вөвлөм директор вылө, чайтіс чужөм сертиыс төдмавны, мый сійө думыштис, но Сидоровлөн чужөм вылын төдчис сөмын дөзмөм.

– Сідзкө вөзйысьөм водзвылад мөвпыштлы бурджыка, – чорыда шуис Игнатов. – Ме йөзлысь слава босьтны ог көсйы. Уджала ачым, и славаыс меным удж серти лоө.

Сидоров джөмдіс, нинөм эз шу. Сідз и торйөдчисны. Игнатов дорө сэсса эз воны. Регыд мысти кывсис: индөмаось карбердса овмөсөн веськөдлыны.

«Тадзи лоө бурджык, – ас кежас мөвпыштіс Игнатов. – Кольччис кө, сөмын сконъявны удж вылас кутіс. Бара зык да шум лои».

Игнатов эз көсйы уджавны воддза директор моз. Сидоров асывнас петас вөлі гаражө и давай бригадивны. Öтиөс өтилаө мөдөдас, мөдөс мөдлаө. Ставныслы ас дум серти удж сетас. Бригадирьяс сөмын вомсө паськөдөмөн сы вылө видзөдөны да пасьялөны, мед оз вун, а то нарадсө удждон вылө сьөкыд тупкыны лоө.

Виль веськөдлысь первойя лунсяныс шуис бригадирьяслы аслыныс уджавны. Ачыс эз ыстась. Но... видзөдө, мыйкө неладнө мунө. Гожөм шөр, колө пөсь петмөн котравны, мырсыны, медым тырмымөн көрым заптыны, но артмө мөдарө. Механизаторьяс удж вылө петөны сёрөн, асывбыд пукалөны гаражбокса скамья вылын, шпуткөны-куритчөны. Кутіс паськавны сёрни: виль директор пө төлксө оз төд да сійөн гаражө оз воны, таво пө сюраньяслы сьөкыд лоө төвйыны.

Тадзи коли гоз-мөд лун. Игнатов вежис видзөдлассө, «экспериментируйтны» кадыс абу. Вермас лоны, збыльысь оз сяммыны тырмымөн көрымсө заптыны. Заводитіс Сидоров моз жө быд асыв гаражө воныны, и ставыс успаньвыв пуксис. Йөз уджалісны сідз жө, кызди и Сидоров дырйи. Механизаторьяс ас кадө мунлісны видзьяс вылө, шоперьяс – рейсө. Бокысяныс кажитчис, быттьө директорсө эз и вежлыны.

Игнатов водзын критикуйтліс Сидоровөс, мый сійө, колө көть оз, ачыс быд розьө нырччө-пырө, а өні аслыс сы моз жө ковмис вөчны. Но та вөсна эз майшась. Кесйөдлыны радейтысь, сійө зэв өдйө велаліс Сидоров моз жө уджавны. Но век жө казяліс, мый производствоөн веськөдлөмө колө пыртны вежсьөмьяс, да заводитіс мөвпавны, кызди тайөс бурджыка вөчны.

А Сидоровыд катласис на Игнатовлөн сямлун кузя. Эз эскы, мый том морт, коді муртса комын арөсысь петіс, вермас лючки та ыжда овмөсын юрнуөдны. Кар бердө мунігөн пыраліс видз-му овмөс управлениеө да шуис: Игнатовыс кө пө Ягдорын гожөм помөдзыс удитас кыпөдны кыксө юр вылө мөс карта, вөлисти сыысь директорыд артмас.

Збыльысь, овмөс примитігөн шөр отделениеын важ пу картасө вөлі косялөма. Коймөд пайсө воддза вонас кирпичысь тэчлөмаось, а тулыснас Сидоровыд ыджыд-джык коляссө дзоньнас косьөдөма. Юль шөрнас муртса заводитөмаось подуvsө кысьтны-лөсьөдны.

Игнатов быд асыв гаражсянь тайө стрөйба дорө котөртліс. Рытнас сәні жө уджсө помавліс. Волігөн сёрнитіс мастеркөд, стрөйтчысьяскөд. Карысь ваялісны тырмытөм стрөйтчан эмбур.

Сы шөрө заводитіс ветлөдлыны быдсяма комиссияыс. Эрдөдалісны, он-ө пө видз совхозлысь сьөмсө плантөг да проекттөг. А Ягдорса картаыс буретш вөлі гуся стрөйбаөн. Став рөскодсө сійө жө воө көсйисны суйны йөв-яй донө. Кывсьыліс, мукөд овмөсьясын тадзи стрөйтчигөн сьөмнас лышкыдасьөмаось, зепталөмаось да козинасьөмаось.

Игнатов сьөмөн эз юксьыв, козиньяс эз босьтлы, но поліс жө. Мед эськө эз локны да эрдөдны плантөг стрөйтчөмсө.

Майшасис, садьмас вөлі вой шөр кадө, пырас инпөлө, осьтас форточка да шпуткө-куритчө. Тшынсө пөлялө осьса форточкаө да думайтө. А кызд нө он думайт?! Кодлы окота

суд улö веськавны? Дерт, позьö ыстысьны воддза директор вылö: быть пö стрöит, арнас скöтсö некытчö эськö лои сувтöдны. Но кывзасны-ö?

Весьшöрö майшасис – сылы мойвиис. Тайö вонас овмöссö эз лукйыны-прöверитны. Да-й мөсьяссö лудысь арнас удайтчис пыртны выль картаö. Стрöйбаыслөн вевтыс эз на вöв, кор сюраньяс пырисны. Уна лун канторасалы лои бригадаса уджалысьясскöд мырсьыны карта эштöдöм вылын. Игнатов и сэнi нырщикалис. Сийö зилис Сидоров моз жö быдлаö ачыс суйсьыны. Кор Игнатов заводитлис уджавны мөд ног, овмöсөн веськөдлан ладыс вошлис, эз кыв киас вöжжисö. Кодi мый көсийс, сийöс и вöчис. Бригадирьяс шöйöвошлисны, но Игнатов öдйö казялис да кутис веськөдлыны овмöснас падъявтöг, зумыда.

Öтчыд кантораса войтыр выль карта йирк вылö лунтыр катлисны цемента стружки пластьяс, мед картасьыс шоныдыс тöвнас оз пет. Рытнас, вит час на эз точки, кантораса энöвтисны уджсö. Игнатов дözмис. Кыдзи лысьтöны юасьтöг ни висьтасьтöг энöвтын удж?! Директор карта вевт вылын, а специалистьяс гортö люзьгöны, пыдди сийöс оз пуктыны!

– Кытчö мунанныд?! – скöрысь горöдис Игнатов. – Вит час на абу!

– Миян часi вылын вит, – вочавидзöны сылы канторасаяс.

– Нолтö, – матькыштіс Игнатов. – Косöй бөр!

– Да, пошёл ты! – рочыштіс шөр экономист Регина Андреевна Шванова да воча ёрчыштіс сідз, кутшöмöс Игнатов эз на кывлы.

Кодсюрö косісны, а Шванова муніс гортас. Воддза экономистыс, Иван Михайлович, петіс пенсия вылö. Торксьылöм бөрти сийö эз көсийс уджавны Сидоровкөд. Сы пыдди и лои Швановаыс.

Игнатовлөн сьölöмыс пузьылис. Öд та серти кө, кантораса сийöс оз пыдди пуктыны. «Сидоров дырйи мунны эськö эз лысьтны», – ас кежын скöраліс сийö.

Рытнас гöтырыскöд паніс сёрнисö, но Лариса эз сы дор ло.

– Тэ аслад горзöмөн да матькөмөн сöмын унджыкөс ас дорсьыд йöткыштін, – шуис сийö.

Мөд луннас Андрей планёрка помасигөн корис прöща тöрытья кутчысьтöмсьыс. Эз эськö көсийс, дыр катласис, но медбöрын вöчис оськовсö. «Худой мир лучше доброй ссоры», – рочасьыштіс ас кежын.

Парткомса секретар, Геннадий Прокопьевич, наяна нюмдіс, а мукöдыс чöv олісны.

Тайö лоöмторйыс петкөдліс Игнатовлы: ковмас уна на вöчны, медым эскöдны йöзсö, мый сыысь артмас бур веськөдлысь.

Öтчыд сийö сölіс машинаö да муніс Закарсикт отделениеö, кодi пырис Ягдорса овмöсö. Мир туйсянь сиктö кежанінöдз верст кымын лоö. Веськыдвылас сулалісны выль мөс картаяс. Найöс сөй да васöд местаö и кыпöдöма торья стрöитчан овмöсыс. Стрöйба эштöм бöрын уна нелючки ковмис бырöдны да мучитчöмөн уджавны. Но тайö ставыс лоö бöрынджык, а öнi Игнатов синйис шуйгаладорсö. Сэтчö көдзлöмаөсь аныкытш сора зөр. Пöшти коскөдз быдмöма. Быдмөг пыткас йирсис ыджыд мөс стада.

– Сöтана пызь, потрава вöчöны! – горöдис Игнатов да тшöктіс шоперлы сувтны.

Петіс, кватитіс туй бокын туплясьысь кузиник бедь да котöртіс көдза вылысь мөсьясöс вöтлыны. Матькө, шенасьö бедьнас. Кыськө петісны кык нывбаба, пастукьяс. Тшöтш заводитісны вöтлавны сюраньяссö. Игнатов котөрөн матыстчис на дорö, ырыштчис öтиыс вылö да арöстіс:

– Тайö бедьнас кө мыш кузяыд шумышта!

– Шумышт! Верман кө, шумышт! Педэр Иван Васьыд кодь жö! Сийö скöрысла век вöлі лözöдöма! – воча горöдис нывбаба.

Батьсö кыкыштöмыс Игнатовöс нöшта на скöрмөдіс.

– Приказ гижа, – öдва асьсö кутöмөн горöдис сийö. – Пöтравасьыс удждонтö кирита!

– Совхозса мөс өд сөйис, эг ачым сөй. Мыйысь киритан?

– Аддзан мыйысь! – Игнатов шыбитіс бедьсө да муніс машина дорө.

Сійө кытшовтіс овмөссө, төдмаліс, кызди шуоны мөс видзысьясөс, да кайис Ягдорө. Пуксис да дөзмөмпырысь гижис пөтрава йылысь акт, кырымөдіс шоперсө. Акт серти нярскөбтіс приказ: косөдны кыкнан пастуклөн удждонысь сө чөлкөвөйөн.

Коркө сэсся Закарсиктсаянь төдсаяс звөнитөны: Тикөн дядьыд пө кулөма. Игнатов ньөбис коньяк доз да лэччис Тикөн дядьөс дзевны. Пырис керкаас, а сэні покойник дорын пукалө буретш сійө нывбабаыс, кодлысь сьөмсө пөтравасысь перйыліс да бедьнас мышкусө көсйис мерайтны. Вөлөмкө, бабаыс лоө Тикөн дядьлөн выль гөтырөн. Андрей на дорө ньөтчид эз воны да оз вөлі төд.

– Коді тайөс корис?! – кыліс пачводз дорсянь пиыслөн скөр гөлөс.

Игнатов гөрдөдіс, пуктіс пызан вылө коньяк бутылкасө да синсө дзевөмөн петіс керкаысь, но сійөс Тикөн дядьлөн пиыс вөтөдіс да бөр сетіс тыра сулеятө:

– Оз ков тэсянь нинөм, тэ мянлы абу рөдня!

Андрей кыв ни джын эз шу, суйыштіс питшөгас дозсө да матыстчис овмөсса узик дорө.

– Та дыра и пыралін? – чуймис шоперыс.

– Тырмас, – зумыша вочавидзис Игнатов да тшөктіс мунны порсь картаө.

Гудрасис пытшкөсыс, быттьө нөйтөм кутюлы ковмис петны Тикөн дядь керкаысь. Татшөмторйыд дыр оз вун. Вунас на кө! Аслыспөлөс вурыс колис сьөлөмас. Пель саяс сюркняліс: колө вежавидзөмөнджык матыстчыны йөз дорө. Весиг сэк, кор найө мыжаөсь. А верман-ө быд пөрийө вежавидзтыны? Öдвакө, сэтшөм нин этшыс сылөн. Кызди и Сидоров, самөвар моз жө пузылө. Көдзалас мыйөн, ёна жө эськө каитчө, но овлө сөр...

Регыд та бөрын Игнатов дорө локтісны райкомса первой секретар да районса ДРСУ-ысь начальник. Могыс өти – ю вомөн бетон пос нюжөдөм. Сидоров вөлі сетөма пос да туй нюжөдөм могысь мусө сиктсаянь куим верст ылнаө, понөльяс вомөн. Вежны сылысь шуөмсө некод абу вермөма. А воысьяс корисны Игнатовөс кыпөдны поссө дзик сикт помас. Öтикө, йөзлы матын, позьө подөн ветлыны. Мөд-кө, туйыс дженьдаммас, лоас донтөмджык, но та дырйи сійө нюжалас косьтөм видзьяс вомөн.

Игнатов талы эз пыксыы, но медым эз шуасыны, мый өтнас вөчис-решитіс ставсө, корис ас дорас агрономөс.

– Андрей Васильевич, эн жалит тайө муяссө. Сет, сэні прамөя туруныс оз быдмы. Көть мыйта известка он суй, нитшкыс оз и бырлы. Шома муыс, торфыс руд, абу воөма.

Игнатов корис ДРСУ-са начальниклысь колана кабала, кырымаліс да ачыс жө пуктіс печатьсө. Та бөрын сөрнитчисны сиктын көть нин шөр туйсө дзоньтавны да скөт карта дорті лөсьөдыштны. Сэні тулыс-ар весиг тракторьяс няйт пиас сибдөны.

Андрей Васильевич, кызди өні сійөс ставөн ыдждөдлісны, зілис быд пөрийө дорйыны ассыыс овмөссө. Быд воськов веськөдіс пөльза босьтөм вылө. Но сійө вөлі Сидоров дорысь, көть сы моз жө пузыліс, небыдджык мортөн. Тайөс и ачыс унаысь казьявліс.

– Оз ков небыдөн лоны, – мукөддырйи юрас воліс Сидоровлөн коркөя шуөмыс. – Веськөдлысьыд абу сакар, а то нөныштасны, и бырөмыд.

Сидоровлөн эз вөв ни өти ёрт. Некодлы вөлі сійөс «нөныштнысө». Төдсаяс эмөсь, а друг эз вөв. Матө ас дорас некодөс эз сибөдлы. Видліс матыстны Игнатовөс, но нинөм эз артмы.

Андрей Васильевичлөн другыс эз жө вөв. Челядьдырся Гриша ёртыскөд янсөдчөм бөрын унаысь видліс матыстчыны ас коддьөм дорас, но на пиысь другсө, кодлы позис

аслыс моз эскыны, эз аддзы. Сөмын төдсаяс. Гашкө, сы понда тшөтш, мый Игнатовлөн этшыс ожигайтчис Сидоров син улын, и тайө өні ясыда нин тыдовтчис.

«Эскөда, ставнысө эскөда, мый ме верма веськөдлыны овмөсөн. Сидоров дорысь ог омөльджыка. Гашкө, бурджыка на артмас», – ас кежас мөвпаліс Андрей Васильевич.

Сійө, кызди и Сидоров, эз тэрмась содтыны мөслысь юр лыд да картопель муяс. Мөдарө, тшөкыда пуктыліс зоотехник да агроном водзө мог содтыны мөсьяслысь йөлалунсө, а картопельлысь да мукөд быдтаслысь урожайсө. Эз вөтлысь юр лыд да град выв пуктас мулөн ыджда бөрся.

Быд гожөм заптылісны көрымсө коланаысь унджык. Лишаланасө, кызди вөчліс Сидоров, Игнатов вежлаліс Воркутаса овмөсьяскөд көрт трубаяс да цемент вылө. Мөд ног тайө стрөйтчанторьяссө тырмымөн судзөдны вөлі он вермы.

Районса чинаяс элясисны:

– Тэ Сидоров моз жө он сет турунсө районса овмөсьяслы.

– Татчөс овмөсьяс Эжва бокинөсь. Налөн видзьясыс паськыдджыкөсь. Мед оз дышөдчыны да асьныс көрымсө пуктөны. Быд гожөм тай ошйысьөны, мый первойөн план тыртисны, но туруныс төв шөрнас нин бырөма. Пөрысь йөз шулөмаөсь: көні уна больгөны, сэні этша вөчөны, – шуліс Игнатов.

Өтчыд видз-му овмөс управлениеса начальник Мальцев дөзмөмөн вочавидзис татшөм шуөм вылө:

– Өти-кө, налөн йөзыс абу Ягдорса кодьөсь, мөд-кө, вывті сюсь лоөмыд, шусьөгьясөн вөдитчан.

Игнатов шпыньмуніс да шуис:

– Йөзыд быдлаын өткодьөсь, колө сөмын кужөмөн матыстчыны на дорө, а коми шусьөгсө олөмыс ачыс артмөдө. Овлө, мый төлка юрыс йөй мортлы веськалө, сысянь и став дзугыс заводитчө.

– Тэ тадзи код йылысь сёрнитан? – скөрысь юаліс Мальцев.

– Да сідз, сьөдас шуи.

Татшөм сёрни бөрад Мальцев бугжылясьөмөн пинь пырыс сөдзтөдліс:

– Нинөм, өтчыд-мөдысь нырад печиктам, да збойлуныд өдйө вошө.

А райисполкомса председатель Ларев элясис райкомса секретарлы:

– Сидоровөс вөтлім, а мый вежсис? Сы кодь жө Игнатовыс вөлөма. Колө вөлі татысь, райкомысь мортсө пуктыны.

– Тэ аддзан райкомысь мортсө, коді вермас веськөдлыны та ыджда овмөсөн, көні уджалысьыс квайтсёысь унджык? – юаліс райкомсаыс.

– Ог, – юрсө пыркнитліс Ларев.

– Со и вочакывйыс. Но кутам Игнатовөс виль ногөн этшсьөдны, вежам мывкыдлунсө.

Райгазетын, радио пыр выдыштам. Нөшта мыйөнкө дзескөдам. Велөдам дорын узылыны. Том на нырсө лэптавыны, – шпыньмуніс секретар.

– Да өд весиг Сидоров мунөм бөрын сы патераө овмөдчөма! – дивитөмөн шуис Ларев.

– Медым, аслас патераыс ичөт вөлі. Ныла-пия өтлаын узылісны. Игнатовыс ачыс норасьліс. Ме эг паньд мун, мед вуджис кө ыджыдджык оланінө, – вочавидзис секретар.

– Сідзкө мед, но колө велөдны сійөс районса власьтөс пыдди пуктыны, колө!

И заводитисны Игнатовөс велөдны. Пөшти быд асыв районса радио пыр крукыштлісны сійөс. Газетын статьяс петісны. Йөз пөвстын сёрни паськаліс: регыд пө Игнатовөс чөвтасны удж вылысь.

Сёрнияс вылө Андрей Васильевич эз видзөд. Көть эськө лөк сёрнияссьыд лов вылас эз вөв лөсьыд, сійө бура төждысис овмөс вөсна. Гожөмнас тыр өдөн уджөдіс АВМ – турун

пызь вöчан да косьтан агрегат. (Уджалö электроэнергия да солярка вылын.) Турун пызьсö планын индöм дорысь пöшти кык пöв унджык вöчисны. Та дырйи видзисны унджык электроэнергия, мый вöли индöма вöдитчан лимитын. Таысь чина туясьысыяс овмöссö штрапуйтисны, а прокурор сетис веськöдлысьсö судö. Штрапсö мед сы зептысь перйыны.

Игнатовöс корисны ёрдö. Мортыд заводитлис дорйысьны:

– Электроэнергия лимитысь унджык видзим, но сыысь дзоньнас мынтысим. Вöчим уна продукция. Эг прöстö бисö таргайтöй. Турун пызьыс комбикормлы воча артмö. Тöвнас этшаджык лоö видзöма сьöмсö ён көрым ньöбöм вылö. Сидзкö, овмöсыс унджык прибыль босьтас.

– Но тi электроэнергия видзинныд лимитысь унджык, – ассыыс нырис судья. – Таысь штрапуйтисны. Овмöс штрапсыыс босьтис убыток. Кодi мыжа? Прокуратура вöчö кывкöртöд – мыжа веськöдлысь.

Игнатов эз вермы венны судьяöс. Штрапсö шуисны перйыны сы зептысь.

Петис Игнатов судысь и мөвпалö: «Мыйла тадзи артмö? Кодi уджалö, сийöс ёнджыка и нöйтöны. Нöшта сьöмсö зепсыд перйöны, а мукöдыс чесьтын ветлöны, но нинöмөн оз жугöдчыны. Да тэнсыд на донтöм донысь көрым корöны. Миян пö судыд медся справедливöй! Да, справедливöй, аттьö, мый бытшкасьысь сутуга сайö эз пуксьöдны».

Пырис райисполкомса председатель Ларев дорö да тайö мөвпьяснас юкис ськөд. Ларев сöмын мудера вашмунис.

Арнас Ош грездö дзескыдинысь воис Гындей Опоньлөн вокыс, Гындей Васька, кодi гажа юрөн суседсö пуртөн сутшкöмысь пукалис помсянь помöдз быдса öкмыс во. Гындей Васька зона вылын на думыштитис воксö совхоз уазикөн таялöмысь водзöс босьтны. Гортö воан лунö сийö кытшовтитис грездсö, чолöмасис тöдсаяскöд да дивуйтчис, мый сылы тшöкыда паныдасьлöны тöдтöм том зонъяс. Гындей Васька и думыштны эз куж, мый грездса зон-посни сы ветлiгкостi быдмисны. Вежöрыс вöли гудыртчöма водкаөн, кодöс юис öтнас бать-мамыслөн тыртöм, овтöм керкаын, да воксö таялöмысь водзöс перйöм мөвпөн, да сыысь, мый бать-мамыс кувсисны öта-мөд бөрся сы локтöдз на. Гындей Васька вöли вывти скöрмöма! Сийö эз көсийи тöдны, кодi öни веськöдлö овмöсөн, көни Сидоровыс да воксö таялысьыс, морöсас ыпьялис сöмын водзöс перйыны көсийöм. Лөгысла ку пиас эз төр, и совхоз вöли медся мустöмөн.

Лун-мөд мысти Гындей Васька пальöдчис да кытшовтитис Ош грездысь совхозса став стрöйбасö да думайтитис, кутшöм пакöсьтөн мынтысьны. Сулыштитис турун пызь вöчан агрегат да пызьсö видзöм вылö керйысь тшупöм ыджыд склад дорын. Öни танi вöли чöv-лөнъ.

Сийö ёсь синмөн гөгортис быд кер. Стенмыс вöли тшупöма бура, керьясыс куйлисны öта-мөд вылас топыда, ни öти розьтор эз вöv, но ыджыд öдзöсыслөн, кодöс восьтлöны турун пызь тыра мешöкъяс пыртлiгөн да петкөдiгөн, öти пöв пельöсыс вöли жугалыштöма, да та вöсна артмöма неыджыд розь. Гындей Васькалы юрö пыр жö воис мөвп, кодысь скöра вашмунис.

Öти рытö Гындей Васька дзебыштитис питшöгас кансер банка да гусьөн мөдöдчис турун пызь видзанiнö. Матыстчис öдзöс дорö, лажыньтчис, перйис кансер банкасыыс шырös, кодлы бöжас вöли көрталöма карасин дука кудель прать, да чиркнитис-öзтитис зажигалка. Сэсса сотчысь кудель пратя шырös суйыштитис öдзöс розьö.

Асъядорыс, кор йöз крепыда на узисны, турун пызь видзанiн весьтö кутисны кайны тшын кольтаяс да чепöсийис сотчöм нянь дук.

Грездса понъяс заводитисны тшөтьсö кыпöдöмөн лёкысь увтчыны.

Игнатовос чеччөдісны вольпась вивсьыс телепона звөнокон, и сійө пыр жө уськөдчис звөнитчыны-корны кусөдчысьясос. Важтыбокса пөжарникъяс воисны час джын мысти нин.

Турун пызь мешөкъяс өта-мөд бердө тэчөмаось топыда, пөшти стрөпилөөдзыс. Сотчисны вөлясь, кос трунда моз, и кусөдны найос вөлі зэв сьөкыд. Татшөм мешөкө веськалас би киньыд и зільө пырны пьдөджык и пьдөджык. Медым кусөдны, колө ёна көтөдны. А пу стрөйбаыс сотчис яра, коясис би киньон, кодос кыптөм төлыс разөдіс да содтөд өзтасис.

Пөжарной машинаяс кисьталісны ваон турун пызьсө и асьсө стрөйбасө.

«Кызди спаситны турун пызьсө?» – татшөм мөвп пыр жө чужис Игнатов вежөрын, кызд сөмын стрөйбалон кусөдөм, консюрө сэрапом кодь керъяс кутісны куш нин чусасьны.

Зоотехник Галина Власовна, коді Игнатовкод тшөтш уськөдчис пөжар вылө, быттьө төдіс сылысь думъяссө, вөзйис:

– Андрей Васильевич, вай мешөкъяссө петкөдам кушинас, торйөдлам бурсө сотчысь-ясьыс. Мый позяс, новлам кирпичной картаясө. Пызьыс лои тшын дука, но, чайта, сюрукъяс сөясны.

Чукөрмисны йөз и пыр жө босьтчисны уджө.

Кор дзикөдз югдіс, склад весьтөд кутіс кытшлавны-лэбавны вертолёт.

– Мый сійө бергалө? – Игнатов чуймөмөн видзөдліс енөжө.

– Снимайтө, – шыясис главной агроном Мая Алексеевна, коді муртса на локтіс машинаон. – Звөнитлісны райкомсянь, райисполкомсянь. Сэтшөм шум кыпөдөмаось, пөжар йывсьыс пө весиг обкомын нин төдөны. Пинясьоны, абу шутка, нянькөд воча, вына көрым, сотчө!

Воисны следовательяс, да заводитчис туясьөм. Но туясьөм некутшөм ясыдлун эз вай. Регыд мысти нин шуисны, мый уголовной делө оз панны, пөжар помкаыс эз сюр да. Вөчисны чайтана бөртас, мый турун пызьыс вермис ачыс шонавны да өзйыны.

Унджык пызьсө спаситісны. Но тайө лоөмторйыс Игнатовлы эз прөстө коль. Сьөлөм бердыс дыр на ыпъяліс. Судья водзын Андрей Васильевич дорйысис, ошйысис, мый найө планысь уна ён көрымсө вөчисны. А артмө, мый весьшөрө вөчисны. Эз сяммыны сійос видзны неминучасьыс! И стрөг выговорсө, кодос сылы таысь шняпкисны, ланьтөмөн ньылыштіс.

Гындей Васька пөжар дырйи тшөтш бергаліс кусөдчысьяс пөвстын да гусьон шпынныліс. Туясьысьяс унаос корлісны ас дорас, юасисны, но сы дорө мыйлакө эз матыстчывны. Вежон кык сійө бовъяліс на грездын, а сэсса саймовтчис-вошис. Шуоны вөлі, мый муніс кытчөкө войвылө.

Во помнас Игнатов мөдысь пуксис суд скамья вылө. Та пөрийө лимитысь унджык лои видзөма виль карта лэптөгөн сьөм. Бара штрап.

– Сьөмыс өд овмөслөн! – скөрмис Андрей Васильевич. – Мыйысь штрапуйтны? Уджсө вөчөма!

– Лимитысь петінныд, – паныдалісны сійөс.

Бара шуисны аслыс мынтысьны: локтас пө кабала бухгалтерияө, удждонсьыд вочасон бергөдасны.

Пузис пытшкөсыс мортыдлөн – Игнатов веськыда шавксьөдіс партия райкомө. Пырис медыджыд секретар дорө.

– Сергей Сергеевич! Нөшта өтчид пуксьөданныд суд скамья вылө, ме эновта овмөссө! – крапкис өдзөснас да петіс жырсьыс.

Некодкөд эз шыасьлы. Пуксис уазикö и кайис Ягдорö. Кайигчöжыс ас кежас венласис судьяыскөд, райкомса секретаркөд, предрайисполкомакөд.

Регыд тайö лоомторъяс бöрын, ноябр сизимöд лун водзвылын, райкомса да райисполкомса чина йöз, на лыдын прокурор и судья, чукöртчисны пукыштны. Точкигмоз варовитисны районын олөм-вылөм йылысь. Медся ыджыд секретарыс думыштöма татшөм пукалөмсö вöчны. Кöсьяс тöдмавны чина йöзлысь гуся мөвпъяссö. «Мый садь мортлөн юрас, коддзас да кыв йылас лоö», – кывкöрталис ас кежысь.

Юасны-сёясны, варовмасны. Видз-му овмөслөн районса профсоюзын юралысь, Алевтина Павловна, ёна нин гажмöма да збоймöма.

– Сергей Сергеевич, – шыасис сийö медыджыд секретар дорö. – Ме думысь, Игнатовсö весьшөрö кедзовтанныд, помся штрапуйтанныд, радио да газетын янöданныд. Сийö бур веськөдлысь, сöмын асныра.

– Вот, вот, асныра! – гораа шуис секретар.

– Но öд быдöнлөн аслас этш. Эз кө вöв асныраөн, эськө и директорыс сыысь эз артмы, – вензис Алевтина Павловна.

– Миянлы асныраясыд колöны?

– Колöны! – юөм юрнад эз вермы кутчысьны да збоясис Алевтина Павловна да нöшта на содтис: – Колöны!

– Ме ногөн оз, но думыштлам, – кывкöрталис секретар да бергöдчис мышкөн.

А кодкө сёрнисö мөдарö нин вежис. Тайö пукалөгөн унаторийö волисны, но Игнатов йылысь сэсса некод нин эз гаравлы.

То ли Алевтина Павловналөн дорйöмыс, то ли мөд помка вöли, Андрей Васильевичöс дугдисны радио пыр да газетын кулитны.

Но кор районын чукöртлісны став веськөдлысьсö, сэки сылы тшöкыда на сюрлі видöмыс. Тöдсаяс эз лосьöдчыны ськөд орччөн пуксьыны. А коркө öткодь ова морт, Игнатов Павел Андреевич, кодi важөн нин веськөдліс «Кöрт-Айка» овмөсөн, веськыда шуис:

– Тэнö унаөн оз на тöдны, бара кутасны райкомсаяс овтö гаравны. А менö ставныс тöдöны, думайтасны, мый ме йылысь сёрнитöны да ме вылө кутасны дзөръявны. Бурджык лоö, вешъя кө тэ дорысь.

– Лякөссьöмысь кө полан, вешы. – Андрей Васильевичлы чушис татшөм восьса шуöмыс, дусыдмис чужöмыс.

А мöдыс гөрдöдіс да нускигтырйи воськовтис воддза радъяслань.

Игнатов думыштіс лосьöдны комбисилос пуөм могысь агрегат. Вöчис чертёж, арталіс-мурталіс, уна-ö да кутшөм ковмас көрт. Корсис колана моторъяс, чепъяс, көрт воргаяс, трубаяс, пуан пöсь ру вöчан котёл. Индіс уджалысьясöс, кодъяс бетонысь кисьтісны нельнан боксö тупкөса гулысь. Гожөм чөж ноксисны, но картопель идралігкежлө выль пусянін лои дась.

Картопель керигөн став лишалана поснисö да доймалөмсö пуисны выль агрегатын. Содтöд суйисны гуас капуста да морков коръяс, мөс сёркни. Артмис комбисилосыд. Тайö сетіс позянлун төвбыд вердчыны вöчөм сораснас. Эз ков повны сісьмöмысь, кызди лои сылөн Сидоров юрнуөдөм улын, шөр отделениеын управляющöялігөн, кор картопельсö буртуйтлісны да уна сісьмис.

Татшөм ногөн овмөсö пыртисны унджык и унджык вежсьөм. Кыпалісны выль скöt картаяс, көні кызвын уджсö лои механизируйтöма.

Ягдорса совхозö пырис куим отделение, куимнан сиктас овмөс юкөнъяс öтмоза сөвмисны, но Коми муын заводитчис партия веськөдлөм улын выль компания. Кутісны

ыджыд видз-му овмөсьяс юклыны кык, а то и куим пельö. Заводитлісны ыршасьны и ягдор-саяс вылö, но эсся мыйкöдыра кежлö эновтчисны. Первой юкисны Важтыбокса овмöс. Сы подулын содтöд чужис выль Ельскöй совхоз.

Тöv заводитчигөн Андрей Игнатовöс да Ельскöй совхозса директор Николай Захаровöс мөдöдісны велöдчыны Ленинградö. Матö кык тöлысь öти пызан сайын пукалісны.

Ленинградö Игнатов локтіс сиктса моз пасьтасьöмөн: кролик шапкаа, көть эськö бур туйö на видзис, но гöныс бонзьöма нин, важиник каракуль воротника пальтоа, төвсья, ляпкыдик гöленя сапöг кодь ботинкиа.

– Видзöда тэ вылö, – шуис Николай. – Абу директор кодь. Пасьтасьöмыд, быттö омöлик овмöсса бригадир.

– Зато тэ модник моз вöччöмыд, – нямдіс Игнатов.

– Аски жö мунам да нутрия шапка ньöбам. Сьöмыд эм? Абу кө – удждыла, – и кор адзис, мый Андрей көсийö вензыны, содтіс: – Тайöс быть колö вöчны.

– Сьöмыд эм, ветлам, – öткывъясис Игнатов, но пыр жö öлөдіс: – Бөръян ачид.

Ветлісны, бөрйисны руд рöма нутрия шапка.

– Дзик мөд делö. Öнi збыльысь директор вылö мунан, – дөвöльпырысь вашмуніс ёртыс.

– Эн серам петкөдлы.

– Дзик збыль. Встречают по одёжке, провожают по уму, – рочыштіс Николай.

Эштіс велöдчöмыс. Гортö локтöм бöрын ёрта-ёрткөд йитöдсö эз орöдны. Воысисны öта-мөдныскөд. Николайкөд позис быдтор йылысь сёрнитны. И вузалöмысь эз ков повны. Николай эз öтдортчы Игнатовысь и райкомса залын орччөн пуксьыліс. Андрейлы любö: көть сёрөн, но аддзис другсö.

Воис чередыс и Ягдор овмöслы. Тшöтш юкисны кык пельö, торйöдісны закарсиктсаясöс. Игнатов эськö заводитліс пыксьыны.

– Овмöсыс абу ыджыд. Костыс шөр усадьбасянь отделениеөдз дзоля. Некутшöм падмög веськөдлöмын абу. Юкöмыс сöмын кантораын пукалысьяслысь лыдсö содтас, – шуалис районса чинаяслы.

Ыджыд чинаяслөн асланыс вочакыв: торъя овмöслы пö унджык кутас вичмыны бюджетысь сьöм.

– Тi жö öкмыс тöлысьяс отчёт бөрти нин миянлысь прибыльсö босьтанныд, весиг восö он виччысьöй! – вензис Игнатов. – Кутшöм бюджетнöй сьöм вичмас?! Тайö тiян подулавтöм мөвпалöм!

Но водзсасьны чинаяскөд выныс сылөн эз тырмы. Весиг олөдісны: он кө пö ланьт, удж вывсьыд вештам.

«Видзöдлам, мый тiян юкöмысь артмас», – думыштіс Игнатов да нöшта ярджыка босьтчис уджö. Сійö жö онас ягдорса сюраньяс во чöжөн лысьтісны йöвсö быд юр вылö вит тоннаөн, а картофель да мукöд быдтас сетісны вöвлытöм ыджыд урожай. Ягдорса совхоз лои Сöветской Союза овмöсьяс лыдын вермысьөн. Овмöслы сетісны Гөрд дорапас да автобус. Асьсö Игнатовöс наградитісны Почёт орденөн.

– Ме думысь, тэ ставнысö нин эскөдін, мый лоин бур веськөдлысьөн, – чолөмалігөн шуис Николай Захаров. – Сидоровыдлы ньöти он сетчы.

– Аттö, Николай, кута водзö зильны.

И зілис. Лоины выль вермөмъяс и выль наградаяс.

Совхозын заводитісны котыртны уджсö выль ног. Шөр специалистъяс лоины цехса юрнöдысьясөн. Шөр отделениеын управляющöй чин бырöдісны. Веськыда кө нин шуны, збыльвылас сылысь могъяссö Игнатов вöчис ачыс.

Өтчүд төв шөрнас Игнатов кытшовтис турун сарайяс. Көсйис ачыс видзөдлыны, уна-ө да кутшөм турун коли овмөсса сюраньяслы. Пырис шөр отделениеса сарайө. Туруныс бура уна. Кайис прессуйтөм шмакъяс кузя вылөдзис, сувтгас прөступитис. Эз видзөдлы выліас да юр пьдөснас клёнгысис сарай вылысса сvezьö. Здук кежлө весиг садьсö воштыліс. Паляліс да вöляысь лэччис тукъяс вылысь.

Юр кутіс висьны. Гөтырыс нуөдліс пөрысь пөч дорө, юр вемсö мед веськөдас. Эз отсав. Водтөдісны Важтыбокса бурдөдчанінө.

Войнас узис лёка, вөтасис. Быттьö сійö пывсьö көдзыд пывсянын, а лабич улас Ягдорса вөвлөм веськөдлысь Иван Максимович Сидоров да Николай Захаров другыс кодйöны гу: мед пө майтөга ваыс гуас визувтас.

– Ыджыдджыка кодйöй, – шуö налы Андрей. – Мед став ваыс төрас.

Бура и пывсис-шлачөдчис корөсьөн. Мыссис, пасьталіс улыс паськөмсö, и пыр жö кыськө чужис сьөд паськөма старука.

– Лок нуөда крөвать дорөдзыд, – шушкыльтіс сійö.

– Ме ачым верма.

– Эн ыждав, аслад морттуйыд абу, – стрөга өлөдіс старукаыд.

– Тэ коді? – юаліс Андрей.

– Ха-ха-ха! – Старука дзалснитліс ёсь синнас, алькөдліс вомсö да петкөдліс водзсьыс кузь пиньсö.

– Клыкъяса! Коді тэ, висьтав?! – Андрей повзис, вөрзьөдчыны оз вермы. Кыис и кокыс быттьö кынмис места вылас. Вöлясö паралич жугөдіс. Весиг кисö эз сяммы кыскыштны, кор старукаыс босьтис аслас кабырө. Кыліс, кызди ки пырыс морөс пытшкөдз көдзыд воис, сьөлөмөдзис йиджис.

Воисны узылан жырийö. Андрей пуксис крөвать дорышас, а старукаыд оз мун.

– Мый виччысян? – юаліс Андрей. – Ме со вои нин.

– Мынтысь вайөдөмсыйд, – шуö старука. – Он кө – бөр көдзыд пывсянад нуа.

– Мыйөн мынтыся? – Андрей шөйөвошөмөн видзөдіс старука вылө. Некодз эз гөгөрво, мыйөн колө мынтысьны. Мездіс вежаньлөн гөлөсыс, кыськө быттьö вылысянь шөпнитіс: «Суйлы китö юрлөс улас да кыскы сэтысь сьөмсö».

Андрей суйис юрлөс улас кисö. Кыскис куим да дас шайта. Мыччис куимасö, но старука эз босьт, виччысис. Андрей бара кыліс вежаньсö: «Дасасö тшөтш сет».

Нюжөдіс старукалы содтөд дас шайтасö.

Старука кватитіс сьөмсö, дзебис морөс бердас.

– Аддзысьлытөдз, – киргыштіс сійö да заводитіс ылыстчыны.

– Ен мед видзас, – Андрей чөвтис пернапас.

Садьмис да дыр куйліс вөрзьөдчывтөг.

А регыд Андрей висьталіс вөтсö вежаньыслы, коді локтіс сійөс видлыны. Юасис: мый водзö пө.

– Тэныд помөдз колө вөлі менсьым велөдчыны, эськө ачыд төдін, мый водзö. – Вежань здук кежлө ланьтыштіс. – Вөтнад сьөкыд висьөм водзвылын пывсьöны. Тэныд виччысьны колө, медым ёнджыка эз топөд. Со Ельскöй совхозса директорыд висьтөгыс кулөма.

– Кулөма? Оз вермы лоны, сійö меысь на том! – кызкө гораджыка артмис Андрейлөн.

– Томлунтö оз юав Енмыс. Карсянь локтігөн зурасьöма мөд машинаö, кувтөдзис лоöма.

Вежаньыс мыйкө шуаліс на, но Андрей эз нин кыв. Синмыс пемдіс, да сійö воштіс садьсö, а кор паляліс, аддзö: крөвать гөгөрыс чукөртчөмаөсь еджыд халата йөз. Öти укол вөчö,

мөд капельница пысалө. Сэни жө повзьом чужома вежаньыс. И Андрейлы пыр жө дум вылас уси сыон вайом шог юорыс. Ас төдлытөг чужом кузя исковтис синваыс. Бурдодысьяс думыштисны, мый зонмыс дойысла бөрдө.

– Уколалім, өні кокныдджык лоө, – такөдісны найө.

Сьокыда сетчис дзоньвидзалун бергөдөм. Оз вөлөм весьшөрө шуны: висьомыд пө пырө пудйөн, петө зөлөтникөн. Андрейлы төлысь лои куйлыны, весиг карса бурдөдчанінө мөдөдлісны. Та вөсна эз вермы другсө дзевигөн прөщайтчыны. Воліс сөмын нелямынөд лунас. Сэки и ветліс Николай Захаров гу вылө.

Гашкө, Николай ачыс кыліс, мый дженьыд нэма лоө. Өд арнас на Игнатовлы норасис: сэтшөм пө сьокыд лов вылын овлө, көть бөрддзы. Өти татшөм здукө лэччөма вөлі Эжва дорө да дыр пукалөма кыр йылын: став олөмөй пө син водзын исковтис. А кутшөм олөм? Нелямын арөс на абу.

Шулөны тай: өтнад пө нинөмон вермы вөчны. Андрей татшөм кывкөртөднас өткодясьны некыдз эз вермы. И өти морт, көсьяс кө, сяммө унатор. Николай Захаров дырйи сылөн овмөсыс өтарө кыптис, а кор веськөдлан воропыс сюри кузь киа больгысь йөзлы, овмөсыс киссис да тупкысис.

Водзө лоө на.

литературно-публицистический, историко-культурологический,
художественный иллюстрированный журнал Республики Коми

АРТ

КОНКУРС «АРТПИЯН» ВОЗВРАЩАЕТСЯ!

В 2022 году журнал «Арт» вновь проводит
литературный конкурс «АРТПиян»

Тексты принимаем на коми
и русском языках

Номинации:

- Сказка
- Пьеса
- Перевод на коми язык

Ждём ваши работы:

- artkomi@mail.ru
- 167000, г. Сыктывкар,
ул. К.Маркса, д. 229, каб. 136
(АУ РК «Редакция журнала «Арт»)

Возраст участников:

- 7-15 лет
- 16-25 лет
- 26-40 лет

Сроки:

15 марта - 15 ноября
2022 года

Положение о конкурсе:

- www.artlad.ru
- vk.com/zhurnalart

Участствуйте!
Побеждайте!

Арт-факт

Людмила
КОЧЕРГАН

Людмила Ивановна Кочерган – выпускница исторического факультета СГУ им. Питирима Сорокина (1986). Более 30 лет работает в музейной сфере, с 2006 года – заместитель директора Национальной галереи Республики Коми. Куратор от НГРК ряда выставочных проектов центральных и федеральных музеев, фондовых и персональных выставок. Автор монографии «Жизнь на сломе эпох: коми архитектор А. В. Холопов» (2012), альбома-буклета «Василий Игнатов. Стиль и этно» (2020).

Соцреализм и история повседневности в творчестве А. Н. Безумова

*на примере коллекции
Национальной галереи Республики Коми*

В настоящее время возрождается интерес к эпохе советского искусства и соцреализма. Произведения изобразительного искусства являются мощным источником, создающим представление об ушедшем времени. Источником зримым, колоритным, образным, воздействующим на многие сферы нашего понимания. Возможно, что наиболее яркие картины той жизни созданы в произведениях, которые время отнесло к классике изобразительного искусства рассматриваемого периода, но как нам не хватает запахов, тактильных ощущений, чувств в понимании времён, нами не пережитых, так необходимы и художественные образы, создающие картину обычной, повседневной жизни.

А. Н. Безумов. Автопортрет.

Таким образом, сегодня оказываются интересными те художники, кто в своём творчестве обращался к темам бытовым, «мелким», как говорили в советские годы, кто просто описывал окружающую действительность, не столько опираясь на идейные вещи, сколько на собственные чувства в восприятии окружающего мира, кто раскрывал в произведениях не великие темы, а собственное принятие каждодневной обыденной жизни. Конечно, такие работы есть в творческом наследии каждого художника: они писались не на заказ, не становились программными, не прибавляли званий и почёта, но составляли свой особый мир и, как правило, были согреты теплом чьих-то воспоминаний.

Наше обращение в этом плане к А. Н. Безумову опирается на характер его коллекции, хранящейся в Национальной галерее Республики Коми. Нельзя сказать, что имя этого художника было подвержено забвению или, наоборот, в какой-то период вознесено: ряд его работ прочно вошли в сокровищницу коми изобразительного искусства, вместе с тем его коллекция, рассматриваемая цельно, даёт удивительное представление о периоде 1940-х – начала 1980-х годов, отражая жизнь такой, какой она являлась на уровне повседневности.

Александр Николаевич Безумов (1926–1983) – художник, заслуженный деятель искусств Коми АССР, его творчество непосредственно связано с Республикой Коми. Уроженец Ненецкого автономного округа, А. Н. Безумов приехал в Сыктывкар в 1958 году после окончания Ленинградского высшего художественно-промышленного училища им. В. И. Мухомовой. Он сразу заявил о себе как серьёзном художнике, тонко чувствующем живопись и стремящемся к высокому профессионализму в работе. На каждой из республиканских выставок художник представлял новые произведения. В 1962 году А. Н. Безумов вступил в Союз художников СССР, с 1964 по 1966 год возглавлял Коми отделение СХ. Здесь, в Сыктывкаре, обзавёлся семьёй. На жизнь и активную творческую деятельность ему было отведено судьбой немногим более 20 лет...

Коллекция произведений А. Н. Безумова в собрании Национальной галереи Республики Коми насчитывает более 200 единиц хранения, 145 из них отнесены к основному фонду (большинство (113) – живопись, графические работы – в основном рисунки и наброски карандашом). При жизни художника было закуплено менее трети от общего количества работ, это произведения, которые, как правило, отбирались после их показа на республиканских выставках. Мощным дополнением коллекции являются живописные этюды и графические рисунки, переданные вдовой уже после смерти художника. Хронологически коллекция охватывает весь период творчества художника: первые работы были сделаны ещё в Нарьян-Маре, во время учёбы в школе, последнее из произведений датировано 1982-м – годом ухода художника из жизни. Именно такой состав коллекции, включающий, как сейчас популярно говорить, «кухню» художника, позволяет приблизиться к его ощущению окружающего мира и пониманию своего места в нём.

Стремление к изобразительному описанию того, что находится рядом, и вложению в художественный образ собственных чувств проявилось у Безумова ещё в школе: его первые работы – это виды Нарьян-Мара, один из которых сделан весной 1942 года, второй – осенью 1943-го. Районы эти в настоящее время видоизменены настолько, что старожилы города определяют их местоположение, сохраняя за собой право ошибаться. Работы, передающие чувства приподнятого весеннего настроения и, наоборот, осеннего «уныния», сопровождаются и небольшими текстами на обороте: в первом случае авторскими ощущениями от пейзажа, во втором – строкой стихотворения А. Блока «Ветер принёс издалека...» (одно из первых, посвящённых его встрече с Л. Менделеевой). Датировано второе произведение временем мобилизации художника, он – один из художников-фронтовиков Республики Коми, кому выпало счастье вернуться домой живым и невредимым. Память чувств позволила художнику использовать первый из этюдов спустя годы – на его основе

А. Н. Безумов на этюдах.

в 1969 году было создано произведение «Нарьян-Мар в 1942 году», которое в настоящее время хранится в Ненецком краеведческом музее.

Следующий раздел коллекции А. Н. Безумова представляют фронтовые рисунки, и здесь мы можем говорить об отражении в художественных образах повседневности войны. А. Н. Безумов был призван в ноябре 1943-го, военную присягу принял 1 марта 1944-го, на фронт попал в декабре предпоследнего года войны, освобождал Польшу, Германию, демобилизован же был только в 1950 году. Условно к произведениям военных лет мы относим рисунки, выполненные А. Н. Безумовым во время военной службы. Из немногим более 20, самый ранний датирован 1943 годом, последние – 1949-м.

Уже сама общая характеристика работ даёт представление о нюансах военной жизни. Во-первых, почти все рисунки – это портреты сослуживцев художника, вернее, наброски портретов, сделаны они, как правило, во время привычных занятий, большая часть из них не окончена, поскольку военный регламент не предполагает достаточного количества свободного времени. Все изображённые заняты своим делом – разговаривают по телефону, сидят на политзанятиях, читают литературу, греются у печи, спят, среди работ есть и автопортрет. Интересно, что на обороте одной из работ подписано даже время, затраченное автором на рисунок, – 2 минуты. Во-вторых, практически все изображённые лица конкретизированы – подписаны фамилии, звания, дата, иногда должность, местность, где располагалась военная часть. По-видимому, соответствующие подписи рождала сама атмосфера жизни в военных частях, несмотря на то, что война закончилась, мобилизованный человек был не волен распоряжаться своей судьбой. В-третьих, в коллекции нет рисунков того времени, когда А. Н. Безумов находился на фронте. Дело, скорее, не в том, что художник в это время не рисовал товарищей, а в том, что данные рисунки для изображённых были «на вес золота», – их берегли, отправляли домой, и здесь ценились не мастерство и образование, а умение рисовать быстро и похоже. Война отодвинула для А. Н. Безумова мечту стать художником, и он, скорее, относился к своим рисункам как к возможной практике, столь необходимой для поступления в художественное учебное заведение.

Как и в случае с нарьян-марским эскизом, один из рисунков послужил основой для создания более позднего произведения. Речь идёт о живописной работе «Девочка» 1956 года.

*Второй съезд Союза художников Коми АССР.
А. Н. Безумов – 2 справа во 2 ряду. Сыктывкар, 1972.*

Этот портрет не выглядит написанным с натуры этюдом, создаётся ощущение, что на холсте воспроизведён образ, уже где-то ранее запечатлённый. И действительно, среди рисунков военных лет есть похожий портрет Светланы, дочери полковника Евдокимова, 1948 года. Картина «Девочка» привлекает внимание своей цельностью, лаконичностью, осмысленностью, при сопоставлении же работ складывается ощущение, что впечатление, полученное художником во время создания карандашного наброска, было настолько ярким, что сохранило в памяти всю живость и непосредственность детского образа, позволив спустя десятилетие воспроизвести его в столь убедительной цветовой гамме.

Советская школа живописи, наследуя традиции классического искусства, «основой основ» профессии художника считала именно этюдную работу. Этюд создавал правду живописи, соотносимую с верностью натуре, с глубиной её осмысления и мастерством передачи. Что означали этюдные зарисовки для А. Н. Безумова, можно судить по его коллекции – их там подавляющее большинство. Прежде всего, они говорят о требовательном отношении художника к себе, из многих зарисовок он отбирал единицы, с которыми продолжал дальше работать. С другой стороны, его «кухня» была необычайно богатой, наполненной массой самых разнообразных впечатлений, и, возможно, преждевременный уход художника из жизни не дал возможности реализовать многие из задумок.

Монуменальщик по образованию (закончил факультет монументально-декоративной живописи), А. Н. Безумов в первые годы тяготел именно к этой области изобразительного искусства. Его диплом – проект росписи выставочного павильона «Советский Север», отмеченный экзаменационной комиссией, показали на выставке в честь I Ленинградского фестиваля искусств. Руководителем диплома был профессор П. Д. Бучкин – художник,

воспитанный на дореволюционной школе живописи, окончивший Академию в 1912 году, стажировавшийся в качестве пенсионера в Европе, который стремился передать ученикам собственное понимание искусства. Руководство профессора старой закалки во многом определило ту тщательность и трепетность, с которой подходил А. Н. Безумов к выбранной профессии.

В Советском Союзе профессия монументального декоратора в художественном мире являлась востребованной, отвечала тем задачам искусства, которые ставило перед ним государство, связав его напрочь с идеологической составляющей. Школ, где учили монументальному искусству, было немного, и приезд на периферию дипломированного специалиста значил многое для художественной жизни региона. В Сыктывкаре, как и везде, существовал заказ на монументальное творчество, многие из художников, работавших в Коми отделении Художественного фонда РСФСР, участвовали в создании масштабных изображений с эскизов, подготовка же самого эскиза считалась работой, требовавшей большого художественного мастерства. Практически сразу после приезда художник стал обдумывать тему монументальной росписи, которая в конечном итоге превратилась в 5-метровый фриз «Восстановление народного хозяйства в Коми крае». Работа была показана на I зональной выставке «Советский Север» в Архангельске в 1963 году. Попадание работы молодого, только начинающего художника на «зону» свидетельствовало об успехе, В. В. Поляков, председатель Коми отделения Союза художников, представляя А. Н. Безумова, отметил его хорошую подготовку, образность и лаконизм решения фриза. В Национальной галерее Республики Коми есть эскиз к ещё одному монументальному произведению, с изображением трёх девушек-граций на фоне суровой природы севера и пармы. Существует предположение, что этой росписью был украшен вестибюль Дворца культуры бумажников Сыктывкарского ЛПК, но до настоящего времени она не сохранилась.

Вместе с тем в творческом наследии А. Н. Безумова не так много монументальных произведений. Возможно, собственные склонности, а также взгляды учителя, привитые ученику, условия работы в Сыктывкаре, – всё это повлияло на то, что художник больше работал в станковой живописи. Первая картина, которую он представил на Коми республиканской художественной выставке, посвящена хорошо знакомой автору теме – труду рыбаков. «Конец навигации» (1960) был задуман на материале Нарьян-Мара, а написан уже в Сыктывкаре. Интересно, что один из первых этюдов, созданных здесь (изображение вставшего на берегу Сысолы на зимнюю стоянку катера), вписывается в эту же тематику.

В советском искусстве жанр сюжетно-тематической картины считался негласной вершиной, и обращение Безумова к нему на протяжении всего творческого пути отличалось особой тщательностью разработки. Он всегда старался писать о том, что хорошо знал, что пропустил через собственные чувства. В таких композициях художник стремился рассказать о том, чтобы считалось наиболее значимым для его современников, – здесь невозможно не коснуться темы труда. В советские годы общественное признание человека было непосредственно связано с его трудом, через труд раскрывалась красота человека и человеческих отношений.

Второе большое сюжетно-композиционное произведение А. Н. Безумова – «Осень», рассказывающее об уборке капусты. Для художника это новый материал, наработанный в поездках по районам Коми Республики. Картина далась не так легко, в ней не чувствуется той опозитизированности, которой наполнен нарьян-марский сюжет. Художник писал картину три года, дополняя новыми наблюдениями, создав несколько разновременных этюдов в ходе работы над ней.

Вообще в советские годы художнику полагалось «знать республику», что означало ездить в творческие командировки по её районам и городам, искать интересные сюжеты

для художественного воплощения, создавать портреты людей, живущих здесь, описывать то, чем живёт простой человек, показывать, как меняется и улучшается жизнь. Кого-то из художников притягивал суровый север, экзотика жизни оленеводов, геологические изыскания и покорение природы, Безумову же был интересен человек в самой обыденной, привычной жизни. Его поездки – в коми деревни, откуда возвращался он с массой этюдов с изображением деревенских улиц, портретов жителей, занимающихся обычной для них работой, с зарисовками красивейших окрестных пейзажей.

Однако лучшее произведение, описывающее привычную жизнь, художник создал в Сыктывкаре – «Заречье» (1965). Заречье – это небольшой район города, расположенный за рекой и сохранивший старую застройку. Рассказывая о Заречье, художник описывает, как в нём живут люди, как налажен их быт и сотканы человеческие взаимоотношения, передаёт атмосферу неторопливого, размеренного ритма. А за рекой – сам город, с масштабной застройкой, где над домами возвышаются силуэты труб и порядок жизни иной – промышленный, ускоренный, «на бегу». Раскрыть тему автору помогает и природа – в картине воспроизведён один из ноябрьских дней, когда на землю ложится первый снег. В Сыктывкаре, как правило, долгая и слякотная осень, от которой горожане устают. Когда первый снег белым пухом покрывает землю, это воспринимается как праздник, в душе рождается чувство особого умиротворения. Картина наполняется поэзией, гармонией внутреннего состояния человека и окружающей действительности.

Ещё одно сюжетное полотно, на котором хочется остановиться, – картина «Военные дороги». Она известна также под другими названиями: «Гитлер капут!», «Солдаты», «Враги», долгое время работа не поднималась из запасников, выставляться она начала только в 2000-е годы. Картина изображает четырёх солдат – трёх красноармейцев и одного пленного немца, которому протягивают эмалированную кружку, скорее, горячительного напитка и, возможно, со словами: «Гитлер капут». На заднем плане – приставленные к полуразрушенной стене автоматы, настроение персонажей подчёркивает, что война уже близится к Победе.

В дневниках А. Н. Безумова, которые он вёл на войне, есть рисунок композиции картины. Эта сцена – одна из увиденных автором на войне, с не меньшим реалистическим мастерством она передана и на холсте. Вместе с тем уже по заявке сюжета она не вписывалась в каноны, окружавшие тему войны в советском изобразительном искусстве. И только в постсоветское время, когда героика войны стала принимать другую направленность, полотно оказалось востребованным с точки зрения зрительского обсуждения. Работа с успехом показывалась на четырёх последних юбилейных выставках, посвящённых Победе, нередко становясь центром внимания.

Жанр, в котором художнику удалось сделать больше всего, объединив лирику собственного восприятия мира, наблюдательность, поэтическое чутьё, профессиональную подготовку, соединив всё с многолетней этюдной практикой, – это пейзаж. Среди пейзажей А. Н. Безумова есть и хорошо продуманные, завершённые композиции, и быстро набросанные этюды, есть монументальные виды и камерные, обращённые к сердцу человека, лирические изображения, в отношении времён года – художнику подвластны все сезоны, есть виды «чистой» природы, и есть пейзаж деревенский, и городской, архитектурный. А. Н. Безумов – один из немногих художников, кто в своём творчестве постоянно обращался к образу Сыктывкара.

Профессиональная направленность, которую получил А. Н. Безумов в стенах Мухинки, не могла не привести его к жанру монументального пейзажа-картины. Этот вид пейзажа складывается в советском изобразительном искусстве в 1930-е годы, расцвета достигает в 1950-е, а в 1960–1980-е годы сохраняет свою значимость, несколько видоизменяясь. Монументальный пейзаж, как правило, писался на основе переосмысления этюдного

материала, в процессе которого конкретная местность приобретала черты, в целом представляющие образ Родины. Темы, которые интересовали художников, – это взаимодействие природных и индустриальных форм, изменения в восприятии окружающего мира, связанные с ускоряющимся темпом современной жизни. Образ природы, создаваемый в монументальном пейзаже, мог включать бескрайние дали или изображение с высоты птичьего полёта, он обладал и особой эмоциональностью, не камерно-душевной, а душевно-патетической, сродни чувству, объединяющему в себе любовь к Отечеству и гордость за него.

На взгляд автора статьи, в творческом наследии А. Н. Безумова обязательно следует выделить три монументальных пейзажа: «Встреча Вычегды и Сысолы» (1968), «Огни» (1971), «Северный пейзаж» (1976). Самый лирический из них, первый из обозначенных, посвящён красивейшему виду слияния Вычегды и Сысолы, открывающемуся с высокого берега в местечке Тентюково, пригороде Сыктывкара. Это место – одно из любимых у сыктывкарских художников, в их творчестве встречаются самые разнообразные виды. В работе Безумова поражает прежде всего настрой – светлый, оптимистичный, наполненный красотой места, создающейся за счёт бескрайности просторов, ленты рек, двойной радуги во всю небесную ширь, ярко освещённых солнцем далей. Самого города не видно, присутствуют только деревянные дома окраин, но ритм его задан идущим на посадку самолётом, плывущим вниз по течению теплоходом.

Второе из произведений написано тремя годами позже, здесь более звучит индустриальная тема: это вид со стороны Сыктывкара на быстрорастущий Эжвинский район, где недавно заработал промышленный «гигант на Вычегде» – Сыктывкарский ЛПК. Об особом промышленном ритме жизни эжвинцев говорит насыщенность световой иллюминации, упирающиеся в небо лпковские трубы, масштаб занимаемой территории. Обжитой компактный район показан вдалеке, вырастающий на фоне лесов, через которые петляет лента заснеженной реки. Последняя из работ – самая эпическая, с изображением полноводной реки, текущей сквозь бескрайнюю парму. В ней тоже присутствуют знаки современной индустриальной жизни (катера на реке, самолёт в небе), однако ритм здесь задаёт сама природа, её мощь настолько велика, что становится для человека недостижимой. В то же время настолько величественна и гармонична природа: в своём величии она близка к статичной вечности, жизнь ей задаёт ритм условно-концентрических кругов, которые образуются на огромной заводи, соединяя в предполагаемом движении холодное спокойствие воды, тепло осеннего наряда деревьев и покрытых снегом берегов.

Разговаривая со зрителем о личном, камерно-душевном, художник чаще всего обращается к пейзажу, могущему настроить на подобный лад. Прежде всего это парковая зона – любимые аллеи, скамейки, местечки Кировского парка, расположенного на берегу Сысолы. Удивительно, как художнику удаётся передать ощущение влюблённости, приближающегося весеннего тепла, просто какого-то жизненного оптимизма («В парке», 1961; «Парк. Оттепель», 1962; «В парке», 1969–1970). В его работах сохранились и дворовые уголки Сыктывкара 1960–1970-х годов с играющими детьми и присматривающими за ними мамами («Двор», 1963; «Выпал снег», 1967). Всё это – обыденная жизнь, наполненная теплом человеческих отношений, спокойствием за завтрашний день, гармонией внутренних чувств, переданных через изображение на холсте. «Кульминационной картиной» городской жизни стал «Новый микрорайон» (1980) – взгляд из окна собственной квартиры на окружающее пространство, в котором «кипит» каждодневная привычная жизнь, дающая человеку живительный тонус ощущения причастности к ней.

Деревенский пейзаж также занимает немалое место в творческом наследии А. Н. Безумова. Все работы – это результат его творческих поездок по районам Республики Коми. Это и панорамные изображения бескрайних просторов с раскинувшимися

деревнями («Снежная зима», 1972), и деревенские улочки с покосившимися домами («Улица в Усть-Куломе», 1960), и сами деревянные постройки, получающиеся у автора наверняка тёплыми, как будто деревья, впитав в себя солнечную энергию, сохранили её в возведённых срубках («В деревне Додзь», 1972), и весенние разливы рек с подступающей к участкам водой («Разлив на Вычегде», 1974). Непременным условием работ художника является явное или опосредованное присутствие в них человека, скорее, они рассказывают о том, в каких условиях живёт человек, какие виды его окружают, как он преобразовывает окружающую природу, создавая свой мир, предоставляя в тандеме человека и природы ведущую роль людям.

Что касается сезонов и состояний природы, то у А. Н. Безумова безукоризненное чутьё в распознавании её нюансов. Так, у художника есть удивительная работа «Весна в Лемью» (1972), на которой запечатлён очень непродолжительный момент распускания первых листочков: здесь, на севере, он длится не более пары дней, и листва в это время имеет особый нежно-зелёный цвет, который более не повторяется за весь период до её опадания. Из летних пейзажей привлекает внимание акварель с изображением уходящей за реку грозы, которая, кажется, просто наполнена наступившим послегрозовым спокойствием и особым озоновым воздухом («После грозы», 1972). Но более всего интересует художника время, когда землю покрывает снег, он любит работать с белым цветом, одним из самых сложных в живописи. В работах Безумова он мягок и укутывающе-тёпл в сочетании с ещё не опавшей листвой или на фоне пробуждающихся, с потемневшими стволами, деревьев, пушисто-холоден в увеличивающихся за зиму сугробах, искристо-звонящ в суровую стужу, как, например, в работе «Морозное утро», где солнце и снег просто ослепляют, создавая восхитительно-приподнятое настроение.

Умение чувствовать природу, быть с ней на одной эмоциональной волне часто является характеристикой людей, не стремящихся транслировать свои чувства вовне, нередко внешне такие люди выглядят закрытыми. По воспоминаниям родных, именно к такому типу людей относился А. Н. Безумов. Обращаясь в творчестве к изображению человека, такое право он оставлял и за портретируемыми. В этом жанре он не ставил перед собой задачи открыть в человеке что-то необычное или, взяв за основу какую-то его черту, превратить в типаж, под который можно подвести и других представителей рода человеческого, не стремился предвосхитить в образе будущее портретируемого. Его изображения людей реалистически приближены к их индивидуальности, спокойны по своему настрою, описательны по внешней характеристике.

Более харизматичными у художника выходили портреты пожилых людей и детей. В образе пожилого человека вёлся неторопливый, обстоятельный рассказ о нём, о прожитом и пережитом – как известно, внутренние характеристики с возрастом находят всё больший отпечаток на внешности человека. Интересны портреты ветеранов Великой Отечественной войны, один из них, П. С. Политова, художник написал в 1975 году, когда силами коми художников стала создаваться портретная галерея героев и участников Великой Отечественной, второй, Н. Н. Массальского, чуть позже, в 1979-м. В обеих работах художник придерживался точки зрения, пропущенной через себя, через своё отношение к войне: ветеран – это человек, для которого война давно закончилась, уже прожита значительная часть мирной жизни, наполненной трудом, но она осталась в памяти навечно. В работах каким-то невидимым настроением художнику удалось связать воедино закреплённые на пиджаке военные награды и взгляд, устремлённый в воспоминания о пережитом.

Портретов в творческом наследии А. Н. Безумова не так много, видимо, художник не считал этот жанр «своим», но в нём так же нашёл «отдушину», обращаясь к образам тех людей, кого хорошо знал и любил. Любимыми моделями стали для него жена и дети, соприкасаясь с миром детства, он, кажется, сам «погружался» в него, включал образную

наблюдательность, соотнося её с собственной памятью, позволяющей прочувствовать и передать то неуловимое, что несёт в себе этот период жизни. Его работы подобны «живым картинкам»: одна из них изображает сына Григория, остановившегося на мгновение и взглянувшего на отца во время уличной игры на морозе («Портрет сына», 1971), или дочери Екатерины в новогоднем маскарадном костюме, всецело захваченной действием этого «волшебного» праздника («Новогодний костюм», 1976).

Таким образом, завершая небольшой обзор творчества А. Н. Безумова, можно сказать, что перед нами художник, получивший прекрасную школу живописи и оставивший значимое, в первую очередь для нашей республики, наследие. А. Н. Безумов – представитель послевоенного поколения художников, чьё профессиональное формирование шло в уже сложившихся канонах соцреализма, именно с этих позиций и рассматривается его творчество. Получив монументально-декоративное образование, он, скорее, и в силу внешних обстоятельств, и внутреннего стремления более работал в станковой живописи. Жанром, в котором художник достиг наивысшего признания, стал монументальный пейзаж. Мастерство в сюжетных композициях, портретах достигало своей вершины в тех случаях, когда изображённое было близко автору, пережито им, прочувствовано. Свойственная автору обострённость чувств надолго удерживала в памяти ощущения, позволяя сквозь годы обращаться к ушедшей во временном отношении теме, или сюжету, или образу, воссоздавая их такими же, как и по свежим впечатлениям. Наряду с программными произведениями художника, олицетворяющими задачи, которые ставил перед собой соцреализм, не меньший интерес представляют его работы, описывающие повседневность – такой, какой её видел автор. Именно они дают ощущение времени, обстоятельств и колорита жизни, характеризующее эпоху и позволяющее представить её тем, кто в ней уже не жил, для кого она является частью истории.

Дороги войны (Враги). 1967. Х., м.

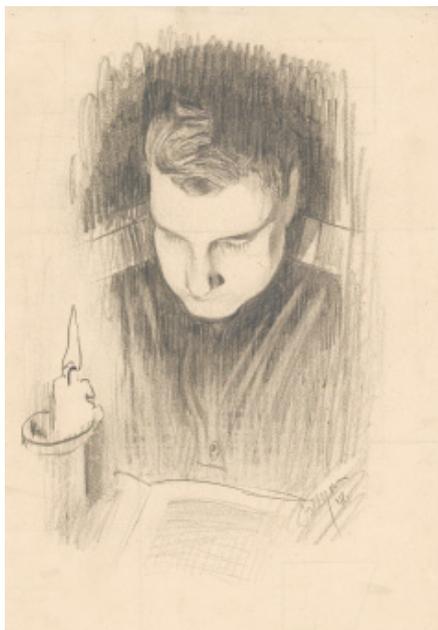
А. Н. Безумов. Автопортрет. 1945. Б., кар.

Портрет товарища. 1946. Б., кар.

На политзанятиях. 1948. Б., кар.

За чтением. 1946. Б., кар.

Разговор по телефону. 1947. Б., кар.

Солдат Головки. 1948. Б., кар.

Солдат Гайдуков. 1948. Б., кар.

Осень. 1961. К., м.

Улица в Усть-Куломе. 1960. К., м.

Сенокосчик. 1966. К., м. 103x81.

Деревня зимой. 1976. К., м. 49,5x69,5.

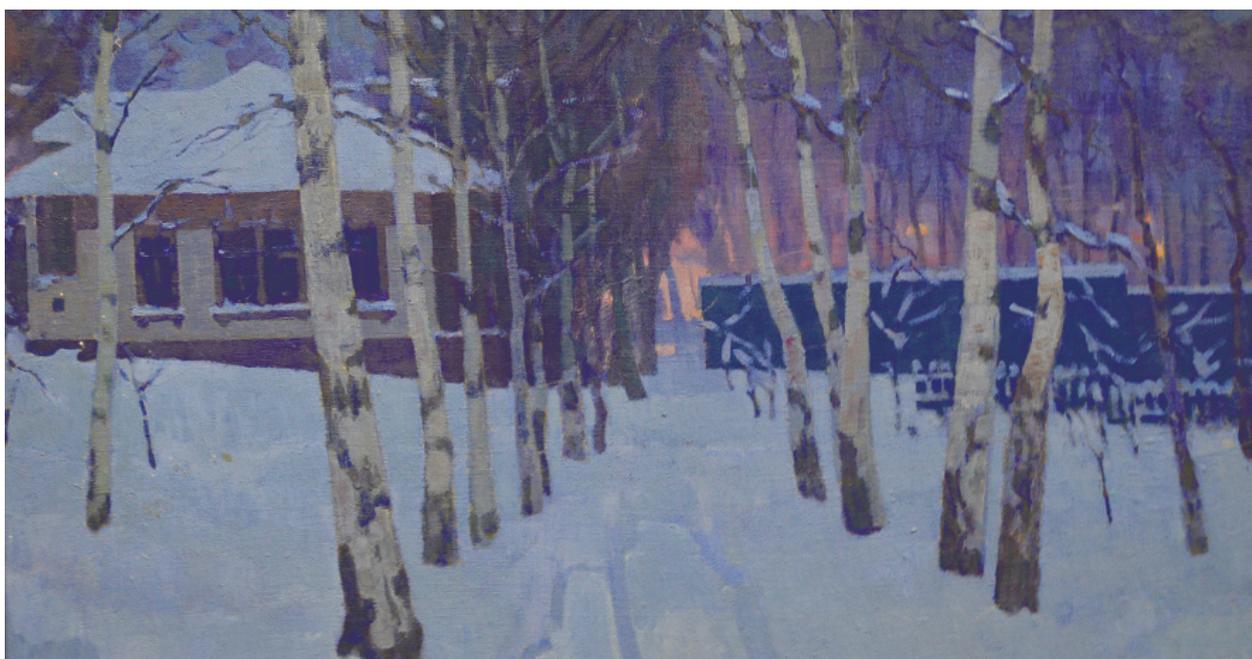
Морозное утро. 1971. X., м.

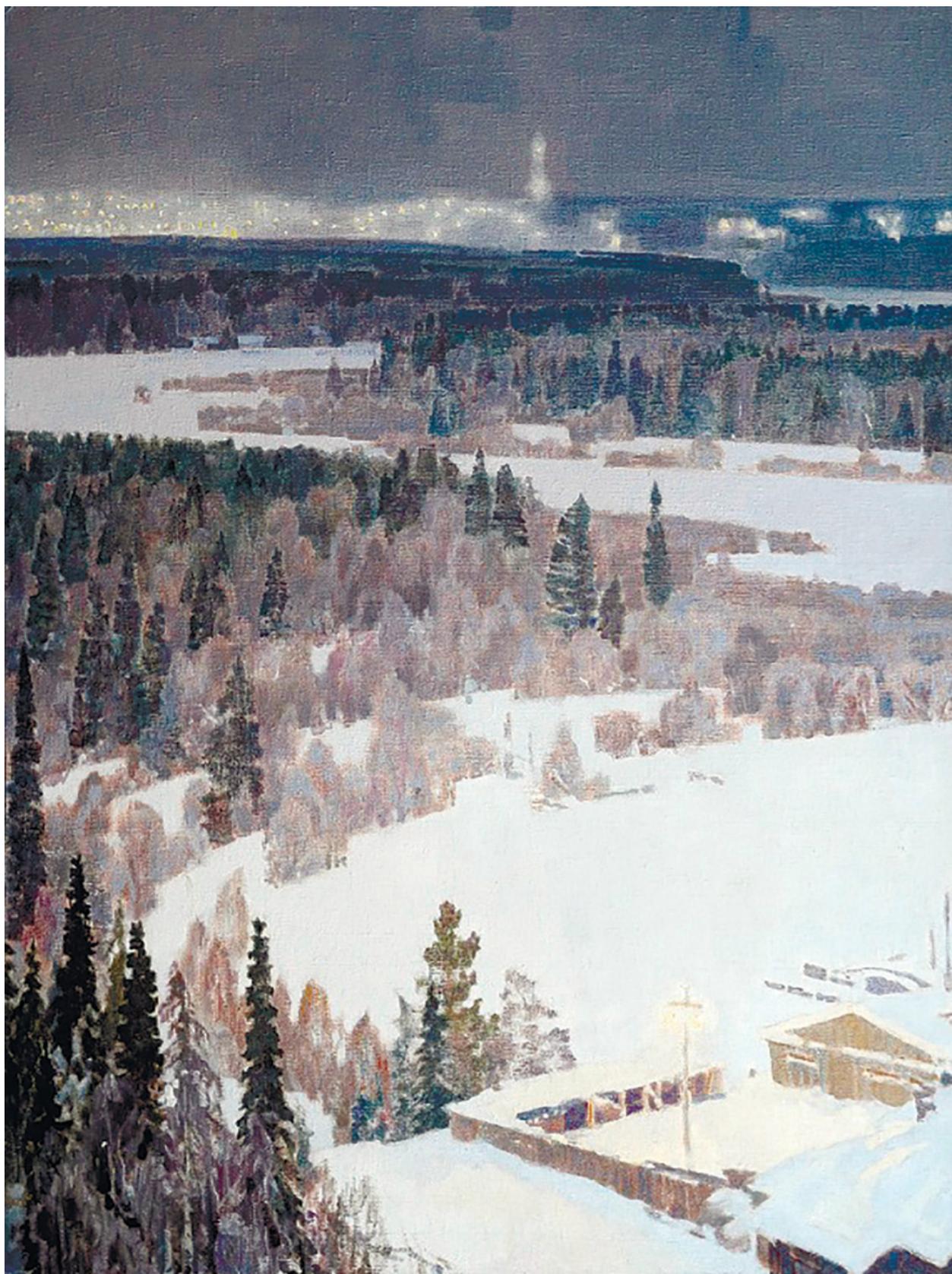
Снежная зима. 1972. X., м.

Лыжники.

В парке. 1969–70. Марля на ДВП, м. 50,5x94,5.

Огни. 1971. Х., м.

В деревне Додзь. 1972. Б., акв.

Новый микрорайон. 1980. Х., м.

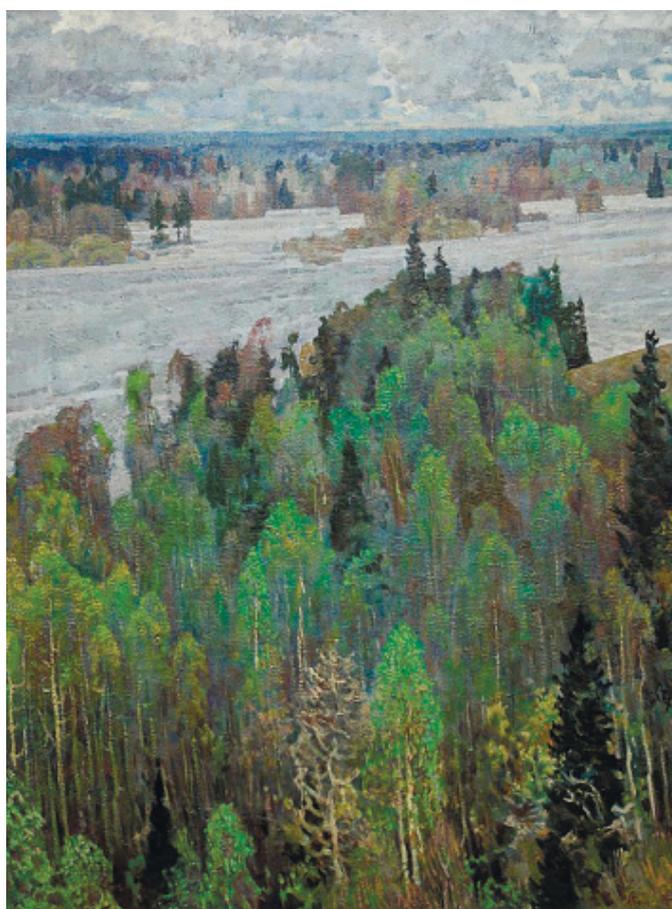
Встреча Вычегды и Сысолы. 1968. Х., м.

Разлив на Вычегде. 1974. Х., м.

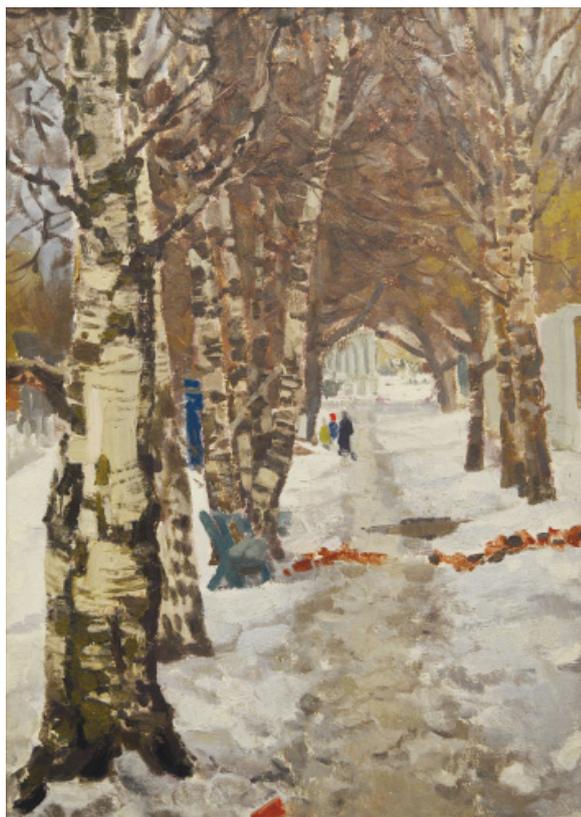
Северный пейзаж. 1976. К., м. 100x183.

Северный май. 1979. Х., м.

В парке.
1961. Х., м. 104x43.

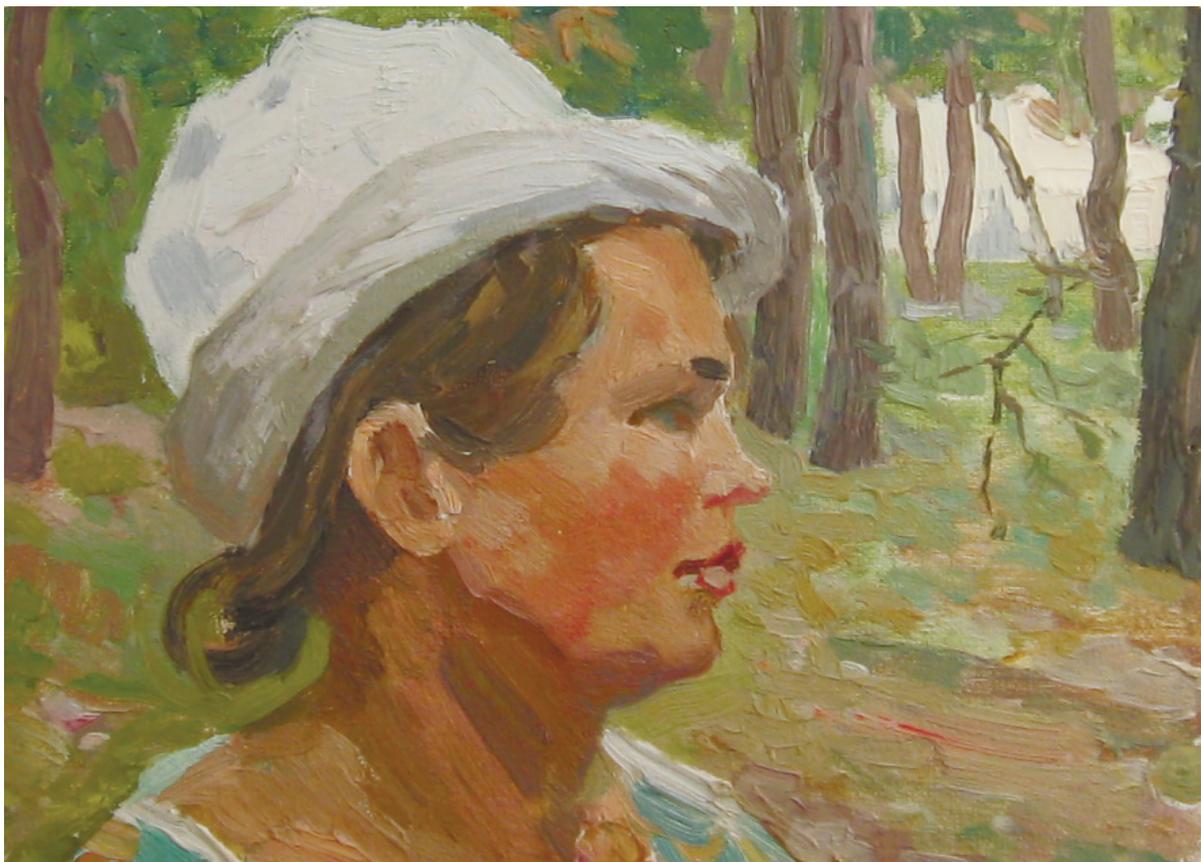
Парк. Оттепель. 1962. К., м. 70x50.

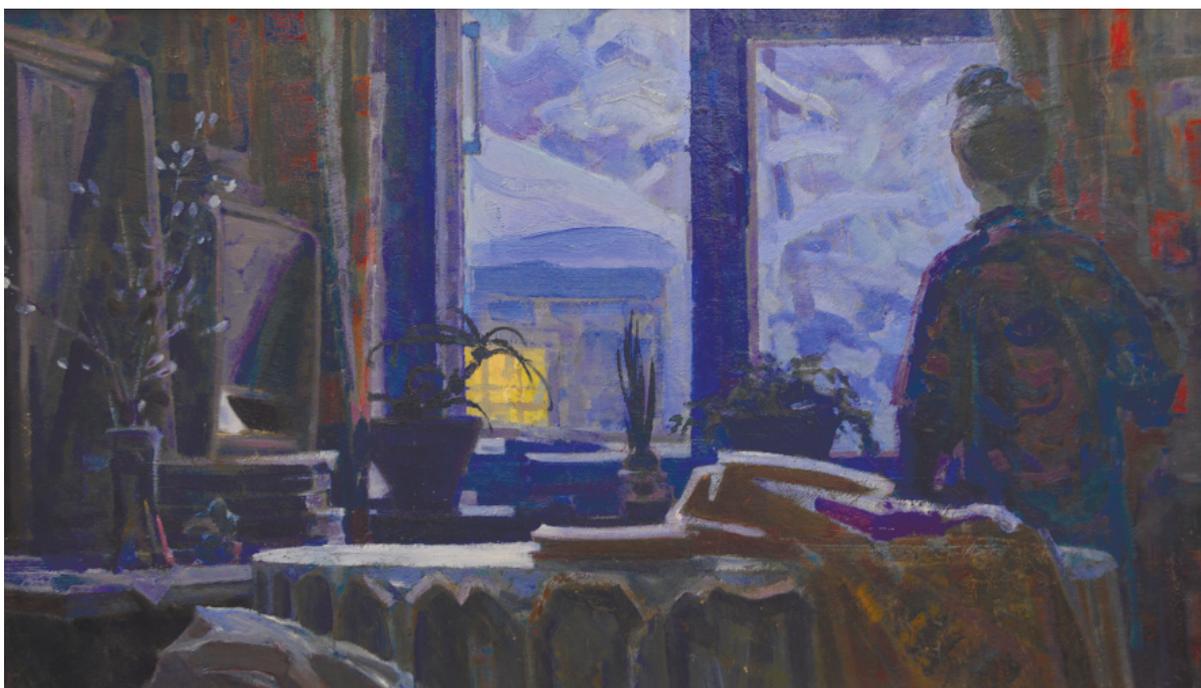
Лыжные соревнования. Зрители. 1977. К., м.

Двор. 1963. К., м.

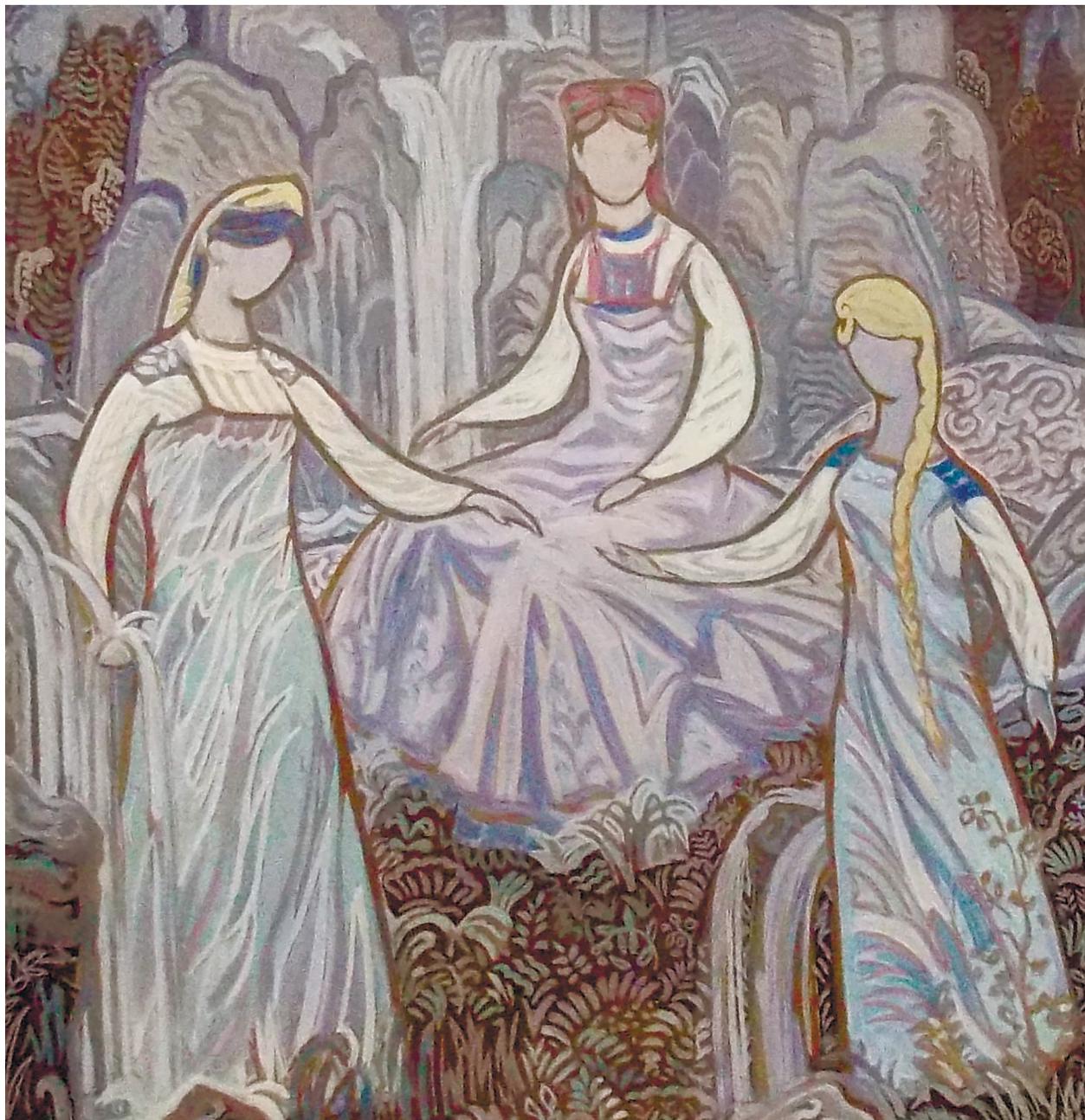
Портрет жены.

Ночное окно. 1975. К., м. 53x90,5.

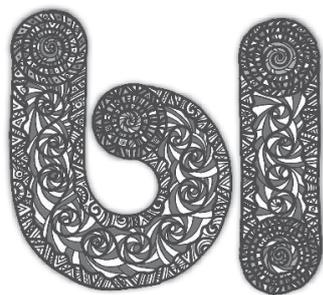

Новогодний костюм (Портрет дочери). 1976. К., м.

Эскиз росписи. Б., гуашь.

ТОМ
ГИЖЫСЬЯСЛӨН

ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖУРНАЛ

*Полина Смородина
(Саранск)*

УНА РӨМА ГОЖӨМ

висьтъяс

ГӨТЫРПУ

Меным зэв ёна кажитчө Синди акань. Торйөн нин кор сійө көлысяян платтьоа. Синди сэтшөм мичаникөн лоө, быттьо принцесса. Меным кажитчө сійөс верөс сайө сетны. Сөмын тай жөникыс некыдзи оз сюр. Синдиөс меным козьналіс Нина ыджыд мамөй, коді мян дорө локтіс гөститны. Ыджыд батьөй кольччөма горт овны, дача вылын помидоръяс консервируйтө да астрыас киськалө. А ми ыджыд мамкөд да Мишка воккөд олам төлысь чөж станциядорса грездын. Нимыс сълөн – Уна рөма. Олам гажаа: лыддысям, сьылан-кывъяс велөдам, тусьяс өктам, прудө купайтчыны ветлам.

Өтчыд, кор Мишкакөд сэтөр кустьяс дорө ылалім, мян йөрө пырис олөма мужичөй – биавиж жилеткаа, киняулас куим литра сок. Мишка пырысьтөм-пыр и шуис, сійө пө көрт туй вылын уджалө, сәні татшөм жилеткасө новлөны. Вокөй меысь ыджыдджык, унджык төдө. Гөсьт матыстчис восьса өшинь дорө, код сайын ыджыд мамным пукаліс. Видзаасис и шуө:

- Нина Алексеевна, ме тиянлы сок вайи. Томатнөй!
- Мыйла, Фёдор Ильич? – Тайө ыджыд мамным өшиньөд юасьө.
- Но кыдзи мыйла? Юны. Эсійө... мыйла колө.

Ми видзөдам Мишкакөд кустьяс сайсянь. Быттьөкө и верстьө морт, а яндысьө, кывьяссө оз вермы йитлыны.

– Атьө, мянлы оз ков! – Тайө бара ыджыд мамным вочавидзө. Оз ков пө. А мянлы Мишкакөд зэв окоата лои юны – телепит! И буретш – томатнөй сок!

- Фёдор Ильич мянөс казяліс:
- Эй, челядьпиян, соксө юөй!

Одва-одва асьнымос кутим: ыджыд мамным сэтшөм «свтса» син мянлы петкөдліс – энө пө, шөть татысь! Мишка шөпкөдіс косьмөм вом дорнас: «Аттё, ми ог кутёй».

– Мыйла нө? – жугыля юалис гөсьт.

– Некор мянлы, садын юркытшъяс кыам... – таркөді ме, кватиті Мишкаос киодыс, и котөртим садьё. Водим кушин вылө – катшасин да пөлөзнича костын. А асьным инө ог өшйөй, мый сэн керка дорас вөчсьө. Котралам өта-мөд вежмөн, мыччасям кустъяс сайсянь. Фёдор Ильич век на өшинь водзас тапъялө. Ставнымлы нин юркытшъяс кыи, а выльторйыс абу и абу. Коркө кад туй вылын мыччысис ыджыд мамным. Юрыс гөрд читкыльёсь, а мугөмсьөд синмас шондіяс йөктөны.

– Гортө мунамөй! – горзө мянлы, кинас өвтчө.

Пуксям кухняын катшасина да подсолнуха пызан сайё. Синдиос пуксьөда орччөн джек вылө, еджыд платтьөсө паськөда. Мед пукалас мянкөд. Ыджыд мамным кисьталө соксө чашкаясө и висьталө:

– Фёдор Ильич ме дорө корасьны воліс!

– Ыджыд мам, но тэ жө верөс сайын! – шензя ме.

– Сідз жө эськө и шуи да. Сьөкыд сылөн олөмыс, – ышловзьё ыджыд мамным. – Аддзылөма мянөс лавкаын и пруд дорын. Нимкодясьөма, кутшөм гажаа олам. Со и локтөма – чайтөма, и сылы мян котырын пельөс сюрас...

– Но тэ өд эн көсьысь? – зумыштчис Мишка. Весиг синкымсө букуштіс ыджыд бать моз жө лөгасигас.

– Дерт! – ыджыд мамным сөмын сералө воча. – Ме тіянлысь ыджыд батьтө некод вылө ог веж!

– А соксө мыйла босьтін? – оз өвсьы Мишка.

– Сійө эськө дөзмис. Сэтшөм сьөлөмсянь вөзйис да.

Да, сокыс збыльысь вөлөма чөскыд – сук, збыльнөй...

– Мед эськө Фёдор Ильичлөн ставыс ладмас! – шуө ыджыд мамным. А ме думайта – олөмыс век жө тешкодь – коть кутшөм арөсалы позьё гөтырпуөн лоны. И аслам Синдилы куньтыртлі синмөс, өд мян керкаын гөтырпуыс сөмын сійө.

ВУШТЫСЯН

Воча воккөд, Мишкакөд, ми век мыйкө юкам. Корсюрө весиг тышкасям. Олам эськө торъя каръясын, аддзысьлам сөмын өтчид онас. Мишка нырсө лэпталө, юркарын олө да. А ме ньөти ог яндысь, мый ола ичөт карын. Но кор волевлө гөститны ыджыд мамным, ми век чукөртчам өтилайн – Уна рөма станциядорса грездын.

Өтчид ме баситі «Алладинысь» раскраска и кори небөгө зунясьысь Мишкалысь вуштысян. Сійө кыз тай серөктас:

– Ха-ха! Вуштысян! Эк тэ, деревня. Код нө сідзи шуө?

– Миян ставныс сідзи шуөны, – чуймала ме. – Кызди нө колө?

– Ластик!

Чушкыльтчөмөн босьта «вуштысян» и рытөдзыс ог мөд сёрнитны воккөд. Ми өд зыртчам ог сөмын «вуштысян» понда! Мишка век бергөдө сёрнисө сідз, быттьө ставсьыс уна төдө!

Вокөй меысь арөсөн ыджыдджык и та вөсна век лэпталө нырсө. Кор ме вөлі зэв на дзоля, сійө повзьөдчис:

– Тэ ваннаын радейтан купайтчыны?

– Радейта!

– А тэ тōдан, мый сэни акула олō? – весиг оз нюмдышт Мишка.

– Ог эскы! – вочавидза ме, а ачым ставнам кōкыльтча полōмла. Ōни ме тōда, мый акула-ыс ваннōйō веськавны оз вермы, и кран пыр оз жō, кызди сōрис сэки Мишка.

Ōни менō абу нин кокни повзьōдны. Меным некор кывзыны нем абусō – нокся творчествоōн. Серпасала портретьяс. И Мишкалы вōзйи жō, мися, тэно рисуйта. Колō жō ōд код вылын кō велōдчыны! Ми пукалим шондī сайын кыз пу улын – ме пызан ōтар помас, Мишка мōдар помас. Серпасаси прōстой карандашōн, корсюрō босьтли киō «вуштысян». Мишка чужōмсō зэвтōма, а бōрыннас нōшта на зэвтчōмōн нēджьялис портретсō. Медбōрын шуис:

– Кыз нō ме ог артмы? Ме жō сэтшōм мича!

Но дерт, став чесьтыс – сылы! Нōшта на Мишка чайтō, мый сыō радейтчōма менам Надя пōдругаōй. Надя корсюрō волевлō мян дорō и Мишка вылō синсō чōвтавлō. Ōтчид весиг шуис:

– Кутшōм тэнад интереснōй вокыд!

А ме нинōм сэтшōмсō ог аддзы! Мишка ме бōрся вōтлысьō. Ōни со тшōтш рисуйтчыны босьтчис. Сōмын эз йōзōс, а пемōсьясōс. Заводитис каньсянь, кодī волī узьō мудōд вылын. Но кань позируйтны эз мōд – вит минут мысти и пышйис. Вокōй эз энвотчы. Аддзис ыджыдджык рисуйтантор.

Рытнас кōкъямыс часын кымын ми сыкōд потшōс дорын сулалим – видзōдим, кызди мōсьясōс йирсянинысь гортас колльōдōны. Мōсьясыс сэтшōм ыджыдōсь, гōрда-еджыдōсь, а ныр-воманыс чурвидзō тешкодь ус. Ōтиыс дзик мян потшōс дорōдз матыстчис – ме гортō ōдйōджык триньксōдī. А Мишка кольччис, висьталис бōрыннас:

– Менам модель волис. Ме сылысь ныр-вомсō бура видзōдалī, ōни дзик нин стōча рисуйта.

Мōд луннас Мишка рытōдзыс серпасалис мōсьясōс. Медся лōсьыд серпассō меным да ыджыд мамлы петкōдлīs – дзонь чукōр, юрныс читкыльōсь, тушаныс кузьмōс, кокныс истōг тув кодь. Весиг потшōс дорсō рисуйтōма и мянлысь баябōжъяс (ме ассыйм кык хвостик серти тōдмалī) тōрōдōма серпасас. Ыджыд мамлы зэв ēна кажитчис. А ме пыльснитī:

– Тэнад мōсьясыд бальōяс кодьōсь. А шуан волī, ныр-вомсō бура видзōдалī, менам модель волис...

Ыджыд мам менō лōниника ōлōдīs:

– Дашка, но и ōбича тэнад!

А сэссия мянлысь серпасъяссō стенмō ōшлис – и Мишкалысь портретсō, и кузь мōсьяссō. Сидзкō, Мишка менō бара на венīs.

Но сетчыны ме эг кōсйы. И регыд мысти стенмын ōшалис нин Мавра каньлōн портрет, сийōс ме уна рōма карандашъясōн мичмōдī. А Мишка суседъяслысь машинасō серпасалис – турунвиж «семёрка». Надя локтīs гōсти да весьōпōрлīs:

– Кутшōм мичаа тī рисуйтчанныд!

И вōзйис «секретикъяс» вōчавны. Ми, дерт, кōсйысим, но Мишка быттьōкō эз окотапырысь. Ми Надякōд вит «секретик» вōчим садйын – стеклō улō и кампет кышъяс, и дзоридзьяс, и мича изъяс тэчим. А Мишка ōтнас вōчис, но кōнī – эз висьтав, сōмын шуис меным: «Бōрыннас аддзан. Дерт, аддзан кō. Ха-ха». Но Мишка!

Регыд ми гортаным разōдчим, ме аслам карō, а Мишка – асласō. Перрон вылын менō сэки сэтшōм гажтōм босьтлис – муртса эг бōрддзы. Но бōрднысō ōд оз позь, друг Мишка казялас!

Вежон мысти ме локтī Уна рōма станциō Оля пōчкōд да Марина воча чойкōд – гожōмыс ōд эз на помась. Ворса волī ōтчид садйын и «секретик» вылō зураси. Гудйи – стеклō улын кампет кыш, а сы улын – вуштысян куйлō! Тьпу, ластик! Да кōть кыз нин шу. Но ме пырысьтōм-пыр и гōгōрвои, мый тайō абу прōстой «вуштысян», а муō гуалōм «тышкасян чер»!

ЕДЖЫД ЁЖИК

Шойччан лунё мян дорё Уна рёмаё воліс папöй. Мамöй кольччöма карö – горт овны. Папкөд да Маринакөд ветлім субöтаö пруд дорö, а вöскресенньö – чуркъяс вылö – вöрса озла. Сэні сэтшöм мича – помтöм-дортöм эрд, и öвтö видз вив дзоридз да воöм оз дукөн. Киын кута гөрд тшöгиник бидон – менам норма. Но бидон тырö надзөн, тусьяс пышйöны вомö. А Марина чожа тыртіс ассьыс и öні пукалö вольсалöм ковта вылас, бергалö, нимкодясьö кымöръясөн.

Папöй öктіс дзонь ведра и кытшлалö орчча чуркъяссö – корсьö тшак. Вайис кепкаас некымын шампиньон, мыччöдліс мянлы:

– Найö пырджык быдмöны вöv йирсянінын.

Ме бергөдла юрöс, но вövьяс оз тыдавны. Жаль!

Сы пыдди видзöда веглясьыс Исса ю да Паёво грезд вылö. Юося паплысь:

– Кыдзи сэні йöзыс олöны?

– Кыдзи! Воöдчöны электричкаөн мян станцияöдз и подөн мунöны аслас грездöдз.

– Ылын... – думыштча ме. Көнкö, йöзыс сэні кодзувкотъяс кодъ дзоляникöсь да тöрöны ки пыдöсö. Электричкаөн позьö вештысьтöг журъявны!

А ми ставным пукалам важ эшкын вылын, öгуреч марсьям. Пöчöй öнтай сюяліс мянлы зепьясьö мунтöдз.

Бöрсö мунам ыбыввса туйöд. Шондйіс пöжö, окота юны и купайтчыны. Кадысь кадö паныдасьлöны тешкодъ тшакъяс, руда-еджыдöсь, кузьмöсöсь. Папöй гөгөрвоöдіс:

– Йöзыс шуöны найöс пылевикъясөн. А сідзсö – зэрамачьяс. Шампиньонлы рөдвуж.

Тальыштіс öтиöс – кроссовки увсьыс бус кыпöдчис. Ме витöс кымын бöрыннас «шпотъниті» (сэтшöм шыыс, мый вынсьыд кор тальыштан), а Марина – куш кыкöс. Сійö лыддьö асьсö ыджыдөн, оз нин скодит «шпотъкөдны» тшакъяс.

Эсся мунам вөр пыр (о, вуджөр!) – казялам пуяс костöд тірликтысь ёжикöс – руд, тэрыб кока, сьöд моль-синма, сьöд ныра. Окота вөрöдыштны, но друг повзяс? Либö сутшкысян...

Вуджам көрт туй и воам гортö. Оля пöч радлö мянлы – дерт, и нокыс содіс – ковмас мян тусьясьыс варенньö пуны.

А паплы колö нин мунны карö. Пöльтчöм нопйөн (град вив пуктас да мамы неуна оз) сійö мөдö вокзал дорö. Ми Маринакөд кыссям бöрсянныс – колльöдам. Мянлы абу окота лэдзны сійöс. Папкөд век гажа и позьö кытчöкө ветлыны. Сійö оз бурөд – мудера шуö:

– А ме тöрыт, кор ті узинныд нин, аддзылі садйын еджыд ёжикöс.

– Оз вермы лоны! – шуа ме.

– Еджыд ёжикыс оз овлы! – тöдчөдö Марина.

– Овлö-овлö... Вот аддзыланныд.

Электричка төв ныр моз лэбыштö мян дорті, босьтö папöс да сьökыд сумкаа йöзöс.

– Көнкö, Паёвосянь тшötш мунöны, – чөвтö Марина, а ме жугыла довкнита юрөн. Дерт, найöс тшötш виччысьö горш удж.

Воам гортö – гажтöм. Но еджыд ёжик йылысь мөвп оз лэдз лөня овны. Аддзывлыны кө збыльысь! Дерт, папöй кө эз шмонит.

Рытнас мян дорö локтöны Гриша дед да Катя тьöt. Пöчöй ставнысö пуксьöдö кыдз пуувса пызан сайö, кисьталö чай. А Гриша дедлы мыччö румка – вöскресенньö вöсна. Юмовторъяс кындзи – вильён пуöм озья варенньö. Кöрыс – сад пасьта.

Катя тьöt юасьö, мыйла папöй сэтшöм водз муніс. Пöчöй висьталö:

– Аски удж вылө. Да гортас, гөтыр дорас...

Тайö пöчöй мам йылысь висьталö – сийö абу сöмын менам мам, но и паплөн гөтыр, и пöчлөн монь. Мөвпала мамлөн мукöд ним йылысь и корсяла, кутшöмьяс менам эмöсь – аддзи куш ныв да внучка, серам петö!

Кытшлала садті, ылалі мөвпъясö – и виччысьтөг джуджыд турун пөвстын – еджыд ёжик!

Синмыс – öзйысь öгыр кодь гөрд, емыс – и збыльысь еджыд-еджыд, нырыс сöмын гөрдоват. Эз пөръяв папöй, эз шмонит – збыльнöй вөлöма!

Гусьöникөн воөдча пызан дорö, кора Маринаöс. Сийö кунь-кань матыстчö сэтчö, но быттöкö оз эскы, сэсся казялö турун пөвстын кынмөм ёжикöс да шармөдö синсö.

Косам пызан дорö, корам мукöдсö. Но сиктса олысьястö ёжикөн, весиг еджыдөн он шензьöд. Сöмын пöчöй пырис керкаö йөвла – ёжиклы гөснеч.

– Тайö альбинос, гежöда паныдасьлö, – гөгөрвоөдö миянлы Гриша дед.

Катя тьöt содтö:

– Найö пö шуд водзын волöны.

– Мый, найö тшöтш? – чуймала ме. – Миян эм нин куим рöма кань! Сийö тшöтш пö вайö шуд!

– Шудыс уна оз овлы! – сералö Гриша дед, а синмас – гажтöм кинь.

Медбöрын пöчöй петкөдö йөв тыра тасьті, мыччö миянлы.

Ми кыньксöдам сийö местаас. Но ёжикыс абу нин. Гызмалім став садсö – туй ни пом! Но и но!

– Кытчö нö ёжикыс лоис? – юалö пöчöй, кор казялö жугыльтчöм чужöмьяснымöс да йөв тыра тасьті.

– Мунöма, – чөвтö Марина.

А ме ассянь содта:

– Гөтыр да челядь дорас.

Ставныс сералöны, а ми сетам йөвсö Мавралы. Сийö радпырысь лакö йөвсö алöй кывнас.

Сідзсö кө öд думыштлыны, ставныс век код дорö кө мунöны. Весиг ёжикъяс. А йөз йылысь и сёрнитнысö нем. Со и ме кута виччысьны выль шойччан лунъяссö, кор локтасны мамöй да папöй – ме дорö, миян дорö – Уна рöма станцияö...

Комиöдіс Алёна Шомысова.

УТВЕРЖДЕНО
приказом Министерства цифрового
развития, связи и массовых
коммуникаций
Республики Коми
от "30" декабря 2021г. № 338
(приложение № 1)

СОГЛАСОВАН

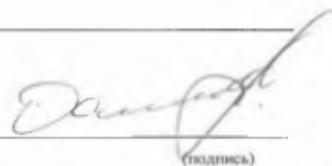
УТВЕРЖДЕН

И.о. министра

И.о. руководителя

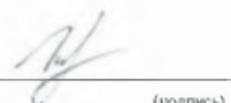
ОСИПОВ В.В.

(Ф.И.О.)

(подпись)

ЛОГИНОВА Т.И.

(Ф.И.О.)

(подпись)

" 13 " марта 2022г.

" 30 " марта 2022г.

Автономное учреждение Республики Коми "Редакция журнала "Арт"

(наименование государственного учреждения Республики Коми - составителя Отчета)

ОТЧЕТ

о результатах деятельности государственного автономного учреждения
Республики Коми,

функции и полномочия учредителя которого осуществляет

Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Республики Коми,
и об использовании закрепленного за ним государственного имущества
за 2021 год

составлен 30 марта 2022 года

Учредитель:	Правительство Республики Коми
Государственный орган, осуществляющий функции учредителя:	Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Республики Коми
Юридический адрес учреждения:	167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д. 229
Адреса фактического местонахождения:	167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д. 229
ИНН	1101485466
КПП	110101001
ОГРН	1031100403289
Ф.И.О. руководителя:	Логина Татьяна Ивановна
Ф.И.О. главного бухгалтера:	Леончик Татьяна Васильевна

И.о. руководителя учреждения

//Логина Т.И./
(Ф.И.О.)

(подпись)

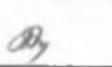
Главный бухгалтер учреждения

//Леончик Т.В./
(Ф.И.О.)

(подпись)

Исполнитель (составитель отчета)

//Леончик Т.В./
(Ф.И.О.)

(подпись)

телефон исполнителя: 8(8212)201490
e-mail: artkomi@mail.ru

РАЗДЕЛ I

ОБЩЕ СВЕДЕНИЯ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ

Перечень основных видов деятельности, которые Учреждение вправе осуществлять в соответствии с его учредительными документами							Код по ОКВЭД
1.	Деятельность издательская						58
1.1.	Деятельность издательская						58
2.	Перечень иных видов деятельности, не являющихся основными, которые Учреждение вправе осуществлять в соответствии с его учредительными документами						Код по ОКВЭД
2.1.	Издание журналов и периодических изданий						58.14
2.2.	Деятельность рекламная						73.1
2.3.	Деятельность по предоставлению прочих вспомогательных услуг для бизнеса, не включенная в другие группировки						82.99
3.	Перечень разрешительных документов (с указанием номеров, даты выдачи и срока действия), на основании которых Учреждение осуществляет деятельность (решение о создании Учреждения, свидетельство о государственной регистрации Учреждения, лицензии и другие разрешительные документы)						
№ п/п	Наименование разрешительного документа и вид разрешенной деятельности	Дата выдачи разрешительного документа	Номер разрешительного документа	Срок действия разрешительного документа	Орган, выдавший разрешительный документ	Серия и номер бланка разрешительного документа	
3.1.	Постановление Правительства Республики Коми	23.05.2008	128	бессрочно	Правительство Республики Коми	-	
3.2.	Свидетельство о государственной регистрации юридического лица	09.01.2003	-	бессрочно	Инспекция Министерства Российской Федерации по налогам и сборам по г. Сыктывкарю	11 № 000627301	
3.3.	Свидетельство о регистрации средства массовой информации	23.01.2009	ПИ № ФС 77-35079	бессрочно	Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций	007862	
4.	Перечень услуг (работ), которые оказываются потребителям за плату в случаях, предусмотренных нормативными правовыми актами, с указанием потребителей указанных услуг (работ)						
№ п/п	Наименование услуги (работы)	Нормативное основание предоставления государственной услуги	Основание для взимания платы	Категория потребителей услуг (работ)			
4.1.	Издание и распространение журнала «Арт»	Гражданский кодекс Российской Федерации; Федеральный закон РФ от 03.11.2006 № 174-ФЗ "Об автономных учреждениях"; Устав АУ РК "Редакция журнала "Арт" от 26.12.2017	Приказ АУ РК «Редакция журнала «Арт» от 30.12.2016 № 14 «Об утверждении стоимости журнала «Арт»	Юридические лица, физические лица			
4.2.	Размещение информационного материала в журнале "Арт"	Гражданский кодекс Российской Федерации; Федеральный закон РФ от 03.11.2006 № 174-ФЗ "Об автономных учреждениях"; Устав АУ РК "Редакция журнала "Арт" от 26.12.2017	Приказ АУ РК «Редакция журнала «Арт» от 30.12.2016 № 13 «Об утверждении стоимости размещения информационных материалов»	Юридические лица, физические лица			
5.	Средняя стоимость для потребителей получения частично платных и полностью платных услуг (работ) по видам услуг (работ)						
№ п/п	Наименование услуги (работы)	частично за плату, тыс. руб. за год, предшествующий отчетному	за отчетный год	полностью платно, тыс. руб. за год, предшествующий отчетному	за отчетный год		
5.1.	Издание и распространение журнала «Арт»	-	-	0,05	0,05		
5.2.	Размещение информационного материала в журнале	-	-	26,6	26,6		

РАЗДЕЛ I
ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ

6. Сведения о численности и уровне образования работников Учреждения		Сведения о штатной и фактической численности персонала		Количество штатных единиц в соответствии со штатным расписанием (с точностью до сотых) на конец отчетного года		Количество фактически занятых штатных единиц (с точностью до сотых)		
№ п/п	Наименование показателя	Количество штатных единиц	Фактически занятых штатными работниками (с точностью до сотых), чел.	На начало отчетного года	На конец отчетного года	На начало отчетного года	На конец отчетного года	Причины отклонения
6.1.1.	Руководители	3,00		2,50	1,50			прекращение договора с руководителем
6.1.2.	Специалисты	6,00		3,25	3,00			прекращение договора с редактором (0,25 ставки)
6.1.3.	Другие служащие							
6.1.4.	Рабочие							
6.1.5.	Младший обслуживающий персонал и персонал охраны							
	ВСЕГО:	9,00		5,75	4,50			
6.2.	Сведения об уровне квалификации персонала							
№ п/п	Сотрудники учреждения	Количество штатных единиц	Фактически занятых работниками (с точностью до сотых), чел.	На начало отчетного года	На конец отчетного года	На начало отчетного года	На конец отчетного года	Причины отклонения
6.2.1.	Сотрудники, имеющие ученую степень	0,50		0,50				
6.2.2.	Сотрудники, имеющие высшее профессиональное образование	4,25		3,00				
6.2.3.	Сотрудники, имеющие среднее профессиональное образование	1,00		1,00				
6.2.4.	Сотрудники, не имеющие профессионального образования							
	ВСЕГО:	5,75		4,50				
7.	Информация о количестве структурных подразделений и штатных единиц учреждения							
№ п/п	Наименование показателя	Количество штатных единиц	Фактически занятых работниками (с точностью до сотых), чел.	На начало отчетного года	На конец отчетного года	На начало отчетного года	На конец отчетного года	Причины отклонения
7.1.	Количество структурных подразделений, ед.	-		-		-		
7.2.	Количество штатных единиц учреждения, задействованных в осуществлении основных видов деятельности	-		-		-		
7.3.	Количество штатных единиц учреждения, осуществляющих:							
7.3.1.	правовое обеспечение	-		-		-		
7.3.2.	кадровое обеспечение	-		-		-		
7.3.3.	бухгалтерский учет	-		-		-		
7.3.4.	административно-хозяйственное обеспечение	-		-		-		
7.3.5.	информационно-техническое обеспечение	-		-		-		
7.3.6.	делопроизводство	-		-		-		
8.	Средняя заработная плата работников Учреждения							

**РАЗДЕЛ I
ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ**

№ п/п	Наименование показателя	За год, предшествующий отчетному, руб.	За отчетный год, руб.	Отклонение, руб.	Рост/сокращение, процент
8.1.	Начисленная среднемесячная заработная плата всего по всем категориям работников за счет всех источников финансирования, с учетом оплаты труда внешних совместителей (в расчете на одного работника)	36 634,4	51 590,4	14 956,0	40,82
8.1.1.	Среднемесячная заработная плата руководителя учреждения	45 776,9	51 298,7	5 521,9	12,06
8.1.2.	Среднемесячная заработная плата заместителей руководителя	-	-	-	-
8.1.3.	Среднемесячная заработная плата главного бухгалтера	42 819,0	54 521,9	11 702,9	27,33
8.1.4.	Среднемесячная заработная плата в расчете на одного работника списочного состава, за исключением руководителя учреждения, его заместителей и главного бухгалтера	26 780,9	39 221,4	12 440,5	46,45
9.	Состав наблюдательного совета Учреждения на дату составления отчета				
№ п/п	Наименование должности члена наблюдательного совета по основному месту работы	Фамилия	Имя	Отчество	
9.1.	Заместитель министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Республики Коми	Белых	Олег	Валерьевич	
9.2.	Заведующий отделом правового обеспечения Комитета Республики Коми имущественных и земельных отношений	Евлампьева	Вероника	Викторовна	
9.3.	Главный редактор АУ РК «Редакция журнала «Арт»	Лимеров	Павел	Федорович	
9.4.	Заведующий отделом по основным направлениям деятельности журнала «Арт»	Логина	Татьяна	Ивановна	
9.5.	Председатель почетительского совета АУ РК «Редакция журнала «Арт», член правления Союза писателей Республики Коми, член Союза журналистов Республики Коми	Бутырева	Галина	Васильевна	
9.6.	Председатель Координационного совета КРОО «Ассоциация детских общественных объединений РК»	Андреев	Василий	Михайлович	

РАЗДЕЛ II
РЕЗУЛЬТАТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЯ

№ п/п	Наименование показателя	На конец года, предшествующего отчетному, руб.	На конец отчетного года, руб.	Изменение (увеличение/уменьшение), процент	Изменение (увеличение/уменьшение), процент	
						Изменение (увеличение/уменьшение), руб.
1.	Общая балансовая (остаточная) стоимость нефинансовых активов	377 716,32 (19 878,30)	476 213,32 (19 878,30)	98 497,00 (0,00)	26,08 (0,00)	
2.	Общая сумма выставленных требований в возмещение ущерба по недостачам и хищениям материальных ценностей, денежных средств, а также от порчи материальных ценностей	-	-	-	-	
3.	Суммы доходов, полученных учреждением от оказания платных услуг (выполнения работ), всего, в т.ч.:	279 980,41	473 248,00	193 267,59	69,03	
3.1.	при осуществлении основных видов деятельности сверх государственного задания	279 980,41	473 248,00	193 267,59	69,03	
3.2.	при осуществлении иных видов деятельности	-	-	-	-	
4.	Сведения о дебиторской и кредиторской задолженности Учреждения					
№ п/п	Наименование показателя	На конец года, предшествующего отчетному, руб.		На конец отчетного года, руб.		Изменение (увеличение/уменьшение), процент
		Всего	в том числе нерезальная к взысканию дебиторская задолженность (просроченная кредиторская задолженность)	Всего	в том числе нерезальная к взысканию дебиторская задолженность (просроченная кредиторская задолженность)	
4.1.	Дебиторская задолженность учреждения, всего, в т.ч. в разрезе поступлений за счет средств:	353 087,25	-	63 408,69	-82,04	-
4.1.1.	бюджетной субсидии на выполнение государственного задания	0,00	-	0,00	-	-
4.1.2.	бюджетной субсидии, предоставленной учреждению на иные цели	-	-	-	-	-
4.1.3.	бюджетных инвестиций	-	-	-	-	-
4.1.4.	средств от приносящей доход деятельности (собственных доходов учреждения)	353 087,25	-	63 408,69	-82,04	-
4.2.	Кредиторская задолженность, всего, в т.ч. в разрезе выплат за счет средств:	883 353,50	-	130 564,63	-85,22	-
4.2.1.	бюджетной субсидии на выполнение государственного задания	3 538,86	-	0,00	100,00	-
4.2.2.	бюджетной субсидии, предоставленной учреждению на иные цели	653 507,36	-	47 269,11	100,00	-
4.2.3.	бюджетных инвестиций	-	-	-	-	-
4.2.4.	средств от приносящей доход деятельности (собственных доходов учреждения)	226 307,28	-	83 295,52	-63,19	-

РАЗДЕЛ II
РЕЗУЛЬТАТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЯ

5.	Суммы кассовых и плановых поступлений (с учетом возвратов) в разрезе поступлений и выплат (с учетом восстановленных кассовых выплат), предусмотренных планом финансово-хозяйственной деятельности учреждения	Единица измерения	Поступление средств (с учетом возвратов)		Выплаты средств (с учетом восстановленных кассовых выплат)	
			Плановое значение	Кассовое поступление	Плановое значение	Кассовые выплаты
5.1.	Суммы кассовых и плановых поступлений (с учетом возвратов) в разрезе поступлений и выплат (с учетом восстановленных кассовых выплат), предусмотренных планом финансово-хозяйственной деятельности учреждения, за год, предшествующий отчетному					
№ п/п	Наименование показателя					
5.1.1.	за счет средств бюджетной субсидии на выполнение государственного задания	тыс. руб.	3 736,74	3 736,74	3 736,74	3 733,20
5.1.2.	за счет средств бюджетной субсидии, предоставленной учреждению на иные цели	тыс. руб.	653,51	653,51	653,51	-
5.1.3.	за счет средств бюджетных инвестиций	тыс. руб.	-	-	-	-
5.1.4.	за счет средств от приносящей доход деятельности (собственных доходов учреждения)	тыс. руб.	608,80	414,83	425,15	231,19
5.2.	Суммы кассовых и плановых поступлений (с учетом возвратов) в разрезе поступлений и выплат (с учетом восстановленных кассовых выплат), предусмотренных планом финансово-хозяйственной деятельности учреждения, за отчетный год					
№ п/п	Наименование показателя					
5.2.1.	за счет средств бюджетной субсидии на выполнение государственного задания	тыс. руб.	4 277,05	4 277,05	4 280,59	4 280,59
5.2.2.	за счет средств бюджетной субсидии, предоставленной учреждению на иные цели	тыс. руб.	47,27	47,27	47,27	-
5.2.3.	за счет средств бюджетных инвестиций	тыс. руб.	-	-	-	-
5.2.4.	за счет средств от приносящей доход деятельности (собственных доходов учреждения)	тыс. руб.	684,97	611,09	685,04	611,16

РАЗДЕЛ II									
РЕЗУЛЬТАТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЯ									
Цены (тарифы) на платные услуги (работы), оказываемые потребителям (в динамике в течение отчетного года)									
№ п/п	Наименование услуги (работы)	руководителем учреждения цена (тариф) на платную услугу (работу) на начало отчетного года, руб.	Утвержденная руководителем учреждения цена (тариф) на платную услугу (работу) на конец отчетного года, руб.	Изменение цены (тарифа), процент	Причины отклонений	Утвержденная			
						полностью бесплатно, ед.	за год, предшествующий отчетному	частично за плату, ед.	за год, предшествующий отчетному
6.1.	Издание и распространение журнала "Арт"	50 руб. за 1 экз.	50 руб. за 1 экз.	-	-				
6.2.	Размещение информационного материала в журнале "Арт"	100 руб. за 1 кв.см.	100 руб. за 1 кв.см.	-	-				
6.3.									
и т.д.									
7. Общее количество потребителей, воспользовавшихся услугами (работами) учреждения									
№ п/п	Наименование услуги (работы)	полностью бесплатно, ед.		частично за плату, ед.		полностью платно, ед.			
		за год, предшествующий отчетному	за отчетный год	за год, предшествующий отчетному	за отчетный год	за год, предшествующий отчетному	за отчетный год	за отчетный год	за отчетный год
7.1.	Издание и распространение журнала "Арт"	108	108	-	-	-	-	3 862	3 326
7.2.	Издательская деятельность	-	-	-	-	-	-	-	-
8. Количество жалоб потребителей и принятые по результатам их рассмотрения меры									
№ п/п	Категории жалоб	Количество жалоб потребителей, ед.				Принятые меры по результатам рассмотрения жалоб			
		Всего	в том числе удовлетворенные, по которым приняты необходимые меры реагирования	в том числе не удовлетворенные в связи с их необоснованностью					
8.1.	По поводу неудовлетворительной организации или качества оказания потребителю услуги (выполнения работы) на бесплатной для потребителя основе	0	0	0	0	-			
8.2.	По поводу неудовлетворительной организации или качества оказания потребителю услуги (выполнения работы) на платной для потребителя основе	0	0	0	0	-			

**РАЗДЕЛ II
РЕЗУЛЬТАТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЯ**

9. Информация о выполнении государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) и об объеме финансового обеспечения государственного задания (без субсидии на иные цели)		Объем предоставленных государственных услуг (работ) и об объеме финансового обеспечения государственного задания за год, прелшествующий отчетному		Объем финансового обеспечения государственного задания, тыс. руб.		
№ п/п	Наименование государственной услуги (работы)	Наименование показателя, единица измерения	Значение показателя в соответствии с государственным заданием (план)	Значение показателя в соответствии с государственным заданием (факт)	План (по уточненному соглашению)	Факт (кассовые расходы)
9.1.1.	Осуществление издательской деятельности - Журналы - Печатная					
9.2. Объем предоставленных (выполненных) государственных услуг (работ) и объем финансового обеспечения государственного задания за отчетный год						
№ п/п	Наименование государственной услуги (работы)	Наименование показателя, единица измерения	Значение показателя в соответствии с государственным заданием (план)	Значение показателя в соответствии с государственным заданием (факт)	Объем финансового обеспечения государственного задания, тыс. руб.	
					Количество печатных страниц, штука	190,00
9.2.1.	Осуществление издательской деятельности - Газеты - Печатная					
10. Информация об оказании государственных услуг (выполнении работ) сверх государственного задания						
№ п/п	Наименование государственной услуги (работы)	Единица измерения	Объем оказанных услуг (выполненных работ) сверх государственного задания			
			в году, прелшествующем отчетному		в отчетном году	
10.1.	Осуществление издательской деятельности - Журналы - Печатная	Количество печатных страниц, штука	-	-	-	-
11. Сведения об иных видах деятельности (доля объема услуг (работ) в рамках осуществления иных видов деятельности в общем объеме осуществляемых услуг)						
№ п/п	Наименование показателя					
1.	Общий объем оказанных учреждением услуг (выполненных работ), тыс. рублей					
2.	Объем оказанных учреждением услуг (выполненных работ) в рамках осуществления иных видов деятельности, тыс. рублей					
3.	Доля объема услуг (работ) в рамках осуществления иных видов деятельности в общем объеме осуществляемых учреждением услуг (работ), % (п. 2 : п. 1 x 100%)					

12.		Объем финансового обеспечения развития учреждения в установленном порядке (субсидии на иные цели)			
№ п/п	Наименование программы (направление субсидии на иные цели по Соглашению)	Объем финансового обеспечения за год, предшествующий отчетному, тыс. руб.		Объем финансового обеспечения за отчетный год, тыс. руб.	
		план (по уточненному соглашению)	факт (кассовые расходы)	план (по уточненному соглашению)	факт (кассовые расходы)
12.1.	Выпуск социально-значимой литературы, направленной на сохранение и развитие государственных языков Республики Коми	463,51	-	-	463,51
12.2.	Производство, распространение и тиражирование в средствах массовой информации социально значимых проектов	190,00	-	47,27	190,00
13.	Общая сумма прибыли учреждения после налогообложения в отчетном году, образовавшаяся в связи с оказанием учреждением частично платных и полностью платных услуг (работ)				
№ п/п	Наименование показателя (виды оказываемых платных услуг)	Сумма прибыли от оказания частично платных услуг (работ), тыс. руб.		Сумма прибыли от оказания полностью платных услуг (работ), тыс. руб.	
		за год, предшествующий отчетному	за отчетный год	за год, предшествующий отчетному	за отчетный год
13.1.	-	-	-	-	-
14.	Сведения о вкладах учреждения в уставные фонды (капиталы) других юридических лиц				
№ п/п	Наименование юридического лица, участником (учредителем) которого является учреждение	Величина доли (вклада) учреждения в уставном фонде (капитале) юридического лица, участником которого оно является, тыс. руб.		Величина дохода, полученного учреждением в отчетном году от деятельности юридического лица, участником (учредителем) которого оно является, тыс. руб.	
		за год, предшествующий отчетному	за отчетный год	за год, предшествующий отчетному	за отчетный год
14.1.	-	-	-	-	-

РАЗДЕЛ III ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИМУЩЕСТВА, ЗАКРЕПЛЕННОГО ЗА УЧРЕЖДЕНИЕМ				
№ п/п	Наименование показателя	Единица измерения	Отчетные данные	
			На начало отчетного года	На конец отчетного года
1.	Общая балансовая (остаточная) стоимость имущества Учреждения (ВСЕГО), в том числе:	тыс. руб.	357,84 (0)	456,34 (0)
1.1.	Общая балансовая (остаточная) стоимость имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления (ВСЕГО), в том числе:	тыс. руб.	357,84 (0)	456,34 (0)
1.1.1.	общая балансовая (остаточная) стоимость недвижимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления, в том числе:	тыс. руб.	0 (0)	0 (0)
1.1.1.1.	общая балансовая (остаточная) стоимость недвижимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления, и переданного в аренду	тыс. руб.	0 (0)	0 (0)
1.1.1.2.	общая балансовая (остаточная) стоимость недвижимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления, и переданного в безвозмездное пользование	тыс. руб.	0 (0)	0 (0)
1.1.2.	общая балансовая (остаточная) стоимость движимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления, в том числе:	тыс. руб.	357,84 (0)	456,34 (0)
1.1.2.1.	общая балансовая (остаточная) стоимость движимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления, и переданного в аренду	тыс. руб.	0 (0)	0 (0)
1.1.2.2.	общая балансовая (остаточная) стоимость движимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления, и переданного в безвозмездное пользование	тыс. руб.	0 (0)	0 (0)
1.2.	общая балансовая (остаточная) стоимость особо ценного движимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления	тыс. руб.	88,49 (0)	186,98 (0)
2.	Количество объектов недвижимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления (ВСЕГО), в том числе:	ед.	-	-
2.1.	здания	ед.	-	-
2.2.	строения	ед.	-	-
2.3.	помещения	ед.	-	-
3.	Общая площадь объектов недвижимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления (ВСЕГО), в том числе:	кв. м.	-	-
3.1.	общая площадь объектов недвижимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления	кв. м.	-	-
3.2.	общая площадь объектов недвижимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления, и переданного в аренду	кв. м.	-	-
3.3.	общая площадь объектов недвижимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления, и переданного в безвозмездное пользование	кв. м.	-	-
3.4.	общая площадь объектов недвижимого имущества, арендованного для размещения учреждения	кв. м.	-	-
4.	Информация о недвижимом имуществе, переданном Учреждением в аренду			
№ п/п	Наименование объекта недвижимого имущества, переданного в аренду (согласно договору)	Наименование арендатора	Основание (дата и номер договора аренды, срок действия договора)	Доходы, полученные Учреждением от сдачи недвижимого имущества в аренду в отчетном периоде, тыс. руб.
4.1.	-	-	-	-

РАЗДЕЛ IV О ПОКАЗАТЕЛЯХ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЯ						
№ п/п	Наименование видов деятельности учреждения, в отношении которых установлен показатель эффективности	Правовой акт, устанавливающий показатель эффективности деятельности учреждения в отношении реализуемого учреждением вида деятельности	Данные о достижении показателей эффективности деятельности учреждения			
			наименование	единица измерения	целевое значение	фактическое значение
1.	-	-	-	-	-	-
2.	-	-	-	-	-	-
	-	-	-	-	-	-

АРТ

www.artlad.ru

2022

БЫСТРО! УДОБНО! ДОСТУПНО!

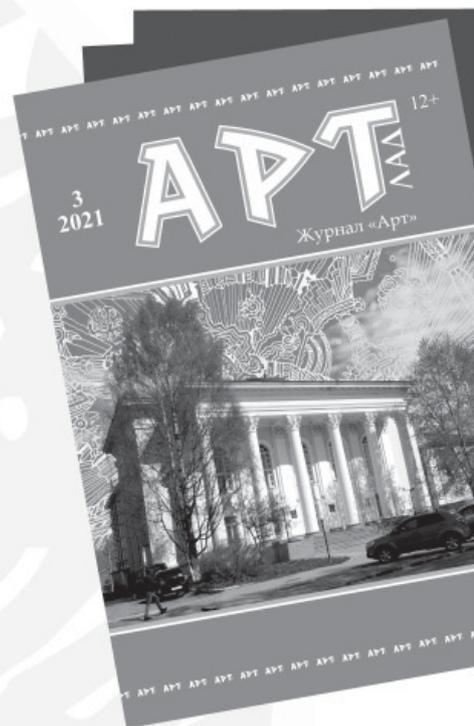
АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПОДПИСКА

Дорогие читатели!

Теперь вы можете оформить годовую подписку на электронную или печатную версию журнала «Арт» (при условии получения в редакции журнала), не выходя из дома. Достаточно перечислить 200 р. по указанным ниже реквизитам, в сообщении указать e-mail и ФИО подписчика.

Наши реквизиты:

Получатель: АУ РК «Редакция журнала «Арт»
ИНН/КПП 1101485466/110101001 р/с 40603810328004070042
КОМИ ОТДЕЛЕНИЕ № 8617 ПАО СБЕРБАНК
БИК 048702640 к/с 30101810400000000640
e-mail: artkomi@mail.ru

Журнал «Арт» можно приобрести:

в магазине «Ордым» (Дом печати, ул. К. Маркса, 229)

в книжном киоске торгового центра «Дом быта» • в магазине «Дом книги»

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС - П4453

ART ART

<http://www.artlad.ru/>

Подписной индекс: П4453

ART ART